

РУДОЛЬФ ШТАЙНЕР
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ТРУДОВ

RUDOLF STEINER

Menschliches Seelenleben
und Geistesstreben
im Zusammenhange
mit Welt- und Erdentwicklung

Neun Vorträge, gehalten in Dornach
vom 29. April bis 17. Juni 1922

1998

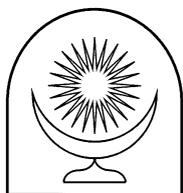
RUDOLF STEINER VERLAG
DORNACH / SCHWEIZ

РУДОЛЬФ ШТАЙНЕР

Душевная жизнь и
духовные стремления человека
в связи с развитием
мира и Земли

Девять докладов, прочитанных в Дорнахе
с 29 апреля по 17 июня 1922 года

Перевод с немецкого
Л. Б. Памфиловой

ТИТУРЕДЪ

МОСКВА

2012

УДК 130.3:141.133

ББК 87.2

Ш 87

Перевод с немецкого Л. Б. Памфиловой

Rudolf Steiner

*MENSCHLICHER SEELENLEBEN UND GEISTESSTREBEN
IM ZUSAMMENHANGE MIT WELT- UND ERDENTWICKELUNG*

Штайнер Р.

Душевная жизнь и духовные стремления человека в связи с развитием мира и Земли. – М.: Титурель, 2012. – 184 с.

ISBN 978-5-902490-13-5

Впервые на русском языке: том № 212 Полного собрания трудов основателя духовной науки (антропософии) Рудольфа Штейнера (Штайнера). Курс из девяти докладов посвящён особенностям человеческой душевной жизни, его духовным устремлениям в разных эпохах мирового развития. С одной стороны – развитие человека, с другой – влияние на это развитие различных духовных существ, как правомерных его союзников, так и тех, которые хотели бы подчинить его своим, антиэволюционным целям.

Издательство благодарит Н.И.Махрачёву за поддержку этого издания.

УДК 130.3:141.133

ББК 87.2

ISBN 978-5-902490-13-5

© Издательство «Титурель» 2012

© Памфилова Л. Б., перевод

© Елин Г. Я., оформление

Перевод с немецкого выполнен с оригинального издания:

Bibliographie-Nr. 212. Menschliches Seelenleben und Geistesstreben im Zusammenhange mit Welt- und Erdentwicklung

ISBN 3-727-2120-7 Rudolf Steiner verlag. Dornach / Schweiz.

ДУШЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ЧЕЛОВЕКА
В СВЯЗИ С МИРОВЫМ
РАЗВИТИЕМ

Первый доклад

Дорнах, суббота, 29 апреля 1922 года

Цикл докладов был объявлен под названием «Человеческая душевная жизнь в связи с мировым развитием». Ведь в самом человеке душевная жизнь прежде всего такова, что по большей части не чувствуешь себя побуждённым непосредственно из переживания душевного ставить вопрос о воспитании человеческого душевного в мировом развитии, то есть ставить его осознанно. Зато неосознанно именно эти вопросы ставятся в человеческой душе постоянно: Какое отношение я, как человек, имею в основном к общему мировому развитию? — И можно сказать, что откликом этого бессознательного вопроса в глубинах человеческой души всегда была, собственно говоря, именно религиозная жизнь человечества. Ибо то воспитание, которое более или менее ясно подводило человека к вечному в религиозном смысле, является собственно выражением этого бессознательного вопроса в глубинах человеческой души.

В сознании душевная жизнь протекает так, что человек в известной степени чувствует себя в своей душе замкнутым, чувствует себя во всём том, что он переживает с помощью своей души через внешний мир, чувствует себя в том, что остаётся в душевной жизни в воспоминаниях благодаря впечатлениям внешнего мира, переживает то, что сказали ему его ощущения, его чувства при переживании внешнего мира, при переживании дальнейших судеб внешнего мира, представлений воспоминания и так далее, так что потом, когда человек смотрит на жизнь своей воли и своих поступков, он говорит себе: „Из глубочайшего внутреннего моего существа, из глубин, о которых я пока не могу вынести никакого суждения, выбиваются наружу импульсы моего представления, моего чувствования и моего желания”.

О представлении по образцу внешних чувственных восприятий, о представлении, которое живёт в воспоминаниях, о волевых импульсах, которые изживаются во внешних поступках, — обо всём этом человек говорит как о чём-то замкнутом, когда он, прежде всего, глядится в свою душевную жизнь, когда стремится прийти к тому, что в обычной жизни называют самонаблюдением, самосозерцанием. Но более глубокий взгляд в собственное существо тотчас проясняет, что всё-таки глубочайшие душевные потребности отнюдь не могут быть удовлетворены таким самонаблюдением и человек в своём глубочайшем внутреннем должен поставить вопрос: „Что же присутствует во мне, связанное с чем-то причинным, возможно с вечностью, что лежит в основе преходящих явлений, которые предстают мне в природе и в человеческой жизни?“

Глубочайший корень своего собственного существа человек определённым образом ищет в чувстве, и прежде всего в ощущении. И отсюда ему затем звучит либо познавательно, либо религиозно, либо как-то иначе поставленный вопрос: „Как же этот корень укореняется? Этот корень, который я чувствую в себе, укоренён в некоем объективном, пожалуй, в некоем космическом, короче, во внешнем, которое подобно моему внутреннему и которое является таким, что я могу быть удовлетворён этим укоренением своего внутреннего в нём?“ — Собственно говоря, душевное настроение человека зависит от того, в состоянии ли он так или иначе получить в жизни ответ на этот глубоко внутренне судьбоносный для жизни души вопрос.

Этими словами мы чуточку приоткрываем то, как в определённом смысле противоречива человеческая душевная жизнь, противоречива в том, что прежде всего её имеешь как замкнутую в мышлении, чувствовании и желании, но что этим отнюдь не можешь быть удовлетворён, потому что ведь даже внешне воспринимаешь, что телесная оболочка до известной степени разделяет судьбу возникновения и исчезновения объектов природы и что внешний способ рассмотрения совершенно не открывает, в

какой мере душевное может соединяться с вечным, когда, прежде всего для внешнего наблюдения, с прекращением жизни в физическом теле всё же осознаёшь исчезновение душевного.

Самая внутренняя потребность души противоречит прежде всего тому, что может получить душа при первом самонаблюдении, как оно проявляется именно в обычной жизни. В том случае, если довольно глубоко ощущаешь это противоречие, которое связано однако с этим соответствующим судьбе внутренним переживанием человека как человека, тогда, пожалуй, видишь эту бушующую, ткущую душевную жизнь и тогда обнаружишь, что она особенно в направлении двух полюсов до определённой степени такова: в одном направлении формирует представление, в другом — волю. Между представлением и волей находишь характер (*Gemüt*), чувство, и обнаруживаешь, как представления, создаваемые, скажем, из внешнего мира, сопровождаются ощущениями и чувствами, которые этим представлениям дают внутреннее душевное тепло, — тепло, которое необходимо душе. Замечаешь, как на другой стороне то, что вытекает из души как волевой импульс, тоже соединяется с тем, что соответствует ощущению и чувству, как из определённых чувств и ощущений мы воспринимаем то или иное волевое решение, как мы сопровождаем чувством то, что возникает из этого волевого решения, — либо удовлетворяясь в себе тем, что мы хотим, что соответственно возникает из желания, либо не удовлетворяясь. На одном полюсе душевной жизни мы до известной степени видим представления, на другом полюсе — волевою жизнь, и в середине, сразу после жизни представлений и сразу после волевой жизни, — жизнь характера, жизнь чувств и ощущений.

И если мы более внимательно рассмотрим жизнь представлений, то для обычной жизни должны — конечно, если мы честны, — признать, что жизнь наших представлений протекает так, что она прежде всего примыкает к тому, что мы переживаем вовне, что переживают все наши органы чувств во внешнем мире. Конечно, душевная жизнь определённым образом продолжает пе-

реживания органов чувств, даёт переживание чувства цвета, порой выносит из глубины души представления воспоминаний с совсем другим окрашиванием, чем оно было воспринято во внешнем чувственном мире. Но тот, кто не предаётся грёзам и противостоит своему собственному миру фантазий так, что не впадает в иллюзии, тот всё-таки в жизни представлений повсюду обнаруживает, как он побуждён внешней чувственной восприимчивостью. И если мы затем определённым образом изолируем себя от внешней чувственной восприимчивости и, не засыпая, остаёмся в своей собственной жизни представлений, не разворачивая волю, то входим в этой жизни представлений, разумеется, по-разному в то, что является воспоминанием внешнего восприятия, и в то, что суть преобразованные внешние восприятия. Только мы совершенно отчётливо ощущаем образный характер того, что мы здесь в них воспринимаем, когда определённым образом мы закрываем все чувства и переживаем в душе только представление. Мы чувствуем, что имеем образы того, что проявлено этими представлениями. Мы чувствуем даже мимолётность этих представлений; они вступают в наше сознание, они снова выходят из нашего сознания. Мы не можем непосредственно обнаружить, существует ли в них реальность, или же они являются только образами. Если же мы предполагаем, что в их основе лежит реальность, то вначале мы не можем осмысливать эту реальность, потому что представления предстают нам как образы. Мы знаем совершенно точно: живя в представлениях, мы живём в мире образов.

И в таком случае то, что мы переживаем в мире нашей воли, радикально отличается от этого мира образов. Это нельзя увидеть нашим обычным сознанием. Обычное сознание схватывает одну мысль или неопределённый инстинктивный импульс: я хочу то или это, я хочу привести в движение руку. — После относительно короткого времени следует движение руки. Движение руки в свою очередь видишь. Имеешь два представления: представление, что хочешь поднять руку, и представление, что рука

поднята. О том, что в нашем человеческом существе развернулось между ними как воля, в настоящий момент не имеешь никакого представления. Это исчезает в бессознательном подобно состояниям сна. В отношении нашей воли мы спим, даже бодрствуя. В то время как представления в нашем обычном сознании могут существовать со светлой ясностью — хотя во время представления мы и не знаем, как они коренятся в реальности, но всё-таки мы можем иметь их в своём сознании совершенно ясно и светло, — то, чем является воля, раскрывается нам из сознания, когда эта воля осуществляется.

Но зато в отношении этой воли мы знаем нечто другое. Эта воля, когда она становится поступком, когда она является реальной волей, а не только одним желанием, она несомненно проявляется в реальности. Прежде всего я имею представление, оно является образом: я подниму руку. — То, что происходит потом обычное сознание не знает, но рука поднимается. Осуществляется реальный процесс во внешнем мире. То, что живёт в воле, становится внешней реальностью, как внешней реальностью становятся другие процессы природы.

Я пока не знаю, как переживаемое тут мысленно в качестве представления связано с какой-либо реальностью. При моей воле я совершенно точно знаю: она связана с реальностью, но я не могу увидеть её светло и ясно, как представления.

И то, что существует между ними — ощущение, чувство, которые окрашивают представление, которые окрашивают волю, они, с одной стороны, участвуют в яркости, в светлой ясности представления и, с другой стороны, в тьме, в бессознательности волевых импульсов. Мы видим розу. Внутренне мы представляем её себе как образ. Мы отводим наш взгляд от розы. Мы имеем её как образ в представлении. Мы как люди не наполнены абсолютным внутренним холодом. Мы ощущаем радость в розе, ощущаем в ней удовольствие. Внутренне мы удовлетворены существованием розы. Прежде всего мы, конечно, можем сказать себе, что это чувство радости, это чувство удовлетворения суще-

ствованием розы, это чувство удовольствия возникает из нашего человеческого существа. Как оно возникает в глубине нашей души, это для обычного сознания остаётся пока неясным, но оно соединяется со светлой, яркой ясностью представлений. До известной степени оно проявляет, окрашивает представления. Получая отчётливое представление о розе, мы получаем также отчётливое представление о том, что нам нравится. Яркая, светлая ясность представления розы переносится на наше чувствование.

Но когда мы имеем волевой импульс — нам стоит только испытать себя, — тогда он появляется из глубин нашего существа: я хочу то, я хочу это. — Но как часто мы осознаём, что нас инстинктивно пронизывает то или другое! Наши представления часто нам говорят: „Это не должно происходить“, — нередко наши представления говорят нам: „Мы не довольны тем, что происходит“. — Но когда мы в свою очередь оглядываемся на свою собственную душевную жизнь и спрашиваем о своих чувствах, то бываем вынуждены сказать: „То, чем мы можем быть даже недовольны, произошло из определённого чувства, и оно коренится в таких тёмных глубинах души, что даже его свойство остаётся для нас неосознанным по своему происхождению“. И то, что мы ощущаем при этом, устремляется равным образом, я бы сказал, вниз в эту бессознательность, в эту тьму желания (Wollens). Насколько по-разному наше чувствование участвует, с одной стороны, в светлой ясности жизни представлений, и, с другой стороны, в смутности волевой жизни!

Так трояко является нам наша душевная жизнь: как мышление, то есть как представления, как чувствование и как желание. Но внутри в направлении обоих полюсов это в реальности оформлено абсолютно по-разному.

Итак, представления нам прежде всего указывают на чувственный мир. В наше сознание мы вносим, разумеется, не только простые восприятия чувств. Простыми восприятиями чувств были бы: красное, синее, ноты до диэз, до, соль, тёплое, холодное, благоухающее, зловонное, сладкое, кислое и так далее. Да-

же текущие потоки этих чувственных ощущений мы можем приписать ещё непосредственно самому чувственному миру. А как же тогда, когда мы противостоям усложнённым внешним процессам? Допустим только, что мы противостоям некоему человеку: бесчисленные чувственные ощущения входят в нас от этого человека. То, что мы видим в его лице, что мы видим в нём ещё, что он говорит, характер его движений — мы могли бы привести много простых чувственных восприятий; только всё это формируется как раз в одно целое, в то, что мы в таком случае переживаем как человека. Так что мы можем сказать: «Благодаря чувственным восприятиям мы переживаем мир».

Однако в узком смысле к нам привязаны только сами чувственные восприятия. Простые чувственные восприятия: красное, синее, до диез, соль, теплое, холодное и так далее — ближе всего находятся к нам в отношении нашей душевной жизни. То, что мы переживаем более усложнённо — мы думаем об одном человеке, но можем думать также и обо всём внешнем событии, — становится в итоге тоже чувственным переживанием. Оно противостоит нам как объективное внешнее переживание. Мы знаем, что мы тесно связаны с красным цветом розы, направляя свои глаза на розу. Но если мы когда-то видели, как, скажем, мать дарит розу своему сыночку, то мы имеем более сложный процесс. Он отделяется от нас; там мы не связаны с этим так интимно, и только если из того, что мы знаем, например, о розах Ширази¹, мы вспоминаем более сложное, которое не видели, о котором только по-другому слышали, неким способом, когда чувственные восприятия совсем не имеют непосредственного отношения к внешнему виду, это к нам несколько приближается. Может быть, мы прочитали об этом — чувственные восприятия стали восприятиями типографской краски, формой букв на бумаге; или мы услышали об этом, когда нам кто-то рассказывал, но эти чувственные восприятия указывают нам на нечто, очень от

¹Город в южном Иране, известный разведением роз.

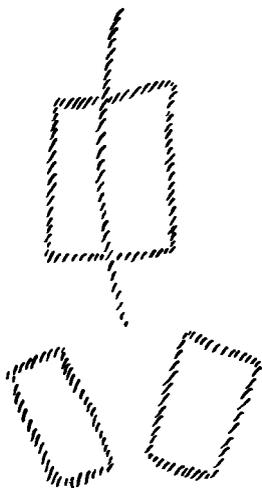
нас изолированное. Мы можем обнаружить разницу между интимным, которое чувственные ощущения имеют в нашей душевной жизни, и тем, что, сверх того, внешне более отделено от нас, что мы лишь косвенно получаем через чувственные восприятия.

Но и на другом полюсе человеческой жизни происходит подобное. Когда я двигаю рукой, это является проявлением воли. Не происходит ничего другого, кроме чего-то в моём собственном организме. Я тесно связан с тем, что следует здесь из импульса воли в качестве волевого проявления. Я так же интимно связан с этим, как и с неким чувственным восприятием. Но теперь представьте: если я не просто двигаю тут своей рукой, но колю дрова, тогда происходящее посредством моей воли уже отделяется от меня. Это становится внешним процессом. Итог моего волевого импульса такой же, как и движения руки, но только это от меня отделяется. Это существует снаружи. И представьте, какие сложные процессы могут вытекать из таких волевых импульсов! Но детальнее вникая в существо дела, вы можете сравнить то, что, с одной стороны, входит в нас, когда интимные чувственные ощущения ведут нас во внешние события, которые отделены от нас, и то, что исходит из нас, когда волевые импульсы отделяются от того, что является лишь результатом волевого импульса из нашего собственного организма, когда волевые импульсы становятся внешними, именно отделившимися от нас событиями. Так мы стоим внутри мира благодаря обоим полюсам нашего человеческого существа.

Но теперь, когда мы провели такое рассмотрение, мы приведены именно к тому, чтобы посмотреть на то существенное различие, которое существует между отношением нашей душевной жизни к тому, что приходит через наши чувства, что тут снаружи происходит в мире: какое-то внешнее событие, которое тут происходит в мире, и которое я воспринимаю через чувственные ощущения — это находится в мире снаружи; но снаружи в мире находится также что-то, на что я воздействовал своим волевым импульсом, и что изошло из меня. Оба процесса являются внеш-

ними. Если я в первом случае мысленно перенесусь в мои чувственные ощущения и представлю себе только внешний процесс: это ведь внешний процесс; в другом случае, если я мысленно перенесусь благодаря своему волевому импульсу и взгляну на то, что произошло через меня: это тоже внешний процесс. Я нахожусь с внешним миром в двояком отношении. Но то, с чем я имею отношение, является как раз внешними, отделёнными от меня процессами. Во внешнем мире одно входит в другое.

Допустим, я колю дрова. Прежде всего, я вижу перед собой дрова. Пожалуй, я вижу перед собой не только дрова, но сложный внешний процесс. Я вижу кого-то, кто приносит сюда и кладёт передо мной дрова, которые я должен потом расколоть. Теперь я готов рубить, колоть дрова. В свою очередь при каждом полене мной овладевают мои чувственные ощущения. Вначале я имею полено таким; затем раскалываю его — теперь оно выглядит так. Так было без меня. А это произошло через меня

(см. рис.). Чувственные ощущения входят из одного в другое, так что во внешних событиях происходящее через меня и не происходящее через меня есть один сливающийся поток.

Нужно только ощутить, как прямо-таки воспламеняется загадка душевной жизни в этом простом вопросе, — как я, с одной

стороны, смотрю на то, что как мир присутствует готовым, с другой стороны на то, что происходит через меня. Так прежде всего охарактеризован, я бы сказал, самый простой внешний факт нашего отношения как души к окружающему миру. Конечно, тем, что так охарактеризовано, пока не сказано ничего особенного, а только выявлена с определённой стороны загадка.

Мы же поставим эту загадку, эту проблему с другой стороны. Мы имеем в себе наши органы чувств. Собственно, через эти органы чувств мы прежде всего узнаём нечто о внешнем мире. Мы имеем в себе наши конечности. Посредством этих конечностей мы приводим себя в движение. И собственно говоря, всё, что мы вносим во внешний мир через наш импульс воли, происходит через посредство наших конечностей. Итак, с одной стороны, мы имеем наш мир чувств, с другой стороны, наши конечности. И уже из всего этого факта, как мы его представили, мы можем сказать: сущность наших конечностей и сущность наших чувств полярно противоположны друг другу. Внешний мир, пока он не станет нашим внутренним, у наших чувств до известной степени кончается; у наших конечностей до известной степени начинается внешний мир, который потом удаляется от нас, устремляется дальше. Это призывает нас искать связь между нашими чувствами и нашими конечностями. Пожалуй, мы можем наглядно продемонстрировать самое существенное того, что проявляется в человеческих чувствах, рассматривая глаз, ибо глаз, может быть, нагляднее всего выражает сущность чувства. Глаз относительно автономный орган; он как автономный орган помещён в своё углубление в кости. Только то, что разворачивается как жизнь нервов, жизнь крови глаза, входит во внутреннее нашей телесной организации как пучок, как продолжение назад. Здесь происходит связь со всем нашим организмом, но, не считая этого, глаз является относительно автономным.

Мы видим, я бы сказал, весь ряд прежде всего физических процессов в глазу, по крайней мере процессов, которые мы можем объяснить физически. Говоря символически, мы можем ска-

зять: свет приближается, проникает в наш глаз и там определённым образом перерабатывается. Я не буду сейчас характеризовать физические, химические процессы, которые происходят, ибо я хочу говорить о душевной жизни, а не о физиологии. Но я хотел бы обратить ваше внимание на то, что мы, следовательно, имеем в глазу прежде всего некий род автономной жизни.

Моделируя глаз как абсолютно физический аппарат, мы можем даже сравнить этот род самостоятельной жизни с тем, что происходит в некоего рода камере обскура, в которую так же, как в глаз, проникает свет. Мы можем иметь определенные процессы, которые потом уже, разумеется, не живут в глазу и не становятся, как в глазу, ощущениями, но мы можем моделировать определённые процессы, мы можем представлять их, как в определённом физическом аппарате. Отсюда мы видим, что тут в относительно автономном организме происходит нечто подобное физическому процессу, который непосредственно до сознания не доходит. До сознания доходит то, что является определённым образом оформленным, определённым образом освещённым внешним объектом. То, что подобно физическому процессу, что в человеке до известной степени происходит бессознательно, происходит в человеке как автономный процесс. Тем, что это возможно, человек обязан этой относительной автономности своего органа зрения. У других чувств это меньше бросается в глаза, однако же для каждого чувства можно сказать нечто подобное; но мы хотим это понять именно у охарактеризованного чувства глаза.

Мы видим, что чувственное восприятие является чем-то относительно автономным. Мы можем прямо-таки сказать, рассматривая глаз в процессах, существующих в нём самом (см. рис. на с. 18), что внутри до проводимости нервов и крови существует процесс, подобный продолжению того, что происходит во внешнем мире, столь сильное продолжение, что мы можем, как я обозначил, это физически моделировать. Это подобно тому, как если бы внешний мир простирался в нашем внутреннем, как в мор-

ском заливе; определённым образом то, что происходит во внешнем мире, продолжается в наше внутреннее, я имею ввиду физически-телесное внутреннее. Взгляните, одна сторона чувственного восприятия заключается в том, что внешнее продолжается в

нашем внутреннем, что потом мы своей внутренней жизнью, своей внутренней активностью охватываем то, что образуется извне внутри как некий морской залив, охватываем неким способом, о котором мы поговорим именно в этом цикле докладов.

Но существует другая сторона чувственной жизни. Есть сторона жизни чувств, которую, если мы рассматриваем глаз, можно охарактеризовать примерно так. Я хочу сейчас говорить не о слепых, но рассмотреть вопрос больше в общечеловеческом смысле; кроме того, мы близко подойдём ко всем этим вещам с точки зрения антропософской духовной науки. Допустим, мы были бы лишены зрения. В определённом смысле мы можем уже составить себе представление о том, что в том случае, когда в нас отсутствует нечто, а именно то, что притекает через чувство зрения, мы имеем дефект в нашей душевной жизни. Стоит только представить себе, как это происходит, когда во внутреннем души присутствует такая тьма, потому что не может проникать свет. Мы знаем, что определённые человеческие натуры при определённых темпераментах часто испытывают в душевной жизни состояния страха, когда они находятся во тьме. Люди, которые слепы или рождены слепыми, разумеется, не осознают такие со-

стояния, но ведь объективно они переживают нечто подобное тому, что переживает человек, который обычно живёт во тьме. Состояния боязни темноты основываются на переживании тьмы, и это может научить нас тому, что наше душевное состояние связано именно с тем, что проникает в нас через наши глаза. Но мы можем также представить, что такие душевные состояния в таком случае воздействуют на наше органическое состояние.

Кто обречён на определённую меланхолию вследствие того, что вынужден из-за отсутствия света зрения жить как бы в потёмках, тот перенесёт эту меланхолию на определённые тонкие структуры своего глаза. И мы можем легко себе представить, что человек не был бы таким, каков он есть, если бы он не получал в свой организм то, что входит в нас как раз через душевное переживание света. Это душевное переживание света изливается на всё наше внутреннее существо. Оно продолжается в нас, продолжается до той степени, что мы можем создать себе представления даже о том, как, скажем, определённые процессы в сосудах, определённые внутренние процессы выделения или прочие процессы происходят по-другому благодаря тому, что наш организм пролетает освежающее, оживляющее восприятие света, между тем как восприятие тьмы по-другому воздействует даже на нашу внутреннюю секрецию, на нашу циркуляцию. Короче, мы можем представить себе, если мы останавливаемся на глазе, как мы обязаны глазу тем, что можем в глубине своей души представлять собой не только определённые процессы и реальности внешнего мира, но и определённое внутреннее, не только душевное состояние, но и физическое, телесное состояние. Мы определённо являемся тем, что из нас делает свет.

Если теперь мы отвлекаем душевный взор от глаза, в котором мы видим, с одной стороны, что он является органом зрения, что он просто даёт нам представления для нашей внутренней душевной жизни, и, с другой стороны, что он через переживание светлоты или темноты даёт нам — вплоть до телесного — подкрепление или расстройство во всяких бессознательных, инстинктивных

процессах, и что мы определённо существуем так, как и можем существовать благодаря переживанию зрения. Отвлечём от этого душевный взор и обратим его на наши лёгкие.

Лёгкие тоже находятся в связи с внешним миром. Они воспринимают кислород из внешнего воздуха; они его перерабатывают. Они через дыхание поддерживают нашу жизнь. Если мы не индийские йоги, то своим сознанием мы ничего не воспринимаем, когда осуществляем свой процесс в лёгких. Однако лёгкие действуют сообразно тому, как они воспринимают внешний воздух — здоровым образом или из-за своего болезненного состояния неправильно, и это действует в нас дальше. Как мы дышим лёгкими, так мы и существуем. Лёгкими мы воспринимаем не ради обычного сознания, но через наши лёгкие мы имеем нечто, что позволяет нам определённым образом существовать в нашем организме.

Для глаза мы можем сказать — и это можно сказать для каждого внешнего чувства, — что, с одной стороны, он живёт чувственным процессом восприятия, с другой стороны, едва заметно другим процессом, ибо мы прежде всего должны довести до своего сознания, что здесь через переживания света или темноты в нас также происходит нечто, являющееся не таким сильным, не таким радикальным, так ясно выраженным, как то, что происходит в нас через восприятие кислорода лёгкими. Что человек существует благодаря восприятию кислорода лёгкими, — это он знает, поскольку это грубый, сильный, интенсивный виталистический процесс. То, что мы имеем через глаз наряду с основным процессом зрения, является интимным, слабым виталистическим процессом. Так что мы можем сказать: у такого органа, как лёгкие, особенно сильно проявлено то, что у глаза, у чувственного органа, только слабо обозначено.

А теперь вы можете перечитать в моей книге «Как достигнуть познания высших миров?» и во второй части моего «Очерка тайноведения», как человек может осуществлять упражнения, благодаря которым он может развивать к высшим способностям

определённые, обычно скрытые в нём познавательные силы. Через такие упражнения он преобразует всё своё внутреннее. Но то, что происходит через это преобразование, именно для нашего примера может быть охарактеризовано так, что лёгкие обнаруживают некое свойство, подобное свойству глаза. В первую очередь, при высшем созерцании виталистический процесс отступает, конечно, на задний план. Мы меньше отдаёмся тому, что органически делает из нас лёгкое через дыхание; но мы так преобразуем лёгкое, что теперь оно тоже становится органом чувств, разумеется не физическое лёгкое, но более тонкая часть, эфирная часть лёгкого. Из лёгкого в его тонком членении (*Gliedrigkeit*) мы получаем нечто подобное тому, чем является глаз, не делая чего-либо для этого. Наш глаз, являющийся сформированным в нас органом, природа преобразовала в некий орган осмотра, обозрения (*Schauorgan*). Лёгкое для нашего обычного сознания является прежде всего органом, который сформирован в нас. Переживая в себе познание высших миров, мы преобразуем его в некий организм обзора, в некий высший орган чувств вместе с его тонкой эфирной частью.

И если мы переживаем в лёгком это эфирное бытие, которое обнаруживаем только сейчас, мы можем теперь так же описать лёгкое. Мы можем сказать: тут существует лёгкое, эфирное лёгкое. Эфирное тело лёгкого, которое воспринимаешь, является, следовательно, высшим органом зрения. И мы имеем в себе физическое лёгкое, которое является жизненным (*vitalisierendes*) органом. Вы видите, что при достижении познания высших миров лёгкое из обычного не воспринимающего телесного органа, который служит росту, жизненному развитию тела, становится органом чувств в высшем смысле.

Такие рассмотрения мы можем предложить для сердца, да и для других органов — для почки, для желудка и так далее — мы можем предложить такие рассмотрения. Все органы, которые человек несёт в себе, могут через определённое высшее развитие

стать чувственными органами, когда их эфирное или ещё более духовное, астральное, превращается в органы восприятия.

С одной стороны мы смотрим на природу, затем на наши органы чувств и говорим себе: в наших чувствах лежит нечто, что, с одной стороны, содействует именно чувственным восприятиям, а, с другой стороны, нашей жизненности. Мы смотрим на наши внутренние органы: лёгкие, сердце и так далее. Мы находим, что они прежде всего являются органами, поддерживающими нашу жизненность. Мы формируем их посредством тех методов, которые я описал в «Как достигнуть познания высших миров?» — они становятся органами чувств. И так же, как посредством глаз мы воспринимаем свет или цвета, то есть, определённую часть внешнего чувственного мира, так и определённую часть внешнего духовного мира мы воспринимаем именно посредством эфирного органа лёгкого, другую часть внешнего духовного мира — посредством эфирного сердца. Мы можем весь наш организм преобразовать в организм чувств.

Посмотрите, здесь некоторым образом реально схвачено то, что обычно как внешний мир проникает лишь к поверхности органов чувств и затем становится представлением. Но проникая теперь в человека как в духовный мир, вы имеете это глубже. Человек, развиваясь к познанию высших миров, преобразуя свои внутренние органы в органы чувств, постепенно становится внутренне таким прозрачным, как прозрачен глаз. Мы видим, как его пронизывает внешний мир.

Но отсюда вы видите, что, оставаясь при обычном сознании, мы можем только взглянуть на внешние чувства, которые мы можем описать такими, какими они являются. Но представьте себе, может ли человек знать общее народоведение Земли, если он знаком только с тремя народами, если он слышал только о трёх народах? Нет, ибо он должен уметь сопоставлять. Подумайте о том, что за познание даётся нам для сравнения также внешних чувств, если мы можем себя спрашивать: Какими явля-

ются наши внутренние органы, когда они тоже становятся чувствами?

Именно благодаря этому мы достигаем человеческого познания совершенно особого рода. Мы достигаем познания того, что в нас находится, что в нас может возникать. Да, но не указывает ли это и на нечто иное? Не поднимает ли это некий важный вопрос? О да, это ставит вопрос: Когда благодаря нашему собственному, благодаря взятому в собственные руки высшему развитию наше легкое становится органом чувств, то есть когда до известной степени ход развития таков, что вначале мы имеем в лёгком жизненный орган, а затем орган чувств, как же тогда это происходит, например, с глазом или с другим чувством? Может быть здесь происходит так, что сегодня он является органом чувств, но когда-то, однако не в сознательном процессе, какой мы совершаем при достижении высшего познания, но когда-то в более раннем мировом развитии существовал такой жизненный орган, то есть может быть глаз был органом, который служил организму подобно тому, как сегодня служит лёгкое, не являясь органом восприятия?

По крайней мере прежде всего ставится вопрос: Так как в наши жизненные органы вкладывается возможность формирования чувства, так как мы видим, как возникает чувство, мы не будем тут указывать на то, чтобы однажды обратить внимание, не объясняются ли чувства подобным образом через внешнее мировое развитие, и не вернуться ли с человеческим существом в прежние эпохи, когда человеческое существо ещё не было этими внешними чувствами обращено наружу, но когда эти внешние чувства были внутренними органами, были жизненными органами, то есть когда человек в отношении своих нынешних внешних чувств был слеп, был глух, но его глаза, которые, конечно, были ещё оформлены иначе, служили чему-то другому, так же как и его уши служили чему-то другому?

Одновременно мы видим, как достижение познаний высших миров добавляет нечто к тому человеческому познанию, которое мы можем получить только внешним образом.

Ведь большинство из вас слышали от меня сообщения о сущности человека с различнейших точек зрения. Из того, что я сегодня в свою очередь изложил в виде введения пока одну точку зрения, вы можете увидеть, как антропософское рассмотрение может исходить из самых разных точек зрения и через соединение результатов рассматриваний с этих разных точек зрения приходить к всеобъемлющему восприятию человеческого существа.

Часто даже именно теперь представляют себе, что антропософское исследование, ну да, даёт прямой путь с помощью нескольких определений, большинство из которых находится в книгах о высших мирах, которые пишутся в неантропософских кругах. Однако, это происходит не так, но добытое вначале с одной точки зрения, которую порой ужасно критикуют, потому что люди как раз верят, что существует только *одна* точка зрения, можно дополнительно осветить ещё с других точек зрения, и тогда всё соединится в единое истинное здание антропософии, которое несёт само себя.

Кто привык к тому, что он кладёт в основу своего пути к истине в нашу материалистически окрашенную эпоху, тот, пожалуй, скажет: „Да эта антропософия не основывается ни на чём устойчивом, тогда как наука основывается на твёрдом наблюдении”. — Это так, как если бы кто-то сказал: „Земля не может всё-таки свободно парить в мировом пространстве! Каждое тело должно на чём-то лежать, если оно не должно упасть вниз; значит, если бы Земля не покоилась на мощной космической колоде, то она должна была бы упасть”. — Но положение, что всё должно покоиться на основании, ценно только для вещей Земли. Для мировых тел оно уже не имеет цены, и было бы глупостью то, что имеет ценность для Земли, переносить на связь мировых тел. Они взаимно несут себя. И так же это существует у антропософских истин: из мира, к которому мы привыкли, они ведут

нас в другие миры, в которых истины взаимно несут себя. Разумеется, надо внести сущностное для того, чтобы истины таким образом несли сами себя.

Сегодня я хотел дать это как введение к докладам, которые завтра и потом на следующей неделе я буду читать о человеческой душевной жизни в её связи с мировым развитием. Сегодня я как раз хотел оформить введение так, чтобы увидеть, что то, что можно в таком случае сказать об этой душевной жизни с помощью методов сверхчувственного исследования, может, разумеется, послужить исходной точкой в отношении рассмотрений того, что уже сейчас отдаёт себя разумному интерпретированию обычного сознания.

Сегодня я смог сделать только первый шаг от внешнего описания к способу, каким высшее сознание видит, скажем, лёгкое при переходе его в духовный орган чувств, если я могу употребить это противоречивое выражение. Но мы будем продвигаться дальше именно на этом пути, чтобы познакомиться с обозначенным значением душевной жизни.

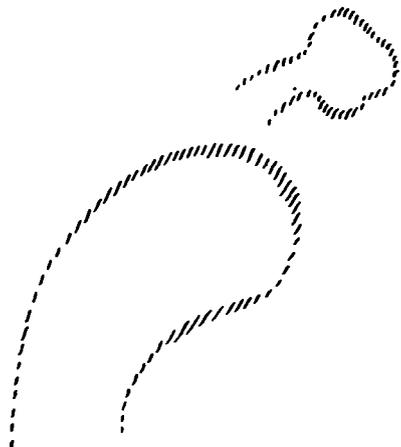
Второй доклад

Дорнах, воскресенье, 30 апреля 1922 года

Вчера я говорил вам об органах чувств и обратил внимание на то, как отличается вид органов чувств, когда мы его схватываем так, что добавляем к тому, что даёт обычное сознание, ещё и познание сверхчувственных миров. Я сказал, что в тот момент, когда мы достигаем духовного созерцания сверхчувственных миров, другие органы — вчера я в качестве примера сослался на лёгкие — становятся органами чувств так же, как ими являются наши обычные органы чувств. Так что именно благодаря этому мы можем получить воззрение, что наши органы находятся в состоянии некоего изменения, становления, и что, созерцая мир так же, как мы можем его созерцать — если я могу употребить это выражение, — в быту, мы собственно всегда получаем лишь нечто сиюминутное, что показывает нам мгновенное состояние, между тем как обозреть его предыдущее и последующее мы не можем.

И мы должны сказать себе следующее. Когда просто продвижение в имажинативный мир, как я назвал его в книге «Как достигнуть познания высших миров?», показывает нам переход нашего лёгкого из простого жизненного органа в орган чувств, тогда мы уже не можем рассматривать это лёгкое так, как рассматривали его в обычной жизни. Мы должны себе сказать: „Наша обычная жизнь обнаруживает одно фиксированное состояние”. — И если мы это состояние, зафиксированное в лёгком, сравниваем с состоянием, определённым образом зафиксированным в наших глазах, тогда мы получаем наглядное представление: то, что показывает нам наше лёгкое, до некоторой степени есть более молодое состояние, чем то, которое показывает нам наш глаз.

Вчера я сказал, что мы можем, по крайней мере, поставить вопрос: „Был ли когда-нибудь в мировом развитии глаз жизненным органом так же, как им сегодня является лёгкое?“ — Остановимся на том, что мы, желая по возможности быть осматриваемыми, пока ставим это как вопрос. Скажем себе, что, по крайней мере, есть возможность лёгкое и глаз соотносить так, как, скажем, мальчика и взрослого человека — один является юной формой, другой — старой формой; то есть когда-то в развитии мира глаз в своей юности мог даже быть жизненным органом, теперь же он стал органом чувств, а лёгкое сейчас является

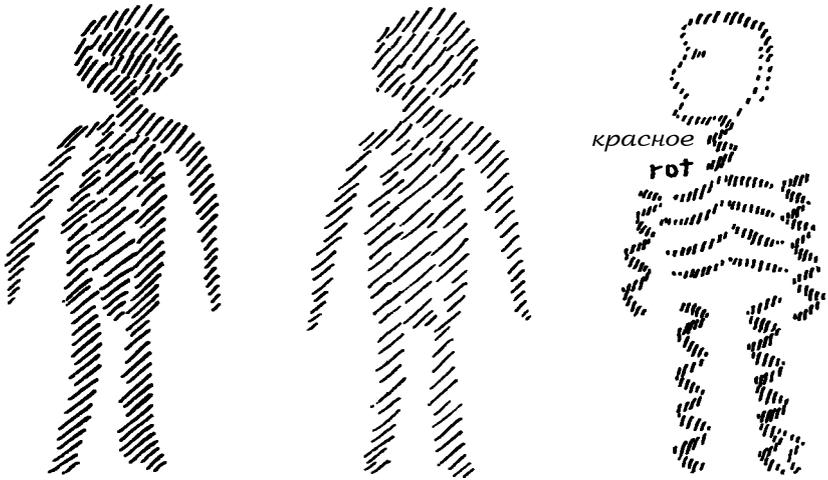

жизненным органом, но позже может стать органом чувств. Истина для нас выявится, если мы именно в этой области всё-таки погрузимся дальше в сверхчувственное познание. Для этого мы сегодня рассмотрим другую сторону, до известной степени другой полюс человеческой душевной жизни — полюс воли. Вчера мы его охарактеризовали, я бы сказал, чисто внешне.

Но рассматривая теперь полюс воли, мы задаём себе вопрос: „Как он выглядит, когда мы вырабатываем имажинативное познание?“ — Да, когда мы вырабатываем имажинативное познание, тогда оказывается, что прежде всего всё, являющееся органами воли, выцветает, бледнеет перед духовным созерцанием. В виде органов нашей воли мы имеем, прежде всего, свои конечности;

эти конечности бледнеют. И характерным является то, что человек, если он поднялся к имажинативному познанию, рассматривая свой внешний организм, по сути дела, теряет конечности и то, что связано с ними внутри — систему обмена веществ; при созерцании он это теряет. Просто он уже не имеет здесь сил, как прежде, как для чувственного созерцания. И если всё то, что мы до некоторой степени утратили здесь, что уклоняется от нас при высшем созерцании, мы сравним с тем, что существует в чувственном мире, то мы придём к довольно удивительному результату.

Этот результат я нарисую вам схематически. Представьте, что мы имеем здесь человека, каким видим его в чувственном мире.

Теперь мы начинаем рассматривать этого человека имажинативным познанием. Конечности бледнеют, теряются. Но бледнеет и всё, являющееся костной системой. И перед имажинативным познанием это становится всё бледнее и бледнее.

Теперь я проявляю то, что стало бледным перед имажинативным познанием; что же я тогда получаю? Я всё больше получаю образ человеческого трупа. То есть ни что иное, как то лишнее, что остаётся от человека и что я погружаю в землю, когда хорошо человека, или что сгорает, когда человека сжигают, которое прекращает быть видимым в той мере, в какой к человеку при-

меняется сверхчувственное познание. Но становится видимым нечто другое. Там, где руки, физические руки становятся всё бледнее, становится видимым то всевозможное (allerlei), что древнее инстинктивное познание видело не так уж неправильно, когда оно говорило о крыльях, когда оно говорило, что на том месте, где человек имеет руки, духовное существо имеет крылья и, конечно, духовный человек после смерти тоже становится крылатым. Но в таком случае, когда ставят на место духовного существа такой род символа, такое крылатое существо, некую улучшенную птицу, возникает некое грубое представление, я бы сказал, призрачно грубое представление. Ибо если продолжаешь познание высших миров, если поднимаешься так, как я это описал, от имагинативного познания к инспиративному познанию, тогда замечаешь, чем это собственно является. У человека то, что здесь можно было бы грубо принять за крыло, является довольно беспорядочным образованием. Вовсе не так легко распознать, что представляет собой то, что тут видишь. Но если на этом детально останавливаешься, то постепенно через тонкое созерцание узнаёшь, что же это такое, что, скажем, появляется на месте моей правой руки и моей правой кисти, когда я поднимаюсь от имагинативного к инспиративному познанию. Я скажу об этом ещё иначе: „Не правда ли, ведь к ужасу господ критиков-материалистов (Materialismuskritiker) руки совершают, особенно во время эвритмии, ужасные движения, много движений”. Это не могут переносить люди, которые не понимают эвритмию. Но если осуществляемое в эвритмии движениями вы рассмотрите с помощью инспиративного познания, то вы увидите, что не руки здесь присутствуют, не кисти рук присутствуют, но здесь присутствуют все движения, все отдельные движения; всё это присутствует здесь. И так как всё это входит друг в друга, и этого существует так много, и всё это переплетается, то это выглядит, как крылья.

Что ж, люди, не являющиеся эвритмистами, тоже ведь осуществляют движения своими руками, и большинство движений человек осуществляет руками. Все эти движения, формы движе-

ний и кривые движений, становятся видимыми (см. рис. оранжевое). То, что является физическим — мышцы, плоть, ко-

сти — перестаёт быть видимым. Движения же становятся видимыми. Конечно, так же происходит и с ногами. Но вчера я вам сказал, что человек ведь не только движется; вчера, чтобы не возбуждать именно мыслительные формы, указывающие на бесполезную жизнь, я назвал не спорт, но назвал колку дров (Holzhacken). Итак, человек непрерывно совершает движения, когда он колет дрова. И все эти движения здесь присутствуют, когда поднимаешься от имажинативного познания к инспиративному познанию. Но человек совершает дела не только посредством своего тела; он может совершать задуманные дела и через других людей и так далее. Всё это постепенно становится видимым, главным образом тогда, когда человек от инспиративного познания поднимается, кроме того, к интуитивному познанию. Короче, в отношении полюса воли постепенно перестаёт быть видимым то, что мы кладём от человека в могилу, тогда как всё то, что он совершил, начинает становиться видимым. И когда человек умер, то вначале от него существует преимущественно то, что он совершил. Это то, что в жизни продвигается дальше, что име-

ет в жизни дальнейшее существование, то, что проходит сквозь смерть — это как некое рождение воли. Итак, вы видите, что мы должны избрать другой путь, если хотим прийти от физического к душевному относительно природы конечностей человека. И с тем, чем является обмен веществ, происходит точно так же.

Итак, я рассмотрел в определённой связи то, что в человеке является бытием чувств, и то, что в определённом смысле является бытием воли, бытием поступка. Мы продвинемся ещё на одну ступень дальше, если теперь снова вернёмся к бытию чувств, к одному полюсу человеческого существа, когда мы развитым имажинативным и инспиративным сознанием оглядываемся назад на то, что же возникает из нашего органа чувств, скажем из глаза, если мы к тому же живём на ступени, когда для нас, скажем, лёгкое стало органом чувств.

Когда наше лёгкое стало органом чувств, тогда неизменно для нас начинается восприятие совсем другого мира, я полагаю, для высшего человека, который постепенно отделяется от обычного человека. Обычный человек, контролируя, всегда стоит рядом — это я публично повторял уже неоднократно, — но я имею в виду, для того человека, который здесь возникает и развивается из другого. Итак, как только наше лёгкое начинает становиться органом чувств, мы начинаем тоже воспринимать мир ещё и так, что переживаем его бытие скорее музыкально как ритм, что переживаем и всё то, что я отчасти изобразил в описании душевного мира, отчасти в описании страны духа в моей «Теософии». Мы начинаем переживать в качестве окружения как раз нечто другое, когда лёгкое становится органом чувств. Вчера я заметил, что оно становится органом чувств в своей эфирной части. Что же в таком случае возникает из обычного органа чувств?

Для органов обмена веществ и конечностей я должен был сказать, что они исчезают из вида. У органов чувств этого не происходит; они не исчезают, они показываются нам в качестве того, чем они являются теперь. То есть они показываются нам в своей духовности. Органы чувств становятся воспринимаемыми, они

становятся объектами, но они становятся чем-то подобным духовным существам. Они существуют в качестве того, что отныне — если я могу так выразиться — населяет наш духовный мир. И в определённом смысле имеет место сильное ощущение, что сами эти органы возрастают до мира, и мы получаем из наших органов чувств вселенную, вновь воздвигнув её. И эта вселенная, которую мы тут получаем, воздвигнув вновь, теперь соединяется для нашего душевного переживания с чем-то другим. Для нашего душевного переживания она соединяется в нас с тем, что в обычной жизни мы называем своими представлениями воспоминания, своими представлениями памяти.

Я должен здесь указать на значительное переживание, которое получаешь при восхождении от имагинативного познания к инспиративному. Чувственные органы до известной степени становятся самостоятельными существами, но они присваивают себе нашу память, наше содержание воспоминаний. И когда мы это замечаем, тогда перед нами совершенно отчётливо выступает нечто из сущности нашего душевного.

Возьмите человеческий глаз. Человеческий глаз прежде всего такой орган, который я описал вчера. Теперь, когда мы начинаем развивать имагинативное познание, подниматься к инспиративному познанию, глаз не исчезает, но исчезает всё физическое в глазу. Но глаз становится всё более духовным. Мы получаем некое мощное содержание, расширенное, я бы сказал, до мирового содержания. Но оно соединяется с нашим содержанием воспоминания (жёлтое), с нашими мыслями, которые существуют в воспоминании, в памяти (см. рис. на с. 34).

Благодаря этому мы пробиваемся вверх к совершенно определённому познанию. Видите ли, довольно тривиальное представление психологии заключается в том, что человек чувственно воспринимает и в этом чувственном восприятии развивает представления, мысли. Затем эти мысли, конечно, идут куда-то туда.

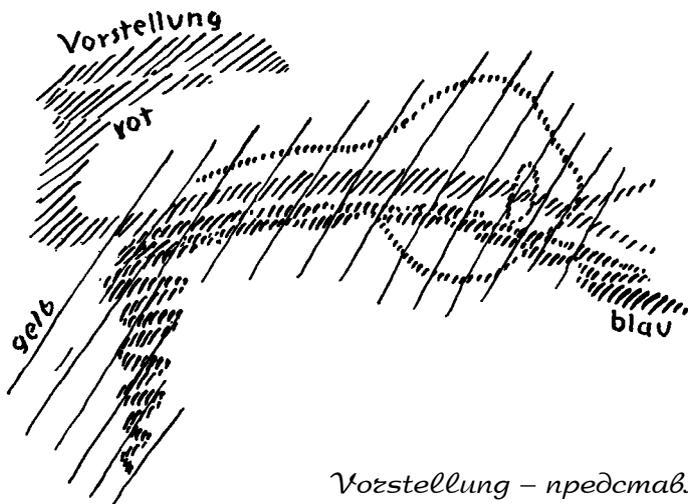
Особенно психология *Гербарта* (Herbart)¹ достигла большого успеха тем, что позволяла этим мыслям исчезать за каким-то порогом; потом, когда вспоминаешь, они снова прогуливаются вверх и опять появляются в сознании.

Такой род психологии всегда напоминает небольшую забавную детскую игру, которую я не раз переживал, будучи совсем маленьким мальчиком: проводят двумя руками у мальчика по тыльной стороне руки вверх к голове (man fährt mit den zwei Händen einem Kinde über den Rücken des Armes bis hinauf zum Kopfe) и затем говорят: „Мышонок бежит к домику. Где он спрячется? В своём родном домике-коробке. (Im Sepperl seinem Kasten)“ — и так далее. Так вот, эта детская игра представляется ребятам так, как если бы мышонок мог бегать по руке и потом находиться в коробке, то есть где-то там внутри, в голове. А эта психология не намного острее. В ней тоже мысли побуждаются восприятиями чувств. Они гуляют затем в этой коробке, в этой коробке души, и возникают снова из этой копилки, когда их потом вспоминают. Итак, это представление очень банально, но это представление, с которым часто гуляют теперь и в психологии. Но если со всем процессом знакомишься посредством имажинативного и инспиративного познания, то сразу же выявляется истина вопроса. Только тогда мы замечаем следующее.

Ни инспиративное, ни имажинативное сознание ведь не создаёт то, что оно созерцает. Это происходит именно так, как если глазом созерцаешь мел, ведь глаз не создаёт мел; мел всё-таки существует. Так же существует и то, что воспринимается тут через имажинативное и инспиративное сознания. То есть, в то время, когда действует обычное сознание, это как реальность существует. Всё это конечно происходит. Только становится воспринимаемым именно благодаря сверхчувственному познанию. В человеке это происходит в каждый момент бодрствования. Но что существует нечто другое, кроме того, что воспринимаешь обычным

¹ Иоганн Фридрих Герbart, 1776-1841, немецкий философ и педагог.

сознанием, что есть некий параллельный процесс, который воспринимаешь, имея только высшее сознание, — это обнаруживается через такой факт. Я скажу так: „В обычной жизни существует всё то, что можешь воспринимать обычным сознанием; но, кроме того, существует ещё и всё то, что получаешь только имажинативным и инспиративным сознанием”. То есть, это процесс, о котором в обычной жизни не знаешь. С ним знакомишься через высшее познание, тогда он представляется таким, что вначале существуют именно только образы, вначале только образы воспоминаний, представления памяти, когда мы имеем их в обычном сознании. Реальность их выявляется только в высшем сознании, выступает наружу теперь только в высшем сознании, так что представления памяти, следовательно, не прогуливаются тут кверху, после того как они сначала спустились как обычные

Vorstellung — представление
rot — красное
gelb — жёлтое
blau — синее

представления. Но если я образу себе представление при чувственном восприятии и потом отстраняюсь от чувственного восприятия, то представление здесь присутствует. Затем через некоторое время оно исчезает. Так как оно является только обра-

зом, оно исчезает полностью; оно отсутствует. Но чувства (органы чувств) совершают ещё нечто иное: они осуществляют процесс, который я не воспринимаю, они во мне в моём внутреннем оживляют (*vitalisieren*) реальный процесс для представления. Так что, если я имею чувственное восприятие, через это чувственное восприятие я образую себе прежде всего представление (красное), но тут, кроме того, существует второй процесс (синее), через который вызывается нечто реальное, а не голый образ. Итак, образ исчезает, когда я его уже не имею. Когда я вспоминаю, то вверх воздействует это представление так же, как прежде чувственное восприятие, и я воспринимаю то, что реально было вызвано во мне, когда я имел чувственное представление, и о чём я не знал.

Но эта реальность есть собственное душевное. Если сегодня вы имеете перед собой физического человека и наблюдаете его снова, скажем, спустя восемь, десять лет, то через десять лет из того, что существует в нём физически сегодня, уже ничего нет. Вы стрижёте себе ногти, с вашей головы падают чешуйки; физическое тело всё время осыпается, отпадает наружу. Оно распаляется. И спустя семь-десять лет, то, что сегодня у вас является глубочайшем внутренним, выходит настолько далеко наружу, что отделяется в качестве чешуек или длинных ногтей. Вы можете спокойно сказать, что находящееся сегодня у вас где-то в середине, постепенно переместившись, отделится наружу. И что же всё-таки продолжает существовать? То, что только и остаётся существовать от человеческого существа, то что развивается тут внутрь как параллельный процесс (см. рис. синее-красное), как реальность для образа представления.

Из того, чем вы являетесь сегодня, спустя десять лет не будет существовать ничего иного, кроме того, что вы восприняли, и что осталось у вас в воспоминании. Вы сотканы из своих воспоминаний; из того, чем вы были десять лет тому назад, в вас уже не существует ничего иного, кроме того, что ваши воспоминания выткали из вас. Физическое отшелушилось, оно вытекло по кап-

ле. Когда уже разумно созерцаешь в совокупности то, что может получить каждый уже обычным сознанием, тогда вполне здоровым человеческим рассудком всё-таки получаешь представление о том, что это должно быть таким, как я развил это здесь сейчас перед вами с помощью имажинации и инспирации.

Если же мы теперь тем способом, каким собственно происходит человеческое развитие относительно душевного, создадим сам образ, то по одну сторону — мы рассматриваем сейчас, я прошу обратить на это внимание, один полюс, мыслительный полюс — мы можем сделать это не иначе, как таким образом (см. рис.). Вначале, когда мы рождаемся, от нас существует какое-то тело (светлое). Внутри него параллельные процессы определённым образом заполняются чувственными восприятиями (жёлтое). Всё это (светлое) постепенно источается каплями. Вы видите, вы воспринимаете всевозможное через воздух. Это здесь

вставляется в ваши процессы памяти и всё вновь образует вам тело. Но то, что здесь впитывается как обмен веществ в ваше душевное, это есть то, что погребается после смерти. Но собственно душевное выткано из того, что душа развивает в процессах, которые вначале вы ощущаете только как представления, переживаете как представления. Итак, лучше сказать: „Я живу в мыслях, и своими мыслями я непрерывно осуществляю себя. Разумеется, то, что обычным сознанием я воспринимаю как мысли, есть лишь образ того, что я осуществляю. Это до определённой степени сопутствующее явление”.

Да, но отсюда следует чрезвычайно важное и значительное. Отсюда следует, что для человеческого развития происходящее тут во мне, по сути дела, значительно важнее того, что я познаю

обычным сознанием. Посмотрим на мир. Я радуюсь тому, что показывают мои глаза, что позволяют слышать мои уши. Я переживаю другое, что воспринимают мои чувства. Но в то время как я тут вижу, слышу, чувствую, в моё внутреннее прокрадывается то, что позже может подниматься вверх в воспоминании; вверх здесь поднимается всё, являющееся моим душевным. Это находится в непрерывной деятельности, это не пребывает, это всегда действует, это волнуется и творит.

Сильное представление о переживании того, что указано здесь мной имеет тот, кто со всей серьёзностью пытается подняться к духовным познаниям. Можно спокойно нести домой то, что имеешь записанным чёрным по белому. И когда преимущественно хочешь иметь уверенность в сегодняшнем мире, когда не очень любишь внутреннее беспокойство, тогда и всё познание в настоящее время формируешь так, что его можно записать и спокойно принести домой. Только об антропософских докладах говорят, что их большей частью «трудно конспектировать», и что в действительности мало получаешь из того, что тут конспектируется, и что это так уж спокойно домой не понесёшь.

Но видите ли, это лишь отображение переживаний при высших познаниях. Когда сегодня студент готовится к экзамену, тогда он действительно рад, если ему удалось заставить что-то войти в этот орган, и если он получил это три, четыре недели тому назад и вот наступил экзамен, тогда он стремится то, что он утрамбовал тут внутрь, снова выдать наружу. С высшими, со сверхчувственными познаниями это не так просто. Тот, кто добывает себе истинные, сверхчувственные познания, противостоит жизни этих сверхчувственных познаний. Они живут постоянно; они не являются такими застывшими, как те представления, которые сегодня для утешения хотят иметь в качестве научного отображения внешнего физического мира даже записанными. Возможно, я выражаюсь довольно радикально, поскольку это радикальное выражение указывает на один очень важный внутренний факт.

Допустим, что кто-то приобрёл довольно волнующие сверхчувственные познания. Теперь он их имеет. Позже он может снова их получать через процессы, которые я часто описывал. Он переживает их вновь, скажем, спустя три, четыре года. В этом промежутке они имели жизнь. Затем, когда он их снова образовал в себе, они проникают в его душу так, что она полна сомнений. Постепенно узнаёшь, что нет ничего особенного в том, что сверхчувственные познания вообще обладают тем, что в своём дальнейшем развитии, когда они до определённой степени стареют, они приводят человека к сомнению, и необходимо вновь добиваться их достоверности. Да, при высших познаниях происходит так, что уже на следующий день они кажутся сомнительными, если их достоверности не добиваешься вновь, не овладеваешь вновь ею. Всегда существуют низкие познания, которые стремятся стать в человеке призраками и затем выступать вновь. Человек созерцает их и может быть доволен, что он теперь тоже достиг кое-чего в высшем мире, о чём по праву можно сказать: — Подать письменный стол! — ибо, если это присутствует, то это и остаётся. Он хотел бы иметь в глубине души такой письменный стол.

Этого не происходит при истинных высших познаниях. Они живут, и когда их — именно высшие познания — уже на следующий день снова доставляешь вверх, тогда приходишь к неуверенности по поводу них и должен вновь овладевать их достоверностью. Надо весь процесс проделывать снова. В этих высших познаниях вообще следует видеть то, что здесь в физическом мире является отображением реальности, а не самой реальностью. Едва ли среди вас найдётся много таких, которые сегодня в воскресенье, 30-го апреля, не ели, потому что сказали себе: „Я ведь довольно хорошо поел восемь дней тому назад, это находится во мне; сегодня ещё не нужно есть, сегодня это ещё питает меня”. — Вы этого не делаете. Это реальный процесс. Физически-душевное содержание отличается от этого. Оно остаётся, и вы можете снова его вызывать во многих отношениях неизменным или изменённым. Но у духовного содержания это происхо-

дит не так. Оно не только поблекнет, но всё снова является колебленным в своей достоверности, и необходимо всё снова завоевывать уверенность. Да, это всего лишь один вид.

Этот некий вид действительно представляется так, что, когда в некотором отношении достигаешь сверхчувственных познаний, в самом деле кажется, как будто мир стал светлым благодаря этим сверхчувственным познаниям, как будто вступил в ярко освещённый зал, в ярко освещённый мировой зал. Спустя восемь дней в глубине своей души имеешь нечто, что осталось как некоторые остатки воспоминаний, поскольку добился этих высших познаний, поскольку до определённой степени схватил их, поскольку они уже воздействовали и на физического человека; однако, исходя из себя самих, в их собственном бытии они изживаются так, что с ними снова и снова приходишь в тёмную комнату и снова и снова должен заново возжигать свет. С этим можно сравнить то, чем является судьба сверхчувственных познаний в человеческой душе.

Тот, кто овладевает сверхчувственными познаниями, вовсе не может претендовать на то, что они в его душе станут подобны постоянным призракам так же, как в это верили при инстинктивно призрачных, ясновидческих представлениях. Необходимо всегда всё снова овладевать этими мирами, в которые тутходишь. И хотя реальность не сохраняется в обычной памяти, сохраняется, конечно, воздействие. Оно в частности сохраняется тогда, когда тот, кто имеет сверхчувственные познания, спустя некоторое время видит их перед собой написанными или даже — ужасный мир! — напечатанными, если он имеет пред собой последующее издание книги, которую он написал; здесь он имеет перед собой внешнее воздействие того, что пережил прежде.

Я могу представить себе приват-доцентов, которые получают искреннюю внутреннюю радость, когда имеют теперь перед собой этот золотой сок того, что они произвели тут, если они позже могут снова производить последующие издания на основе этого золотого сока. Им от этого становится хорошо. Именно этого не

делают продукты духовного восприятия. Они причиняют боль, они вызывают страдание. Ибо то, что консервируется, что разливается, переливается в физический мир, это вызывает страдание, это причиняет боль. Это другая сторона. Со своими сверхчувственными познаниями не только входишь в тёмную комнату, которая вначале должна снова стать светлой, но входишь в комнату, которая со всех сторон стреляет в тебя стрелами, причиняющими страдание, и вначале необходимо вооружиться против того, что выступает навстречу как осадок, как воплощённый остаток сверхчувственных миров.

Этим я хотел сегодня указать вам на то, чем для обычного переживания является душевная жизнь, которой вначале достигнешь с этими высшими познаниями. Обычное переживание не является таким, что душевное переживаешь непосредственно. Ведь его переживаешь через физическое тело. Оно согласовано с этим переживанием в физическом теле. Однако душевная жизнь сама по себе является иной, она является чем-то, что находится в непрерывном становлении, в непрерывном преобразовании, в постоянной метаморфозе; она ускользает во время этих метаморфоз, и если не вживаешься всякий раз в эти метаморфозы снова, то невозможно терпеть, потому что больно, потому что дышит прошлое. Восприятие прошлого причиняет боль. Отсутствие современности причиняет боль; и против этого надо вооружиться. Но одновременно вы видите: если из того, что является истинным высшим познанием, воспринял что-то полным переживаний, то это высшее переживание не является таким приятным, как то, что наши студенты выслушивают сегодня в высшей школе. В крайнем случае это огорчает, если они забыли это и плохо сдали экзамен; и прежде всего студентов не огорчают их собственные познания, но вероятно, если они их всё-таки имеют, то радуются — это им приятно. Их собственные познания причиняют им в жизни боль в лучшем случае позже, когда они видят, что есть нечто лучшее, чем их собственные познания, и тогда эти познания застревают в них, как навязчивые идеи.

Но когда вживаешься в сверхчувственное, тогда это как раз абсолютно живое. В этом случае узнаёшь, как нужно этим овладевать, как должен выдерживать это. В самом познании учишься радости, удовлетворению, в познании знакомишься с болью. Но благодаря этому вначале узнаёшь душевное в его реальности. В обычной повседневной жизни душевное, я бы сказал, так далеко погрузилось в материальность, что оно появляется в бледных мыслях, которые мы вначале должны вливать в теплоту чувства, чтобы они вообще не являлись бледными холодными мыслями, и которые, кроме того, не причиняют боль. Существуют только образы, и образы, которые не живут. Но то, чем овладевают как сверхчувственным познанием, живёт и является живым содержанием души.

И это живое содержание души вначале и даёт нам реальное понятие о том, чем мы являемся. Ибо наши представления воспоминаний являются слабым отражением того, чем мы собственно являемся. И если мы проникаем внутрь сквозь этот ковёр воспоминаний, то сразу приходим к тому, что я только что изобразил как полное радости, удовлетворения и света переживание мира, как болезненное переживание мира; где к тому же присутствует наша душа. Таким образом, наша душа встраивается в познание, которое само содержит душевную жизнь. Прошлое изливается в страдание. А полным радости и удовольствия мы ощущаем то, по поводу чего мы обнаруживаем, что оно идёт с нами через врата смерти — это будущее.

В физическое познание должно вливаться отображение, но теперь полное жизни отображение того, что я сказал. История, то есть идущее в обратном направлении развитие человечества, рассматриваемое только в холодных исторических понятиях, есть только образ, — образ, который, собственно говоря, имеет значение лишь до тех пор, пока мы несём его в голове. Именно так, как и образованное чувственным восприятием представление имеет значение лишь до тех пор, пока мы несём его в голове, когда оно полностью не спустилось в «родной домик-коробку»

(«Sepperls Kasten»), но когда оно изменяется, если оно уже не присутствует в сознании, точно так же и представления, образуемые только согласно представлениям об истории имеют значение, в конце концов, только для головы, то, „что у неё (у истории) называется духом времени, это по сути господин собственный дух, в котором отражается время”.

Истинную историю учишься познавать, только когда вживаешься таким живым познанием в реальность мирового развития, а также в развитие человечества, когда можешь в высшей степени ощутить радость и страдание от того, что внешне происходит в мире; когда, например, обращаешь душевный взор назад, скажем на праперсидскую, праиндийскую или греческую эпохи, или на какой-либо период, когда, например, вместе с греками ощущаешь, что они свои трагедии переживали не так, как современный человек переживает свои пьесы. Уже Гёте ещё стихийно видел различие¹ между греческой трагедией и современной драмой, когда он сказал: „Современная драма — это нечто очень хромое, затенённое”. (Das moderne Drama ist ein ganz Abgelähmtes, Abgeschattetes.) Греческая трагедия была неким овладением судьбой мира. А поэтому тот, кто воспринимал греческие трагедии, ощущал их не так, как современный человек, который идёт на пьесу для развлечения и потом это течёт через него довольно нейтрально. Грек, сидя на своей трагедии, ощущал так, что это потрясало и встряхивало его вплоть до физической телесности; так, что внутри он видел в этом нечто существенное, если он во время того или иного ощущал мурашки по спине. И в трагедии он ощущал нечто подобное целящему средству, ибо у греков существовало также представление, что жизнь наполнена грехом, виной, значит болезнью, что, переживая сценическое действие, пользуешься лекарственным средством, которое всё снова и снова поднимает жизнь из некоей болезненной жизни виновности к её собственному, присущему ей бытию. Так греческая

¹ До настоящего времени не обнаружено.

трагедия была не тем, что существовало в отрезке жизни для развлечения, но была лекарственным средством для того, что всё вновь становилось больным в социальной жизни, .

Я хотел бы спросить: „Чем же является современная драма для человека нынешнего общества?“ Что ж, я не скажу, что она является только тем, что делают парикмахеры в зависимости от вкуса, когда они причёсывают человека, я бы сказал: „Это то, что делают парикмахеры, когда они моют голову человеку!“ — Но то, чем была греческая трагедия, совершает врач, действительно разумный врач, который пронизывает больной организм внутренне действующими, оздоравливающими силами лекарства, которые внутри динамично насквозь эффективно пронизывают этот больной организм. Только грек гораздо больше обращался к душевному, чем современный человек. Да, но когда так рассматриваешь историю, так представляешь себя в положении, в котором находился грек, когда он смотрел трагедию, тогда такое историческое рассмотрение является уже чем-то иным, чем те, которые обычно получаешь, причём оставаясь совершенно безучастным.

Когда действительно изучаешь историю, то своей душойходишь в древние времена. В современном мире и теперь страдают: если вы сейчас выйдете и не получите зонтик, то сразу это заметите. Правда, это не будет очень тяжёлым страданием, но от современного страдания очень легко может случиться, что дело примет дурной оборот, и вы реально будете терпеть физические боли — однако против этого страдания не пользуются никаким лекарством. Это делала греческая эпоха; и когда действительно представляешь себя в греческую эпоху, то представляешь себя там своей душой только в том случае, если принимаешь во внимание антропософию. Тудаходишь своей душой. Я бы сказал, если я могу выразиться тривиально: вы улавливаете душевное только таким способом, между тем как сегодня вы обычно заглушаете его в обычной человечности. Вы улавливаете душевное, вы учитесь вначале переживать душевное при рассмотрении мира.

Это то, что я хотел описать, чтобы показать вам, как надо вначале отыскивать душевное в его укромности, если хочешь прийти к его рассмотрению, показать, что ничего не получишь от душевного, если обращаешься только к одним образам, которые люди создают себе о мире прежде всего в обычном сознании. И психологи описывают это потом как душевное содержание. Раскрывая сегодня книгу по психологии, вы получаете тут прежде всего главу по поводу представлений, но таких представлений, которые присутствуют в обычном сознании, а не таких, которые существуют внизу. Описывается то, что угасает в каждое мгновение (см. рис на с. 34, красное), а не то, что разыгрывается здесь внизу как параллельный процесс. Когда сегодня рассматривают психологию, то происходит это примерно так, как теперь, когда, скажем, организуют собрание, где люди должны совещаться.

Допустим, здесь совещаются англичане; они делают это охотно, когда снова повторяют *Ллойда Джорджа*¹. Они говорят: „Мы хотим сейчас провести совещание. Следует учесть *Ллойда Джорджа*”. — Вот они приносят его портрет, ставят его на стул, и теперь они имеют его как соучастника. Французы в таком случае имеют *Клемансо*², немцы — даже *Бисмарка*³. Теперь, не правда ли, это так и есть! Да, в отношении мира эти образы ведут себя так, как человеческая жизнь представлений относится к реальности, когда её изображают в соответствии с обычным сознанием. Имеют дело только с образами. Только вначале надо прийти к тому, что за реальность присутствует позади этих образов.

Я старался показать, какая реальность помещается позади образов. Обычным сознанием душевное не получаешь; вначале его

¹ *Ллойд Джордж*, 1863-1945, либеральный британский государственный деятель, с 1916 по 1922 премьер-министр.

² *Жорж Клемансо*, 1841-1929, французский государственный деятель, премьер-министр с 1906 по 1909 и 1917 по 1920.

³ *Бисмарк*, Отто фон Шёнхаузен, 1815-1898, князь, первый рейхсканцлер германской империи в 1871-1890.

нужно поднять из его глубин. Это важно. Это то, что надо непременно принимать во внимание, если хочешь говорить о человеческой душе в её отношении к мировому развитию. Ибо вместе с душевным постепенно входишь в само мировое развитие, когда душевное рассматриваешь в его истине.

Этими двумя первыми докладами я пытался показать вам, как оккультное познание постепенно овладевает душевным. Так как теперь создано здоровое основание, мы в следующих трёх докладах в максимально возможной популярной форме рассмотрим человеческую душевную жизнь в её связи с мировым развитием.

Третий доклад

Дорнах, пятница, 5 мая 1922 года

Сегодня для проведения дальнейших рассмотрений, которые примыкают к сказанному на прошлой неделе, мы должны провести перед взором кое-что уже известное нам с некоторой стороны. Если мы рассматриваем человека, как он когда-нибудь стоит в мире между рождением и смертью, то его жизнь для нас разделяется на части, которые могут быть рассмотрены с разных точек зрения. Ведь мы часто направляем своё внимание на чередующиеся состояния бодрствования и сна. Мы знаем, что промежуточное состояние между бодрствованием и сном является состоянием сновидения. Это те три состояния, в которых протекает сознание обычной жизни: бодрствование, сновидение, сон. Но эти три состояния обнаруживаются, кроме того, и как членения человеческого бытия. Когда мы прослеживаем содержание, переживания этого обычного сознания, мы имеем переживание мышления, получение представления, и я часто говорил: „В действительности мы только тогда являемся реально бодрственными, когда мы находимся в этом состоянии или поскольку мы находимся в этом состоянии получения представления”. Каждый, наблюдающий себя самого с не-предвзятым чувством, может познать, что чувствование представляет собой гораздо более приглушённое состояние сознания, чем мышление. Чувства наполняют нашу душу без того, чтобы мы могли их так определённо, как представления, относить к чему-либо во внешнем мире или к воспоминаниям. Мы даже непременно осознаём или по крайней мере можем осознавать, что в момент нашего бодрствования эти чувства приходят и уходят действительно подобно тому, как приходят и уходят сновидения в состоянии между бодрствованием и сном. И именно тот, кто имеет некое чувство для того, чтобы

действительно сравнить друг с другом такие факты сознания, должен себе сказать: „Сновидения являются образами; чувства являются чем-то подобным неопределённым, бушующим в нас силам”. Но во всём остальном, если мы не принимаем во внимание это содержательное, во всём остальном сновидения приходят и уходят, как и чувства приходят и уходят. И я бы сказал, что сновидения всплывают из общей тьмы и смутности сознания, как всплывают и чувства из общего внутреннего самочувствия и снова спускаются вниз.

С желанием дело обстоит так, что в действительности, когда мы получаем волевой импульс, происходящее в нашем внутреннем нам остаётся неизвестным, как и то, что мы просыпаем. Из того, что происходит при желании, ясной является лишь мысль, которая содержит в себе цель волевого поступка. Кроме того, в случае нашего движения или того, что происходит внешне благодаря нашему желанию, перед нашей душой, в нашем сознании снова присутствует созерцание. Однако то, что происходит, скажем, в ноге или руке, когда мы поднимаем ногу или хотим шагнуть, или когда мы хотим поднять руку, представляет собой нечто такое, что остаётся неизвестным, как и то, что происходит между засыпанием и пробуждением. Так что даже во время бодрствования мы в определённом смысле уже переживаем эти три состояния сознания: бодрствование, сновидение и сон.

Однако к полному познанию человека мы теперь придём, если только подвергнем, если я могу так сказать, разумному рассмотрению то, что дано нам при рассмотрении, с одной стороны, сна, сновидения и бодрствования, и вместе с тем, с другой стороны, желания, чувствования и мышления.

Возьмём, с одной стороны, спящего человека, с другой стороны, человека, имеющего желания. Спящий человек характеризуется тем, что отсутствует то содержание сознания, которое собственно обычно делает нас людьми, переживание «Я». И так, отсутствует переживание «Я». Обычно мы характеризуем это тем, что говорим: „От засыпания до пробуждения «Я»

существует вне того, что находится перед нами как физический человек”.

Но теперь рассмотрим, с одной стороны, человека, видящего сны, и, с другой стороны, чувствующего человека. При обычном самонаблюдении вам без оговорок будет ясно, что сновидения до известной степени предстают перед душой как нейтральные образы; и что, в то время как вы, скажем, видите сны при пробуждении или перед засыпанием, эти образы витают и ткнут что-то подобное ткани, лучше не скажешь, но в душевном. То, что происходит в душевном, отличается от того, что существует при полном пробуждении. При полном пробуждении мы знаем, что образы, которые в таком случае мы тоже имеем, мы до известной степени удерживаем внутри, что мы их захватываем своим человеческим существом; они не витают так туманно в неопределённости, как во время сновидения. Мы схватываем их своим человеческим существом.

То, что я только что высказал, я схематически нарисую на доске (рис. слева). Представим человека просто схематически

(светлое), и нарисую поближе к человеку примерно следующим образом то, что мы можем представить себе как схему для ткущего сновидения (красное). Можно сказать, нарисованное здесь красным на доске есть ткань, которую переживает душа, между

тем как эта ткань от неё непрерывно ускользает и снова приближается к ней.

В момент пробуждения человек не имеет в душевном переживании такую ткань. Зато то, что он переживает таким образом, он имеет теперь внутри. Я хочу теперь нарисовать (рис. справа), как это происходит теперь во время состояния бодрствования. Эту ткань, существующую в противном случае до известной степени снаружи, теперь человек имеет внутри, он схватывает её своим телом, и благодаря этому она не является неопределённой тканью, но чем-то, чем он внутренне овладевает.

Об этом соотношении того, что как сновидение сплетается и уносится, и того, чем потом является мысль во внутреннем человека, когда человек полностью бодрствует и из себя овладевает тем, что живёт теперь в его душевном в виде таких мыслеобразов, в которых вы можете воспринимать, я бы сказал, вплоть до душевного схватывания, можно сказать: сюда во внутреннее просто вошло что-то из внешнего. И мы изображаем это, представляя его не иначе, как вступление во внутреннее человека того, что в сновидении, прежде всего, для обычного сознания сплетается и уносится, что мы называем астральным телом. Так что мы можем сказать: если мы после пробуждения начинаем думать, то в нашем внутреннем присутствует астральное тело. Тогда мы создаём представления. И мы знаем, что эти представления находятся в нашей власти. Пока они являются сновидениями, они стихают здесь снаружи. Вам стоит только представить себе некое облако, которое находится вблизи вас, и в котором творит себя сновидение. Вы определённым образом всасываете это облако, вы овладеваете им изнутри. Вы находитесь уже не снаружи. Вы оттуда уже не грезите. Но так же, как вы хватаете руками какой-либо предмет, вы схватываете своим внутренним это сновидение. И вы всосали своё астральное тело, теперь вы имеете его внутри.

Разумеется, мы должны спросить себя более точно: Что же мы имеем тогда внутри? Если же мы хотим рассмотреть более

подробно то, что мы имеем внутри, то, пожалуй, мы можем для этого добыть отправную точку, посмотрев на иные сновидения, которые не остаются только образами, но уже начинают становиться неопределёнными чувствами. Обдумайте как-нибудь, какими довольно неприятными являются иные сновидения; они являются просто тканью образов. Иные сновидения связаны с состояниями страха. Вы пробуждаетесь от состояний страха. Вы смотрите на эти неопределённые состояния страха, часто также на неопределённые состояния радости, но чаще всего в действительности это пугающие состояния, в которых вы уже видите, я бы сказал, загорание чего-то, что, продолжая развиваться, потом присутствует при полном пробуждении. Что же тут загорается, когда сновидение вызывает в вас, например, страх?

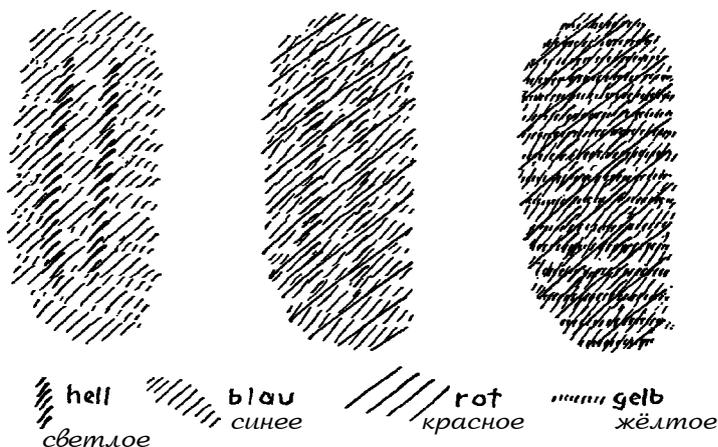
Да, сновидение сплетается как чувство. Страх есть некое чувство. Сновидение ещё наполовину находится снаружи и благодаря этому чувство является неопределённым. Но всё-таки оно сплетается как чувство. Благодаря этому чувство и выступает. Но оно (сновидение) сплетается с тем, что обычно живёт в душе при чувствовании. И только когда вы имеете теперь астральное тело совсем внутри, тогда вы имеете здесь эти определённые, обусловленные вашей организацией чувства, которые могут теперь внедрить вам представления астрального тела.

Если вы правильно рассматриваете определённый кошмар и страшный сон, то снова имеете, я бы сказал, в непосредственной близости, вплоть до душевного схватывания, то, что тут собственно происходит при этом вступлении, как мы это называем, астрального тела в физического человека. Именно то, что создаёт беспокойство, которое иногда сопровождает сновидение, вы всегда обнаружите как нечто, нарушающее ваш процесс дыхания.

Отсюда вы видите совершенно отчётливо, что астральное тело входит и снова выходит через то, что лежит в дыхании. Если в жизни хочешь наблюдать только объективно, то представление, что эти вещи нельзя наблюдать, не соответствует действительности. Просто такие наблюдения не осуществляют. Но есть нечто

такое, что несомненно позволяет признать, что то, что ткёт в сновидениях и что в действительности является астральным телом, входит в наш организм, захватывая процесс дыхания при пробуждении.

Это ведёт нас к рассмотрению человека, которое является чрезвычайно важным, но которое обычно не делают. Человека обычно рассматривают так, словно он действительно всецело является организмом, является телом, которое построено из твёрдых составных частей. Но это всё-таки не так. В действительности человеческий организм состоит из твёрдого в незначительной части, едва ли на десять процентов. В остальном он является организмом воды, жидким организмом. Так что в действительности мы должны представлять себе этот организм построенным так, что можно сказать: существует организм и его десятая часть в определённом отношении твёрдая (см. рис. светлое); Но это твёрдое наполнено жидким элементом (синее). И только тогда вы представляете себе человеческий организм по-настоящему, когда вы представляете его, по сути дела, как водяной столб, который включил в себя твёрдое.

Но и этого недостаточно. Мы должны представить себе человеческий организм также как воздушный организм. Воздух су-

существует снаружи; мы его вдыхаем. Тогда часть воздуха, существовавшая снаружи, находится теперь в нашем внутреннем. Мы его снова выдыхаем. Мы одновременно являемся воздушным организмом. Нарисуем это тоже схематически (красное). И это именно тот воздушный организм, который при пробуждении захватывается астральным телом. Мы вдыхаем воздух. Далее воздух испытывает некий процесс, его воздействия изливаются в весь организм. Кислород воспринимает углерод и преобразуется в уголекислоту. Таким образом в нас непрерывно происходит воздушный процесс.

Но во время бодрствования этот воздушный процесс пронизан астральным телом. По тем же путям, которые проделывает воздух в нашем организме, протекает движение астрального тела. Когда мы спим, воздушный процесс является ведь только воздушным процессом, когда же мы бодрствуем, тогда движения этого астрального тела определённым образом плавают в том, что живёт в нас как воздушный процесс. А теперь представьте себе: когда астральное тело входит в то, что я схематически нарисовал красным, и внутри воздушного организма осуществляет свои движения, осуществляет то, что оно делает вообще, то происходит это в водном организме, в нарисованном схематически синим. Эти воздушные процессы, которые являются собственно процессами астрального тела, всегда ударяют сюда в водный организм.

Но в водном организме день и ночь присутствует эфирное тело человека. И здесь вы одновременно имеете взаимодействие астрального и эфирного тел, а также физическое отображение этого: воздушные и водные процессы в человеке. То есть, вы вполне можете представить себе, что в человеке прежде всего существуют эти физические процессы, которые протекают между его дыханием и движениями его соков, вообще во всём, что здесь в организме происходит текуче. И это снова является только отображением того, что происходит между астральным и эфирным телами.

Но теперь всё то, что является здесь твёрдым, жидким и газообразным организмом, в свою очередь наполнено теплом (рис. с. 51, жёлтое). Весь организм имеет своё собственное тепло — тепловой эфир. Я бы сказал: на волнах воздушного в человеке движется астральное, а на том, что здесь обвеивает организм в качестве тепла, движется собственное «Я».

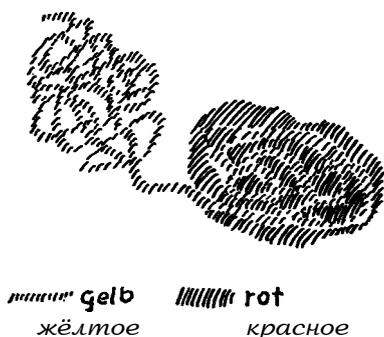
Теперь вы имеете физическое тело как таковое, жидкое тело, тоже являющееся физическим, но только отделяющееся от твёрдого физического тела, жидкое физическое тело, которое имеет глубокую связь с эфирным телом; газообразный организм человека, который имеет внутреннюю связь с астральным телом, и то, что является тепловыми процессами, что, другими словами, является в человеке тепловым эфиром, который имеет глубокую связь с человеческим «Я». Так что, я бы сказал, в физическом мы повсюду видим образ целого человека. Твёрдое — это нечто, так сказать, существующее само по себе. Но жидкое в организме не может существовать само по себе. В нашей голове мы имеем очень мало от твёрдого. То, что мы имеем твёрдого, плавает в мозговой воде, то есть в жидкости. Если вы посмотрите на это жидкое внутри человеческой головы, то в этом жидком вы прежде всего имеете эфирную часть головы.

Дыхание же происходит так: вы вдыхаете. Вдох пробивается внутрь и продолжается через спинномозговую жидкость в головной мозг. И одновременно в состоянии бодрствования в этом ударном движении продвигается вверх к эфирному головы то, что является астральным. Так что мы, с одной стороны, имеем взаимодействие движений мозговой жидкости с движениями дыхания, с другой стороны, взаимодействие эфирной части головы, лишь отображением которой является происходящее в мозговой жидкости, с тем, что суть процессы дыхания, которые в свою очередь являются лишь отображением того, что в человеке существует астрально. И, кроме того, мы имеем непрерывную игру тепловых состояний. И кровь своим движением передаёт эти

тепловые состояния. На волнах этого моря тепла в нас продвигается одновременно наше «Я».

Дело в том, что мы представляем себе это вполне живым, как только нам становится это ясно. Сам по себе мы можем рассматривать только твёрдый организм. Едва мы подступаем к жидкому организму, он уже совсем не имеет возможности передвигаться просто так, как снаружи движутся волны воды, но он движется так, что игра его движения является отображением происходящего в эфирном теле человека. В свою очередь то, что происходит в более тонких состояниях телесного дыхания, является отображением того, что астрально происходит в человеке. Но теперь, если мы это внимательно рассмотрим, то должны будем сказать: посмотрим только на мозговую жидкость. Она имеет в себе определённые движения. Они являются отображением эфирного тела. Но эфирное тело человек получает, когда он спускается в этот физический мир из духовного мира; в духовных мирах он ещё не имеет его. Но вообще, захватывая своё физическое тело, человек уже имеет своё эфирное тело. Он определённым образом привлекает эфир из космоса. И только после привлечения эфира из космоса, он может соединиться с физическим, которое передаётся ему через наследование. Так что то, что живёт внутри в эфирном теле человека, мы уже имеем при себе, когда захватываем своё физическое тело.

Итак, допустим, что в теле материнского организма возникает зародыш человека. Мы исследуем то, что в этом человеческом зародыше является жидким. В обычной физиологии этого не делают. В обычной физиологии исследуют зародыш, поскольку он содержит твёрдое или по меньшей мере рассматривают так же, как твёрдое. Жидкое совсем не исследуется. Но если бы исследовали жидкое, то открыли бы, что в жидком, а именно в мозговой жидкости, присутствует отображение того, что проскользнуло сюда в физического человека и что проявилось прежде всего уже в эфирном теле, когда было привлечено эфирное тело.

Таким образом мы можем сказать: если здесь есть физическое тело (см. рис.), образуется физический зародыш человека — теперь я рисую уже не твёрдое, то, что я рисую здесь, должно быть жидким зародышем человека (красное), — из духовного мира вниз спускается то, что существует как «Я» и астральное. То, что было уже привлечено в эфире (жёлтое), проскальзывает внутрь. Когда человек просто погружается в физическое тело, жидким организмом воспринимается то, что человек вносит снаружи. То есть, если бы вы исследовали мозговую жидкость ребёнка в её движениях, то должны были бы сказать: это собственно фотография того, чем был человек, прежде чем он связал себя со своим физическим телом. Посмотрите, это очень важно, что в действительности можно сказать: в мозговой жидкости, то есть в движениях мозговой жидкости находится фотография того, что предшествовало зачатию.

Итак, из мозговой жидкости вы можете хорошо понять, что здесь вы обнаруживаете некий род фотографии того, что предшествовало. И обдумайте процесс дыхания. Процесс дыхания выступает нам навстречу как совершенно физический процесс благодаря тому, что наши лёгкие организованы в определённом отношении так, что воздух вдыхается, и что под влиянием внешнего мира процесс дыхания разыгрывается даже тогда, когда мы спим, то есть, когда наше вечное не связано с нашим временным. Можно было бы сказать, что для процесса дыхания ведь проис-

ходит так: он протекает, когда мы спим, так же, как и тогда, когда мы бодрствуем. Только вот когда мы спим, тогда через наш организм проходит волна движения дыхательного процесса, когда же мы бодрствуем, эта волна несёт астральное тело. То есть, она может его нести; ей, впрочем, не нужно его нести. Это она делает во время сна, здесь она астральное тело не несёт. (Sie kann ihn also tragen; sie braucht ihn auch nicht zu tragen. Das tut sie beim Schlafen, da trägt sie ihn nicht.)

Что следует из этого? Из этого следует, что мозговая жидкость, поскольку она заключена во внутреннем, может быть продолжением, может быть неким родом продолжения того, что тут было прежде. Может не так глубоко, но в нашем дыхании примерно в таком же роде продолжается нечто от прежнего. Поэтому происходит следующее: когда мы рассматриваем человеческую голову и затем организм груди человека, то обнаруживаем, что здесь в человеческой голове, до известной степени, скажем, через мозговую жидкость, следовательно в физическом организме, действительно существует внутри продолжение дорождённого духовного человека. Во время процесса дыхания это происходит не так. Физический процесс дыхания протекает сам по себе (см. рис. жёлтое), и духовное гораздо слабее связано с физическим процессом (красное). Можно сказать: в голове духовный

светлое	hell
жёлтое		gelb
красное	////	rot

человек, духовно-душевный человек в итоге прочно связан с физическим человеком; они стали единством. В грудном человеке это не так, здесь они больше разделены; здесь физический организм больше существует сам по себе, а духовно-душевное, в свою очередь, тоже само по себе.

А теперь сравните это с состоянием сновидения. В состоянии сновидения для всего человека происходит так, что «Я» и астральное тело выходят сюда наружу, они отделены. Однако для человека груди они всё-таки отделены немного. Человек груди, то есть человек дыхания и человек сердца, ритмический человек является ведь организмом чувствования. Значит, поскольку духовно-душевное в отношении ритмического человека связано с физическим человеком не так плотно и не существует настолько внутри физического человека, то и чувствования протекают так, как сновидения. Вы видите, что если хочешь рассмотреть всего человека, то необходимо внимательно рассмотреть эти различные виды взаимодействия душевного с телесным.

Итак, когда человеческое существо рассматриваешь так грубо, как это происходит сегодня в нашу материалистическую эпоху — ибо вы повсюду можете убедиться, присмотревшись к сегодняшней науке, что рассматривают, по сути дела, так, как будто весь человек является только твёрдым организмом и там внутри как-то действует душевное, — тогда не можешь догадаться о том, как это душевное, которое переживаешь, например чисто душевно пережитый акт воли (*Willensakt*), как он поднимает ногу или руку. Да, в отношении того, что переживаешь по одну сторону как душевное волевого поступка, то, что сегодня в анатомии и физиологии представляют себе как человеческий организм, является, собственно, куском дерева, таким же чуждым душевному, как кусок дерева. То, что сегодня вы обнаруживаете описанным в физиологии как ноги человека, в действительности является двумя кусками дерева, деревянными ногами. Так они относятся к душевному. Если здесь лежат два сухих дерева, то вы вряд ли сможете найти связь между этими двумя деревьями и душевным,

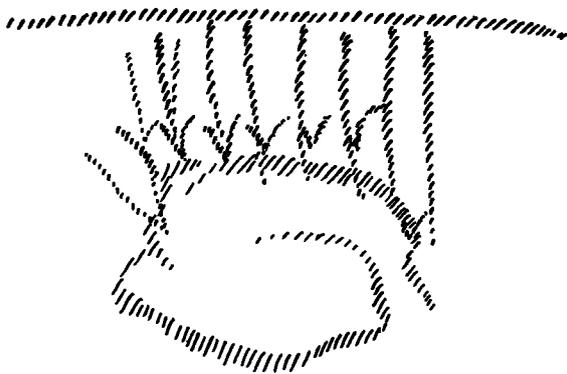
так же не найдёшь связь между тем, что сегодня описывает физиология в качестве человеческих ног, и душевным. Но эти человеческие ноги, описываемые физиологией, наполнены водным. Здесь мы уже приходим кое к чему, из чего легче постигается, как сюда воздействует духовное. Однако это ещё трудно.

Но приходя к газообразному, к воздухообразному, мы находимся в физическом в такой тонкой материи, что теперь легче можем представить себе душевное внутри. А уж если мы доходим до состояния тепла! Подумайте только, как естественно вы можете привести в связь с душевным это состояние тепла физического организма. Только подумайте однажды, как вы при известных обстоятельствах тут или там сильно испугались и вам стало очень тепло; здесь вы уже имеете внутреннее представление об отношении душевного к тому, что выступает теперь в физическом организме как состояния тепла. Короче, когда мы весь человеческий организм разумно осмысливаем настолько, что постигаем его в отношении твёрдого, жидкого, газообразного и теплового, тогда постепенно мы подходим к душевному.

Мы можем сказать: «Я» вмещивается в тепловое состояние, астральное тело — в газообразное состояние, эфирное тело — в жидкое состояние и только твёрдое остаётся неприкосновенным. Сюда не входишь. Представьте-ка себе теперь, как это существует в человеческом организме: здесь мы имеем головной мозг, но это ещё водное. Внутри же существуют твёрдые элементы. Я сказал, что сюда душевное не входит. Давайте нарисуем внутри как-то схематично эти твёрдые элементы (см. рис. с. 56). В действительности это солевые отложения. То твёрдое, которое мы имеем в себе, ведь всегда суть солевые отложения. Наши кости являются лишь элементами таких отложений. Однако, в нашем головном мозгу происходят очень тонкие всё вновь растворяющиеся отложения. Я бы сказал: в нашем головном мозгу всегда существует тенденция просто формироваться в такие кости, делать мозг полностью костяным, только это всё вновь растворяется, потому что является подвижным. Так что, рассматривая

именно головной мозг мы, следовательно, имеем здесь прежде всего тепловые состояния мозга, здесь внутри живёт воздух, который непрерывно вдыхается и выдыхается, но который переходит вверх в мозговую жидкость; астральное тело живёт внутри. Мы имеем мозговую жидкость; внутри живёт эфирное. Теперь мы получаем твёрдое. Душевное не может сюда войти. Оно не может войти, в то время как мы откладываем в себе соли. Так как мы имеем здесь внутри это солеобразование, эту не всю десятую часть организма, мы имеем в себе нечто, во что наше душевное не может войти.

Подумайте: вы стоите здесь как человек. Здесь вы имеете свой организм. Здесь вы имеете в своём организме тепло, газообразное, жидкое: сюда всюду может входить ваше душевное. Но здесь внутри есть нечто, во что ваше душевное не может войти. Это происходит так, как если вы имеете здесь всевозможные предметы, которые озаряются светом и снова отражают свет. Вы имеете зеркальную поверхность, здесь свет не проходит сквозь

неё и отражается. Так вы имеете в себе свой твёрдый солевой организм. Сюда душевное не может войти, здесь душевное постоянно отражается.

Да, если бы вы не имели этого, то прежде всего не могли бы иметь вообще никакого сознания, ибо то, что вы имеете теперь в себе как сознание, является душевными переживаниями, отра-

жёнными от вашего солевого организма. Те, которые входят в ваше «Я», в ваш газообразный организм, в ваш жидкий организм, вы в настоящий момент не переживаете. Вы переживаете то, чем является душевное, только благодаря тому, что происходящее здесь как душевное в тепле, в газообразном, в жидком, повсеместно отражается солью точно так же, как лучи света отражаются от зеркала. Благодаря этому вы имеете это внутреннее отражение, которое внутри живёт уже как представления.

Итак, если человек, например, выделяет много соли — а эта соль повсюду возникает в виде форм, — то он получает много таких образов, то есть становится богат мыслями. Если же он недостаточно выделяет соли, тогда мысли получают неопределённые контуры, подобно контурам образов от некоего неупорядоченного зеркала. Мы можем высказать это ещё иначе: если некто выделяет много лишней соли, тогда у него в его внутреннем преобладают мысли. Вы становитесь очень точным, но педантом. Педант верит, что получает в своих мыслях нечто реальное, так как они в нём проистекают из такого количества твёрдого. Он становится материалистом. Если он выделяет соли недостаточно, или скажем, если он слишком много соли выделяет в своём остальном организме и слишком мало в своей голове, в таком случае его мысли становятся неопределёнными; он становится мечтателем или может быть мистиком. То, как устроена наша душевная жизнь, уже связано с материальными процессами в нашем внутреннем.

Порой, например, необходимо, если кто-то является чрезмерным фантазёром, дать ему возможность посредством какого-либо лекарства выделять больше соли или лучше оформить выделенную соль. Благодаря этому он вырывается из своей мечтательности. Но ещё важнее противоположное; ибо в действительности это не следует загонять очень далеко, чтобы на физическом пути излечивать людей от мечтательности и педантизма; в настоящий момент это даже и не очень-то сделаешь. Но противоположное имеет большое значение. Кто наблюдает человека

как со стороны душевного, так и со стороны телесного, тот точно замечает, когда человек, например, имеет слишком много отложений в одном или в другом направлении, скажем в голове или в органах ритмического организма, или в органах организма обмена веществ. Он замечает это потому, что вся конфигурация мыслей становится иной, и способ, каким человек изменяет свои мысли, может чрезвычайно много добавить к диагнозу. Только большинство людей такие тонкие процессы не наблюдает.

Например, довольно часто не замечают, с чем, скажем, связан такой факт, что человек однажды вдруг начинает всё вновь и вновь оговариваться. Обычно это не было в его привычке, но однажды он начал всё снова оговариваться. Это продолжается несколько дней, а затем проходит. Это в нём происходит вялое заболевание, и это обмолвливание является только симптомом лёгкого заболевания. Иногда такие вещи можно описать довольно подробно.

Допустим, например, что однажды в течение нескольких дней благодаря каким-либо процессам у человека повышается кислотность — он выделяет слишком много соляной кислоты. Что происходит? Эта соляная кислота, уже растворившая в желудке определённые вещества, прошла бы дальше желудка. Только теперь он имеет это не в организме; теперь у него нет необходимой остроты своего внутреннего отражения, и вот возникает его рассеянность, он оговаривается. Если вы обратите внимание, как здесь идут дела, то заметите, в чём тут дело, и именно тогда вы попытаетесь как-то подступиться к нему, чтобы он получал меньше соляной кислоты, и потом его мысли станут снова упорядоченными. Собственно говоря, упорядоченным становится его пищеварение, и он снова перестаёт оговариваться.

Или же допустим, что некто по какой-либо причине — это может происходить, например, через аномалию деятельности селезёнки — слишком сильно всасывает свою соляную кислоту, он всецело становится желудком; он повсюду направляет соляную кислоту. Такие кислотные отложения являются, по сути дела,

причиной очень многих заболеваний. Если это не доходит до головы, то возникают даже довольно своеобразные зудящие боли; если же доходит до головы, то возникает тупость головы. Если вы затем рассматриваете такого человека, то часто видите, что он всё это всасывание кислотного превращает в себе в определённую алчность; он весь становится прокисшим, имеет кислую мину (*wird durchsäuert*). И когда человек прокисает, тогда среди прочего страдает, например, приветливое выражение его глаз: вы можете увидеть по глазам человека, когда он прокис, и вы можете при известных условиях, дав ему что-то кислое, которое он теперь реально перерабатывает в желудке, потому что оно не имеет склонности перейти в организм, привести этого человека к более радостному состоянию в его внешнем проявлении.

Я говорю всё это, чтобы показать вам, как подразумеваемая здесь духовная наука внимательно рассматривает не просто неопределённое душевное, но душевное, которое реально является господином телесного, которое является создателем телесного, повсюду воздействуя на телесное.

Но если описываемое здесь в качестве человеческого организма рассматривать так, словно этот организм насквозь является только твёрдым, если к нему не добавить жидкое, газообразное и тепловое организма, которые по крайней мере приближаются к душевной жизни, то не придёшь как раз ни к одному из понятий, как это душевное живёт в человеке. Ибо именно в твёрдом человеческом организме душевное не живёт. В твёрдый организм душевное входит так же мало, как свет проходит сквозь зеркало; отсюда оно отражается. И таким образом душевное повсюду возвращается как раз от соли. Если мы имеем здесь нашу ногу и здесь кость, то душевное получает как раз ту особенность, что в кости оно преодолевается (см. рис., красное), что мы несём в себе свою кость так, что она свободна от душевного. Здесь внутри его нет, но оно отражается снова в организм.

Кости нашего черепа размещены в нас вовсе не так глупо, ибо душевное излучается во все стороны и снова отражается во внутреннее. Мы находимся также и внутри наших черепных костей, но только как физически-твёрдый человек. Но наше душевное лучится вглубь нас. Так что, если мы полностью нарисуем нашу голову, то должны будем сказать: прежде всего здесь внутри простирается душевное (красное). Но я бы сказал, что оно

〰〰〰〰 hell 〰〰〰〰 rot
 светлое красное

оставляло бы нас в приглушённом, бессознательном состоянии. Но теперь оно не может войти туда, где существуют черепные кости, оно повсюду отражается внутрь нас (стрелы). И только когда оно отражается, мы имеем его как душевное. Так что вы действительно в своих глубинах имеете своё душевное как бы отраженным со всех сторон зеркалом черепных костей. Так это происходит.

Духовная наука конечно же не исключает материальность, но делает её только правильно понятой, когда рассматривает душевное так, как оно управляет материальностью. Не правда ли, пекаря узнают тоже не потому, что он осуществляет некие движения, но те движения, которые он осуществляет, создают потом булки и булочки. С душой мы знакомимся не вследствие того, что рассматриваем её только в абстракциях, но благодаря тому, что осуществляет здесь душа, и это как образ выступает нам навстречу в нашем организме. Мы должны уметь как раз правильно рассматривать этот организм как образ душевного. Если мы не обладаем волей войти в человека, даже в то, как он противостоит нам в образе физического, если нам, так сказать, неудобно знакомиться с человеком в качестве физического человека, мы не узнаем и душевное, ибо то, что людьми, не желающими духовно постигать физическое, обычно описывается как душевное, — это в действительности те вещи, которые реальны так же, как если бы вы имели здесь вкусную пищу и установили бы себе некое зеркало, и тогда вы ели бы не пищу, а то, что вам отражает зеркало. Вы бы не насытились. Вы не будете также разбираться в людях, если рассматриваете душу не в её творчестве, активности, в том, что она осуществляет, но хотите рассматривать её только как образ. Поэтому нельзя считать, что являешься истинным духовным исследователем, если пренебрегаешь материальностью. Материальность нужно постигать именно духовно, тогда это пронизано духом. В абстракциях, в интеллектуализме, живёшь иначе; они ведут не к познанию, а от него.

Четвёртый доклад

Дорнах, суббота, 6 мая 1922 года

Для меня вчера было особенно важно показать, что человеческая душа является активным существом, и что она как активное существо творчески деятельно пронизывает человеческий организм. В каждое мгновение, в которое отдаёшься мыслям о человеческой душе, можешь также иметь ясное представление, что то, чем является душа, увидишь, если схватываешь человеческий организм, каким он представляется внешне, в его совокупности как некое проявление и как творение человеческой души, поскольку он является подвижным организмом, поскольку он переживает внутренние изменения. Но ведь это только одна сторона душевной жизни. Сегодня мы начнём прояснять другую сторону.

Давайте сначала, опираясь на то, что я уже развил в первые часы этого цикла, рассмотрим человека относительно его окружения. Тогда вы должны будете сказать себе, что по отношению к существам и предметам, существующим вокруг него, человек со своим душевным находится снаружи. Мы не можем сказать, что мы находимся внутри стула, который держит нас, или что мы существуем внутри стола, стоящего перед нами. Мы рассматриваем внешнюю сторону этих предметов; и именно своей душевной жизнью мы также существуем вне этих предметов, и, по сути дела, мы точно также находимся вне одной части своего собственного организма.

Вам только стоит как-нибудь довольно интенсивно и ясно обдумать то, что мы неоднократно слышали об импульсе нашей воли. Как я говорил, мы имеем сначала мысль, представление: я подниму руку. Затем, после того как эта мысль как-то исчезла в нашем организме, мы имеем явление поднятой руки. Но что происходит здесь в организме, после того как мысль присутствовала

— я даже не могу сказать «после того как мысль подействовала», ибо это действие ведь уже не присутствует в обычном сознании — присутствовала до того момента, когда движение руки можно наблюдать, это находится пока вне человеческой души, находится вне человеческой души так же, как вне человеческой души находятся стул или стол. Я не проникаю в стол; я не проникаю в то, что происходит, когда осуществляется желание.

Но вот, едва в человека вступает высшее, сверхчувственное познание, сразу открывается, что же тут существует. Для обычного сознания дело предстаёт так, что человек своими чувствами воспринимает внешнюю сторону вещей: цвета, звуки, силы тепла и так далее; затем они продолжают в представлениях, которые человек создаёт себе об этих вещах. Так происходит, когда человек смотрит наружу.

Когда человек смотрит сам в себя, тогда прежде всего он обнаруживает, что он сохранил представления о вещах, которые он наблюдал, представления, которые также вновь всплывают; по крайней мере так кажется. Мы видели, что это происходит иначе, но для обычного сознания это можно так охарактеризовать. Эти представления пропитаны эмоциями, которые подобно грёзам волнообразно вздымаются вверх из нашего человеческого существа. Короче, когда мы смотрим внутрь себя, тут мы тоже видим мир, — мир, который проникает навстречу нам изнутри так же, как цвета и звуки — из внешнего мира. Тогда мы стоим до определённой степени перед чем-то, относительно чего мы существуем снаружи точно так же, как, находясь снаружи, стоим перед внешними вещами.

Но когда мы поднимаемся к высшему познанию, это становится иным как в направлении внутреннего, так и в направлении внешнего. Когда мы достигаем высшего познания в том роде, как я это неоднократно описывал в докладах, а также в моей книге «Как достигнуть познания высших миров?», то вначале приходим к имажинативному познанию, а затем к инспиративному познанию. Всё это вам может быть уже знакомо. Когда человек

вначале достигает имажинативного познания, а затем добивается инспиративного познания, тогда то, что можно назвать стоянием вне вещей, становится иным как в отношении внешнего мира, так и в отношении внутреннего в человеке.

В отношении внешнего мира, прежде всего через имажинативное познание, мы приходим к образам. Если в таком случае мы соответствующе трактуем эти образы, то они становятся образами того, что окружает нас как духовный внешний мир. Тогда тут уже необходимо достигать именно инспиративного познания. Через инспирацию мы достигаем познания духовного внешнего мира, который окружает нас так же, как нас окружает чувственный внешний мир в цветах, звуках, тепловых импульсах и так далее. Когда мы противостояем всему этому миру, являющемуся теперь духовным внешним миром, мы всегда должны говорить себе: это нечто иное, чем мы сами. Мы приходим к тому, что обнаруживаем в этом духовном окружающем мире элементарных существ, существ высших иерархий. Это нечто иное, чем являемся мы сами. При этом мы всё больше узнаём самих себя в качестве духовного существа, но мы учимся также отличать себя от всего, что по сравнению с нами является как раз другими существами.

Но осуществляя упражнения, которые, с одной стороны, ведут нас к познанию внешнего духовного мира, мы, кроме того, продвигаемся внутрь, мы приходим дальше внутрь. И открытие, которое вначале мы делаем тут внутри, таково, что мы душевно учимся до известной степени несколько меньше ценить свою голову с её познаниями. Всё более ценными для нас становятся те познания, которые больше концентрируются в сердце, если я касаюсь теперь организма человека, и интенсивно рассматривать при этом мы должны теперь не физическое сердце, но эфирное и астральное сердца; мы обнаруживаем их очень устойчиво. И теперь нечто, являющееся чрезвычайно важным, становится для нас ярким ясным познанием.

Видите ли, то, что человек может тут познавать, я могу примерно нарисовать следующим образом (см. рисунок на след. стр.).

Допустим, что здесь мы имеем человеческое сердце (красное) и над человеческим сердцем всё то, что человек так ценит, когда он сознаёт на физическом плане свою мыслительную жизнь (светлое).

||||| hell ////////////// rot
 светлое красное

Это мыслительное ткание человек и чувствует в голове. Но отдаваясь теперь своему собственному существу, не приходя к высшему познанию, человек, разумеется, чувствует мысли как чрезвычайно, я бы сказал, благородную часть человеческого существа. Эти мысли не очень сильно заботятся о собственно личном существе. Допустим, что мы имеем мысль о треугольнике. Мы должны ей предаваться без того, чтобы эта госпожа мысль заботилась о том, болит ли у меня голова или, скажем, желудок. Ей абсолютно безразлично, в каком я лично нахожусь настроении. Ей даже безразлично, огорчён ли я чем-либо иным, печален или весел, огорчает ли меня что-то или делает счастливым — мысль о треугольнике с определённой возвышенной непринуждённостью

господствует в сознании моей головы и не заботится о моём субъективном самочувствии. Поэтому люди, стремящиеся заботиться только о своём субъективном самочувствии, сразу же засыпают, если говорят о таких мыслях, которые не заботятся о таком субъективном самочувствии.

Итак, здесь, стало быть, существует в определённом смысле возвышенный мир, который не заботится о субъективном самочувствии. Но когда человек, кроме того, примешивает к этому возвышенному миру своё субъективное и чувствует себя ближе собственному существу, тогда это чувство проходит через сердце, оно лучится определённым образом от головы к остальному человеку вниз, и вот потом это поднимается из остального человека (стрелы). Что же тут поднимается?

Да, здесь поднимаются только чувства, инстинкты, влечения, страсти; тут поднимаясь кверху, я бы сказал, разрушается всё то, что действует здесь в человеке во влечениях, инстинктах и страстях (красные стрелы); здесь, поднимаясь кверху, это разрушается. Здесь человек имеет себя в этом столь истинно субъективном. Но в том, что тут кверху разрушается, содержится также вся варка самого организма. То, что вываривается в желудке, в кишках, что обычно вываривается в человеке, это разрушает кверху эти влечения и инстинкты, это идёт навстречу человеку. Так что можно сказать: здесь вверху существует до известной степени возвышенный мир; он является очень возвышенным, но он в человеке вовсе не возникает душевно, потому что он не заботится о субъективном. Это, наконец, совершенно безразлично, имеет ли мысли о треугольнике, о льве Мюллер, или их имеет Шульц. Мысли не заботятся о субъективном. Душевное совершается только тогда, когда из глубин человека просачивается то, что эти мысли осуществляет эмоционально или инстинктивно. Если, например, Мюллер герой и в нём присутствует мысль о льве, то снизу кверху пульсирует такое чувство, что он не испугается льва; если же Шульц трус, так что он убегает, даже когда подумает о льве, то в таком случае входит это субъективное. Это

есть то душевное, которое входит. Мысль о льве имеет нечто отвлечённое, она не является душевной, она — духовное. Мысль становится душевной вследствие того, что ей навстречу выступает из человека это инстинктивное. Это и делает мысль о льве душевной, склоняет ли она Мюллера к тому, чтобы всегда, когда он думает о льве, вспоминать о средстве, которым он атакует льва, защищаясь от него, или склоняет Шульца при мысли о льве всегда думать о том, как он побыстрее сможет от него убежать и так далее. Ведь только благодаря этому всё в обычной жизни и становится душевным. И это душевное существует, я бы сказал, всегда определённым образом излучаясь в духовное.

Да, но когда вы продвигаетесь уже к имажинативному познанию и от него к инспиративному познанию, тогда дело становится иным. Тогда вы, разумеется, прежде всего должны обладать большим мужеством, чтобы отразить то, что гораздо отчётливее поднимается вверх, поскольку не прикрыто, — влечения и инстинкты, чтобы не дать им проявиться; они должны вернуться назад, им нельзя обнаруживаться. Но вверх поднимается нечто иное. Сюда навстречу этим мыслям, которые ведь побуждены внешним миром и так возвышенно устроили в голове своё жилище, идёт через сердце, которое в определённом смысле теперь становится удивительным органом чувств — сердце становится таким большим, как весь организм крови, и оно становится большим эфирным органом чувств, — сюда теперь поднимается не то, что живёт во влечениях и инстинктах, но сюда поднимается теперь некая сумма мыслей (светлые стрелы), которые приходят навстречу верхним мыслям. Но эти мысли являются мощными образами, и они совсем не проявляют того, что иначе поднимается из организма; они обнаруживают теперь то, чем человек был до рождения.

Человек учится познавать себя в духовном мире до рождения здесь на Земле, или скорее до зачатия. Это приходит навстречу человеку. Человек благодаря тому, что теперь это приходит ему навстречу не в его влечениях и страстях, перемещается, если он

владеет имагинативным и инспиративным познанием, в своё бытие в духовном мире до нисхождения к физическому воплощению. И участь познавать себя здесь внутри, человек одновременно узнаёт также нечто, что перед имагинативным и инспиративным познанием присутствует иначе, чем внешний мир, обычно окружающий нас; мы знакомимся с элементарными существами, с ангелами, архангелами и так далее. Из самой мудрости мы узнаём себя в своём расширенном бытии за пределами земного бытия.

Но это позволяет в значительной мере разъяснить душевное переживание. Постепенно мы начинаем себе говорить: в голове это душевное переживание полностью исчезло; так как оно целиком вложено в голову, то сформировало голову как своё отображение (см. рис., синее). Это предоставляется только внешним миром, так что внешний мир может пририсовать сюда образы,

..... hell // // // rot // // // blau
 светлое красное синее

которые мы в таком случае получаем и удерживаем в памяти. Но здесь внизу присутствует эта жизнь, не соединяющаяся так ин-

тенсивно с физическим, здесь это отделено больше — это я уже обозначил вчера. Так что мы заглядываем внутрь нас самих, когда, с одной стороны, сердце становится глазом ради этого заглядывания вниз в эту часть — в пламенеющие, жгущие, горящие эмоции, страсти, влечения, инстинкты; но, с другой стороны, это то, что не хотелось бы связывать с нашим вечным существом, которое живёт рядом.

И теперь нам ясно, что для нашей головы наше душевное существует так, что оно погребено внутри, оно покоится внутри. В действительности голова является только внешним органом отражения для физического окружения. Здесь мы только схватываем внешний мир. Самих себя мы схватываем, когда через сердце глубже заглядываем в себя. Обычная жизнь поднимает в нас только волны эмоций. Но если через высшее познание мы узнаём об этом больше, то наше вечное бытие поднимает нас сюда. Теперь душа учится быть связанной с духом, которым являемся мы сами. Мы не являемся тем внешним миром, который мы рассматриваем как духовное окружение. То, что мы увидели внутри благодаря нашему сердцу, которое становится органом чувств, — это мы сами. Путь, который обычно ведёт только в душевное, когда душевное показывает свою внешнюю сторону, влечения и страсти, это тот же путь, который вводит нас в вечное душевное, которое существует в нас и которое пронизано духовным, которое точно так же духовно, как и духовный окружающий мир. Теперь мы входим в область, где душа с духом едины.

Вы ещё можете оглядываться на свой головной мозг так: это физическое; здесь вы сами являетесь физическим. Но мозг является также главной областью современного материалистического наблюдателя души. Вы говорите, что рассматриваете душу, но рассматриваете только головной мозг. Вы можете это делать и потому, что головной мозг является выражением душевного. Здесь похоронено душевное, сюда оно погрузилось, здесь покоится труп душевного. Этот труп душевного является областью современного исследования души. Но само душевное, такое, ка-

ким оно является как душевное и связанное с духом, существует ниже сердца, и здесь оно не глубоко соединяется с тем, чем являются влечения и страсти, но как раз только внешне.

Теперь же сделаем ещё одно открытие. Видите ли, когда вы воспринимаете каким-либо чувством, например глазом, вы созерцаете вокруг себя прежде всего физически. Не будем принимать во внимание, что здесь в большинстве случаев мы ведь находимся при искусственном свете; мы могли бы довольно легко показать, что это, только на кружном пути, всё-таки несколько касается даже солнечного света, но мы сейчас закрываем на это глаза. Только представим себе прекрасный утренний доклад в открытом поле и, вместо этого ужасного освещения мы имели бы солнечный свет. Представим себе это; нечто такое порой даже случается с людьми. Да, но тогда мы повсюду видим Солнце, ибо Солнце не только этот находящийся там диск или шар, но оно испускает лучи; когда оно излучается на цветок, лучи возвращаются к нам. Солнце — это то, что проникает сюда в наши глаза, и через него мы обнаруживаем цветок, через него мы также создаём себе представление о цветке. Повсюду, во всех вещах существует Солнце. И человек ведь легко понимает, что, поскольку он видит вокруг себя освещённые предметы, есть Солнце, которое на кружном пути через его голову, через его глаза способствует всему, что внешне физически он узнаёт о предметах. Но Солнце является не только тем, что воспринимает глаз. И это уже более глубокая степень истинности, когда мы слышим в «Фаусте»: „Звуча в гармонии вселенной / И в хоре сфер гремя, как гром, / Златое солнце неизменно / Течёт предписанным путём”¹. Существует такая мировая гармония, и то, что из этой мировой гармонии ценится в нашей воздушной сфере, является, в конце концов, солнечным отражением, так что звучащее приходит из солнечного на определённом кружном пути. Всё воспринимаемое во внешнем физическом мире приходит

¹ Гёте «Фауст» Пролог на небесах. Перевод Н. А. Холодковского.

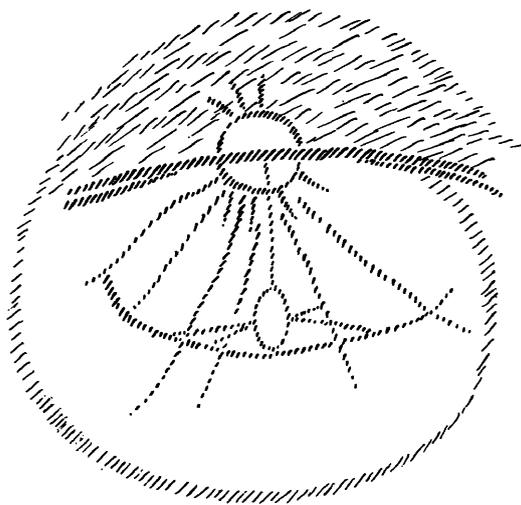
из солнечного. Тепло, тон — всё приходит из солнечного, только не так прямо, как свет.

Теперь я должен сказать нечто такое, что для первого слушания имеет, конечно, кое-что неожиданное, имеет кое-что, кажущееся таким, словно это невозможно сразу понять. Но проникнуть всё-таки можно, если только прослеживаешь вещи так, как мы привыкли их прослеживать через антропософию. В том, что мы видим здесь так внешне благодаря наличию Солнца и нашему чувственному единению с тем, что Солнце позволяет нам видеть во внешнем мире, мы, по сути дела, присутствуем в солнечном. Мы находимся внутри, во внешнем физически-эфирном солнечном.

Если мы приходим теперь к имажинативному познанию, к инспиративному познанию — если я могу так выразиться, но только в этом смысле можно понять то, что я только что сказал, — если мы теперь в нашем собственном существе продвигаемся вперёд через наше сердце, то с этим солнечным это становится несколько иным. В определённой точке, когда вступает инспиративное сознание, когда мы действуем с инспиративным сознанием в реальном образном мире, в данное время мы осознаём, что мы вдруг посредством внутреннего душевно-духовного рывка словно вбежали в само Солнце.

Это некое внутреннее переживание, которое вы должны поставить перед своей душой только соответственно его значению. Это Солнце светит нам на Землю. Мы как люди воспринимаем существующее вокруг нас как отражение солнечного. Но в тот момент, когда мы приходим к инспиративному познанию, когда для нас самих сердце становится органом чувственного восприятия, как я это описал, тогда мы внезапно чувствуем себя внутри Солнца. Мы чувствуем себя уже не так, как если бы мы смотрели вверх и видели бы там движущееся Солнце — сейчас я воспринимаю только кажущееся движение — но, когда сердце становится нашим органом чувств, мы почувствовали бы себя, и именно своим сердцем, внутри Солнца и двигающимися с самим Солнцем. Для нас самих сердце передвигается наружу в Солнце,

и одновременно Солнце становится нашим глазом, которым мы теперь созерцаем то, что начинает существовать вокруг нас. Солнце превращается теперь в наш глаз, в наше ухо, а также в наш орган тепла. Теперь у нас уже нет чувства, что мы находимся вне солнечного, но мы имеем чувство: мы вдвинуты в солнечное, мы стоим внутри света. Обычно мы всегда находимся вне света. Теперь, когда своим собственным существом мы погружены в своё сердце, мы имеем в отношении мира чувство, что стоим внутри света, и наше собственное существо есть свет. Своими органами света, которые мы имеем теперь в струящемся, ткущем свете, мы соприкасаемся с духовными существами. Теперь своим душевным мы родственны миру, который находится не вне Солнца, а внутри Солнца, притом я определённо замечаю: это мы становимся линейными (*linienhaft*), мы чувствуем себя как-то на пути Солнца, линейно на пути Солнца (*wir fühlen uns*

||||| hell ||||| grün
светлое зелёное

wie auf dem Weg der Sonne, linienhaft auf dem Weg der Sonne.). И если теперь высшее познание продвинется лишь на малую часть, тогда мы почувствуем себя не только внутри Солнца, но до

определённой степени мы почувствуем себя здесь по ту сторону Солнца (см. рис.). Прежде мы были там внизу таким маленьким человеком и смотрели вверх на Солнце. Теперь мы вошли в Солнце и чувствуем себя своим душевным существом внутри Солнца, и в нас находится мир, который до сих пор был вокруг нас (зелёное).

Но только достигнув этого, мы начинаем понимать, что мы выходим сюда своей душой, когда спим в обычной земной жизни. Мы существуем там, где мы так устроены, что должны воспринимать собственно только благодаря Солнцу. Теперь же своей душой мы выходим в мир, который может быть нами понят только через отражение Солнца; а поэтому мы ничего здесь не воспринимаем. Мы должны были бы продвинуться за пределы области Солнца. Но это происходит только через инспирацию, позже через интуицию; тут мы воспринимаем лишь кое-что, потому что как человеческие существа Земли, выходя из своего физического тела и из своего эфирного тела, мы проталкиваемся сюда сквозь все земные объекты; от засыпания до пробуждения мы проталкиваемся сквозь всевозможные земные объекты. Прежде всего, от нас самих здесь не много может быть воспринято. Других существ мы воспринимаем, но только если мы к этому приготовились; однако мы можем воспринимать себя самих, если только сюда, в эту область, в которой мы находились между смертью и новым рождением, вышли через обучение.

Что же это такое, что отделяет нас от этой области, в которой мы живём между смертью и новым рождением? Да, мы не можем сказать ничего другого, кроме как — это Солнце. Мы рождены как люди в физическом мире. До зачатия, до того как мы спустились вниз, мы не имели никакого дела с внешним физическим Солнцем, но мы имели дело только с тем, что в качестве духовного стоит за Солнцем. Теперь мы спускаемся в физический мир. Здесь повсюду сияет Солнце. То, что оно обнаруживает нам в физическом мире, мы воспринимаем в свои мысли, в свои представления. Это физическое Солнце мешает нам видеть

духовное. И когда после засыпания мы присутствуем снаружи среди вещей, которые оно обычно обнаруживает нам, мы слишком слабы, чтобы выглядывать за пределы солнечной области, и именно потому, что во время земной жизни приучены нашим физическим телом к земной жизни, мы и в солнечной области ничего не можем видеть, ибо здесь мы должны были бы видеть других существ, которые окружают нас во внешнем мире либо как элементарные духи, либо как высшие иерархии.

Итак, вы видите, что то, о чём идёт речь, видно также с той точки зрения, что, во-первых, душевное как таковое можно познать через более высокое познание, чем то, каким является познание обычного сознания; но, во-вторых, это душевное внутренне родственно тому, чем является мир. Душа связана со всем развитием мира, и когда мы находимся в своём теле, тогда присутствует Солнце, которое всё внешнее делает для нас видимым, а также слышимым и так далее, но которое препятствует нам созерцать в духовном мире. Поднимаясь в духовный мир, мы до известной степени приходим на другую сторону Солнца. Здесь мы находимся по эту сторону солнечного бытия; мы приходим на другую сторону Солнца, когда мы продвигаемся вперёд к духовному миру. И при переходе от одной стороны солнечной жизни к другой стороне солнечной жизни мы имеем сознание, о котором я только что сказал, что мы определённым образом чувствуем себя в Солнце, с Солнцем, совершаем мировой путь с Солнцем и так далее. Так что мы совсем не можем познакомиться со своим душевным, не рассматривая это душевное в глубокой связи со всем мировым развитием, со всем мировым бытием.

То, что одиноко помещает нас в определённое место Земли, так это, я бы сказал, наше физическое тело, которое ориентировано на внешнее солнечное и мешает нам связать наше душевное с вселенной, оно нас изолирует. Изолирующее — это ведь наш организм. Так человек, по сути дела, живёт в солнечном. И вы знаете, что в это солнечное вмешивается лунное — мы рассмотрим теперь чисто внешний факт: Солнце освещает Луну. Свет-

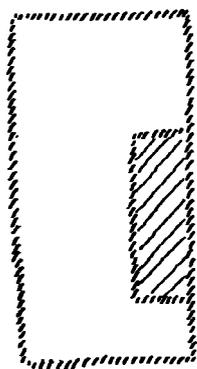
лой лунной ночью Луна отражает солнечный свет. Мы получаем солнечный свет от Луны. То есть, мы имеем некий род затенения, или можно сказать оздоровление (*Abheilung*) мира во всём том, что приходит в мир теперь под влиянием лунного.

Теперь в мир входит не только отсвечивающий серебром лунный свет, который при сияющей Луне отражает нам предметы более расплывчато, чем обычно днём отражает нам предметы солнечный свет — светло и ясно в чётких контурах. От предметов приходит к нам не только этот отблеск солнечного света, но в существах Земли лунное живёт также и тем, что эти существа Земли способны размножаться. Во всякой способности размножения, которая связана, кроме того, с силами наследования, живёт лунное.

Если бы человек находился только под влиянием солнечных сил, то на Земле он уже мог бы быть человеком, но он не мог бы порождать других людей. Если бы всегда существовало только солнечное, то Земля определённым образом представляла бы собой некое состояние пребывания. Существа не умирали бы и не возникали бы новые. Не существовало бы ничего передаваемого по наследству, ничего размножающегося. Так что можно сказать, что солнечное на Земле, прежде всего, является физически первоначальной силой (*Urkräftige*). На стороне головы человека оно изгоняет наше душевное; здесь, на стороне головы, оно всё превращает в образ. Реальными в обычной душевной жизни мы становимся только через наши влечения, через наши эмоции; в высшей душевной жизни — когда мы созерцаем дух через сердце, а также когда выходим за пределы солнечного. Итак, можно сказать, солнечное является первичной силой в чувственном мире. В развитии мира к солнечному было примешано лунное, чтобы оно не существовало таким могущественно одиноким, чтобы это солнечное не становилось вечным, чтобы все растения не стали вечными, но умирали и вновь возрождались, чтобы не становились вечными все животные, но умирали и заново рождались, также и у человека. И таким образом лунное включено и в человека.

Лунное активно всегда, когда в мир вступает новый человек. Сюда солнечное приходит в определённой мере не только до поверхности, но и во внутреннее человека и выводит человека из определённой сферы. Рассмотрите это с одной стороны. Итак, до известной степени мы имеем мощную солнечную силу; из мощной солнечной силы выброшена определённая часть нашего внешнего мирового развития, когда сюда вступает лунное.

Если я нарисую это у человека схематически (см. рис. внизу), то должен буду сказать: если это схема человека, то включается как раз лунное (оранжевое). Здесь из целого человеческого существа, поскольку в нём участвует солнечное, выброшено это солнечное и действующим становится лунное. Итак, вы видите,

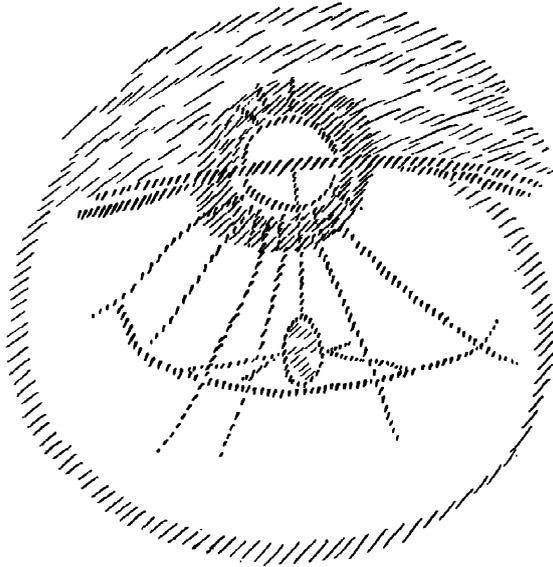

..... hell светлое
 // orange оранжевое

что первосилы солнечного приняли нечто во внешний физический мир. Поэтому в мире при размножении то, что происходит здесь в соответствии с лунным, также может происходить не внешне — только у всех самых низших животных часть этого происходит так, что откладываются яйца и затем высидиваются солнцем, — там, где довольно сильным становится это лунное, это уклоняется от внешнего мира.

Но это имеет противоположный полюс. То, что, с одной стороны, отнимается у Солнца и благодаря этому через лунное становится возможным, чтобы на Земле существовало земное раз-

множение и земное наследование, это, с другой стороны, даётся ему вновь. И в то время как ему это даётся, Солнце является не только тем физическим существом, о котором вам рассказывается во внешней науке, но Солнце имеет духовное, некий род Сверхсолнца (Übersonne), принадлежащего ему (см. рис ниже, оранжевое). Это Сверхсолнце принадлежит Солнцу, но это

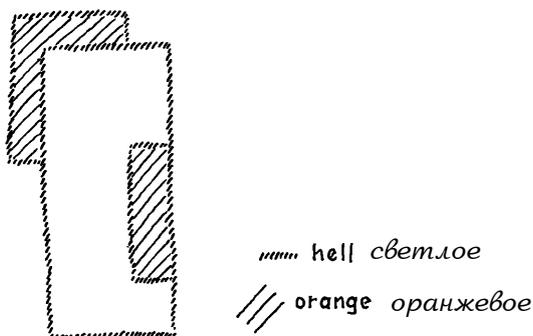

hell
 grün
 orange
 светлое зелёное оранжевое

Сверхсолнце действует на человека так же, как Луна, являющаяся неким родом нижнего Солнца. И в нашу эпоху люди ничего разумного не знают о том способе, каким Луна встраивается в земное развитие; но они тем более ничего не знают и об этом Сверхсолнце, и о том, что так же, как Луна имеет своё мощное влияние на физическое человека, это Сверхсолнце имеет мощное влияние на душевное человека.

Видите ли, древние люди, исходя из инстинктивного ясновидения, знали это и поэтому, когда они хотели указать на это у

особенно одарённых со стороны духовного людей, для действительно духовных, для спиритуально одарённых людей, давали понять, что на них действует Сверхсолнце, короче, что они (эти люди) являются не только тем, чем они являются благодаря Солнцу и Луне, но что они являются также тем, чем они являются благодаря Сверхсолнцу, что они больше, чем это физическое тело. Так же, как человек физически больше, чем его внешнее физическое тело в своих границах, когда он из себя может породить человека, когда он выходит, следовательно, в направлении физической стороны, так он больше и в направлении духовной стороны. Это знали во времена инстинктивного ясновидения и поэтому человеку придали венец. Как человек в физическом мире выходит через своё собственное существо, являясь способным к размножению существом, так он благодаря Сверхсолнцу выходит из обычного душевного, которое связано с телом, вдаётся в духовное и по мнению древних несёт венец. В современных изображениях венец всегда подобен насаженной шапке, потому что не имеют понятия, как это реально связано с человеческим существом. Это не шапка, но нечто такое, что человек имеет благодаря Сверхсолнцу; это является расширением его душевного в духовное до такой степени, что это расширение может стать видимым в эфирном.

Здесь, снова учась понимать через антропософию, почему из древнего атавистического созерцания возник венец, мы, с одной

стороны, глубоко входим в духовно-душевное и, с другой стороны, входим в то, что могли созерцать о мире древние, пусть даже и в сновидчески-атавистическом ясновидческом познании. Они могли созерцать истины. И современное человечество является чрезвычайно безрассудным, если оно полагает, что из какой-либо фантазии люди в древние времена давали некоторым личностям венец. Они делали это не из фантазии, но этим хотели дать понять, что эти люди находятся преимущественно под влиянием Сверхсолнца, того, что в Солнце существует духовно-душевно. Таким образом, они видели, что человек, когда рассматриваешь его в соответствии с его душевным существом, действительно соответствует своему организму; но тем, что в него проникает лунное и это лунное может являться здесь только в своём отблеске, человек становится чужд своему собственному физическому существу. Это входит в условия наследования. Но, с другой стороны, человек своим душевным участвует в том, что Солнце снова получает через Сверхсолнце, получает, я бы сказал, то, чего оно лишается через Луну ради Земли, и уже в своём эфирном теле он пускает ростки вверх (*rankt sich hinauf*) в духовное.

Эти вещи, когда на них указываешь, уже должны приводить к тому, как глубоко душевное человека связано с мировым развитием. Нельзя просто говорить о душевном человека, если не говоришь о мировом развитии. Ибо в тот момент, когда продвигаешься к истинному душевному, продвигаешься также и к солнечному. И как человек сильно связан с материей именно благодаря тому, что несёт в себе наследственные признаки, и следовательно несёт в себе импульсы физического развития, так связан он и с духовным миром благодаря тому, что являющееся голой головной духовностью, имеющее в действительности нечто трупное, мертвое, пронизывается сверхсолнечным и благодаря этому одушевляется духовность головы. И у человека это происходит так, что в бытие его представлений вдвигается душевное. Как у Мюллера, если он храбрый парень, при мысли о льве, являющийся образом в духовном, выступают мужественные чувства, а

у труса Шульца возникает чувство бежать, как здесь мысль возникает душевно, душевно из человеческого организма (ибо то, что втекает в представление, в мышление, это, в конце концов, всё-таки продукты варки организма), так теперь, с другой стороны, втекают не порывы, страсти и влечения, но втекает душевный мир из сверхсолнечного.

И по этому поводу мы должны уяснить себе: когда мы имеем человека, живущего в духовных образах, в представлениях, то в эти представления с одной стороны втекает его инстинктивное, его животное, и с одной стороны душевно создаёт представление, которое иначе было бы холодным и рассудочным (см. рис.,

красное); с другой стороны втекает сверхсолнечное (жёлтое). Это тоже является душевным. Это лишь предрассудок, когда думают, что тот, кто живёт теперь не только эмоциями, но может воспринимать из мира в свои абстрактные мысли и сверхсолнечное, становится таким сухим коллегой, подобно тому, кто имеет только мысли.

Люди страшатся духовного, когда оно выступает в чисто космической форме, потому что полагают: „Относительно своих мыслей я уже достаточно холодный парень; если же я восприму

ещё и мировые мысли, то стану окончательно сухим и скучным”. — Но здесь происходит обратное. Ты внутренне становишься тёплым, внутренне пронизан энтузиазмом, но только в чистой духовной форме, также, как когда тебя внутренне пронизывают восторгом влечения, страсти и инстинкты, которые излучаются из организма в мыслительное.

В своей книге «Мировоззрение Гёте» я обратил внимание на то, что в действительности вносить тепло в мыслительное можно не только тем, что примешиваешь склонное к влечениям. Конечно, влечение, порыв делают мысли тёплыми, но тёплыми чувственно. Но, кроме того, есть тепло, которое приходит из мира, которое приходит из Сверхсолнца, и можно разгораться, воспринимая в себя то тепло, которое является уже не чувственным теплом, а теплом иерархий, стоящих над человеком. По крайней мере, в своей книге «Мировоззрение Гёте» я смог на это указать там, где я говорю о том, как неправильно, что человека, наполненного идеями, если его идеи пронизаны высшим теплом, воспринимают как одного из таких сухих коллег и полагают, что сами, если воспримут такие идеи, станут такими, как это обычно бывает при сухих идеях, которые сегодня преимущественно только и знают.

Таким образом, я попытался изобразить вам душевное в связи с мировым развитием и хотел бы завтра изложить, кроме того, отдельные детали этой душевной жизни.

Пятый доклад

Дорнах, воскресенье, 7 мая 1922 года

Само собой разумеется, что о нашей теме можно сказать ещё очень много, однако при такой теме можно дать лишь отдельные намёки, и этим мы пока ограничимся. Сегодня я попытаюсь способом широкого обзора показать вам стояние души внутри всего мирового развития.

Когда между рождением и смертью мы как одушевлённый человек позволяем внешнему миру воздействовать на нас, тогда от внешнего мира мы получаем прежде всего некую сумму впечатлений. Ведь современный человек уже столетия тому назад привык, и особенно через научное воспитание, которое проникает вплоть до начальной школы, рассматривать этот внешний мир как существенное. В новое время даже науку о душе начали создавать как некий род естествознания. Это делают не только учёные, это, по сути дела, делает сегодня самый простой человек. Всё это происходит от того, что современный человек мало склонен оглядываться на себя самого. Поэтому он довольно легко проходит мимо таких вещей, которые вчера здесь обсуждались. Человек современности мало склонен, мало привык объективно оглядываться на самого себя. Он смотрит на то, что вчера я назвал вздымающимися вверх и бушующими инстинктами, вожделениями, влечениями и вообще эмоциями. Но он не очень склонен объективно рассмотреть, почему из того, что существует в глубине его души, при таком самосозерцании, кроме этого вожделения, восходит и немного другого. Если оно порой благодаря воспитанию даже становится тоньше, оно всё-таки остаётся этим вожделением, которое восходит, когда человек образует себе, разумеется о внешнем мире, определённые идеи, в отноше-

нии которых он не участвует лично и которые имеют определённую объективность.

Есть много людей, которые неохотно стремятся к таким понятиям, они больше придерживаются того, что живёт субъективно и лично в их внутреннем. Но ведь цивилизация эпохи повсеместно знакомит людей с такими понятиями о внешней природе, какие мы воспринимаем сегодня и воспринимали уже много столетий тому назад. Затем этими понятиями о природе современный человек наполняет своё внутреннее. Уже через мелкие местные газетки, по крайней мере через воскресные приложения, он учится сегодня рассматривать мир так, как это именно в данном смысле может происходить. Он не знает, что в действительности уже с этой маленькой газеткой он воспринимает естественнонаучное мировоззрение, но именно это он и делает. Так что можно сказать: единственное, с чем человек сегодня действительно имеет дело — это понятия о внешней природе. Я высказываю это не как критику частных, но как критику времени или, собственно, только как характеристику времени, ибо всё же критиковать ничего нельзя; эта вещь является просто необходимым продуктом эпохи. Человек так мало заинтересован в самом человеке, что ему, по сути, стало уже безразлично, видит ли он живого актёра на сцене или видит призрак кино, что в реальности является, конечно, значительной разницей. Но в настоящее время отсутствует глубокое ощущение, основательное ощущение этой разницы, иначе имели бы и больше чувства, больше ощущения для огромного интереса, который в нисхождении нашей цивилизации вызывает именно такое явление как культура кино.

Идеи, которые сообщаются сегодняшнему человеку для его души, он воспринимает только благодаря тому, что, слепо следуя за авторитетом, сразу же бывает убеждён, когда ему говорят: „Наука снова привела то и это, снова констатирует то и это“. — Нужно только уяснить себе по поводу того, что это собственно означает, когда принимают эти вещи так, как их сегодня описывают. Принимая эти описания, абсолютно не знают, что соб-

ственно происходит там в лабораториях и тому подобном. Коротче, существует слепая вера в авторитеты в части того, что сообщается людям таким образом в идеях о внешнем мире.

Но так было отнюдь не всегда. Я уже не раз обращал внимание на то, что, возвращаясь в истории развития человечества назад, мы приходим во времена, когда у людей существовало нечто, что я всегда называл инстинктивным сновидческим ясновидением. Это ясновидение было инстинктивным и сновидческим, но однако ему было свойственно проникать в сущность вещей глубже, чем так называемым современным научным идеям. В действительность вживались просто через эти понятия, эти представления, эти образы, которые сегодня людям кажутся только лишь символами и аллегориями или такими, как будто они созданы из фантазии. Полностью ли соответствовал отдельный образ объективному факту, это не имело значения, но живя с этим образом в действительности, живо находились в духовном, между тем как сегодня, разумеется, важно, точно ли идея, которую себе создаёшь, соответствует чему-то снаружи, ибо это соответствие — единственное, на чём сегодня может держаться человек.

Итак, если мы прослеживаем это, то должны когда-нибудь достаточно чётко поставить перед своей душой нечто, являющееся необычайно важным для всей оценки нашей современной цивилизации. Мы должны представить совершенно категорически, что ведь древний человек со своим инстинктивным ясновидением имел в своей душе нечто живое, о чём современный человек говорит: „Это фантазия, это вовсе не содержится в вещах”.

Если мы с пониманием стоим на антропософской почве, то в определённом смысле должны как раз переживать эти верные отображения внешней природы, когда уже не находишься внутри во внешней природе, но она лишь отображает. И вы, вероятно, знаете, что мы в самом крайнем смысле переживаем это научно, отвергая всякий способ образования гипотез по поводу того, что же это такое — явление природы, но остаёмся в нашем феноменализме (как его следует называть) внутри феноменов, то есть

внутри внешних явлений природы, которые должны объяснять сами себя, говоря в гётевском смысле, и к которым мысленно не добавишь всяких бомбардировок атомов, разрушения атомов и тому подобного, как это обычно существует ещё сегодня, я бы сказал, из инертности старой привычки. Мы должны, когда речь идёт о внешней природе, в самом строгом смысле придерживаться антропософской основы именно в самих явлениях и отвергать здесь примысливание чего-либо к этим явлениям.

Ничего не примысливать (*hineindenkt*) к явлениям человек может учиться лучше всего, когда он придерживается того, что ведь тоже возшло в новом развитии человечества с естественно-научным мировоззрением, когда он придерживается техники. Когда мы технически реализуем законы природы, то мы осуществляем сами явления. Конечно, в самих явлениях всё-таки ещё остаётся, скажем, например сила электричества, о которой современный исследователь в таком случае скажет вам: „Я её применяю, но не знаю её сущности”. — Он часто так говорит обо всех силах природы, также и о тепле, свете и так далее. Следовательно, возникают остатки. Но то, что важно для нас в технике, чем мы стремимся овладеть, является тем, что мы собираем, сопоставляем в самом эксперименте, когда мы, стало быть, имеем дело с определённым пониманием вещи.

И для того, кто может осознавать такие вещи, обязательно присутствует ощущение: В том, что я технически конструирую, пусть это даже в области химической техники, в этом находится нечто от непосредственной, обзереваемой (*überschaubaren*) достоверности, — в то время как, говоря о природе, которую таким образом наблюдаешь, имеешь возможность мыслить по-разному в том или другом направлении. Так что можно сказать: мышление современной эпохи является самым совершенным по сути дела в технике. Это вне сомнения так. Кто сегодня, не имея представления, проходит мимо конструкции какой-либо машины или, скажем, изготовления какого-либо химического препарата и его применения, тот пока мыслит не в духе нашего времени; я бы

сказал: тот позволяет другим мыслить в своей душе, ибо определяющие люди мыслят как раз всё-таки технически. И таким образом постепенно мировоззрение нового времени стало по сути тем, что обнаруживаешь внешне осуществлённым в технике, в механизме, в химизме и так далее. Это постепенно распространилось и на то, что сегодня ещё ценится как мировоззрение.

Чем же в конце концов является наша астрономия? Наша астрономия долгое время была ничем иным, как изображением мирового механизма. Это была некая великая машина, какой представляешь себе здесь Солнце в связи с планетами и их движения. Кроме того, в новое время пришли к химизму в спектральном анализе. Но вот дальше астрономия не идёт. Астрономия, эта наука о вселенной, отвечает сегодня, так сказать, исключительно на вопрос: Как мы справляемся с представлением о вселенной, когда просто применяем к вселенной известные нам из техники представления, когда мы мыслим, переместив в мировое пространство то, что можем наблюдать в технике? — Так что наша наука, за исключением, можно сказать, того вздора, который содержит неовитализм, за исключением говорильни о психоиде и тому подобном, из действительно ценных идей имеет в мировоззрении широко полезные представления лишь в той мере, в какой мы можем конструировать машины и химические препараты. Представления, получаемые при этом конструировании, мы переносим затем на построение мира и тоже представляем себе это построение, как огромную машину, внутри которой ещё имеют место те или иные химические процессы.

Только это отнюдь не всегда было так. Человек вплоть до XV столетия — я говорю здесь именно о цивилизованных областях земного развития — жил ещё с такими представлениями о внешней вселенной, которые не были только техническими, но были и такими, что человек нечто сопереживал. Ведь техническое находится абсолютно вне человека. Оно отделено от человека. Раньше человек сопереживал то, что он знал. Сегодня он уже не сопереживает то, что знает. Поэтому наши современные даже

очень умные люди всегда имеют чувство, что в древние времена люди как раз пригрезивали всевозможное в области мира, создавали себе представления фантазии, и только сегодня мы имеем возможность, представлять мир без таких представлений фантазии. Сейчас полагают, что технические представления якобы являются единственными, которые можно, не подвергаясь опасности фантазировать о мире, мысленно вкладывать в мир, не познав его (*die man in die Welt hineindenken dürfe, ohne sich in die Gefahr zu begeben, über die Welt zu phantasieren, sie nicht zu erkennen*).

Но в основе того, что я здесь излагаю, лежит нечто гораздо более глубокое. В основе лежит то, чему в пророчествах древних мистерий уже уделялось основное внимание для определённой степени посвящения, инициации. В те времена, когда ещё существовало древнее ясновидение, это было именно свойством мистерий пророчески предвидеть, что должно однажды произойти с мировоззрением. В мистериях пророчески предсказывалось примерно следующее: „Если бы для человечества сохранилось воззрение, существующее сегодня — это «сегодня» было, стало быть, в очень ранние времена, когда люди окружающее сопереживали инстинктивно сновидческим образом, — то человек никогда не смог бы стать свободным существом. Тогда человек через то, что он переживает по поводу мира здесь в своём внутреннем, должен был бы всегда получать импульсы и для своих поступков. Божественный мир открывался бы его сердцу — так говорилось — но этот божественный мир сделал бы его несвободным”. Древние цивилизации имели как раз абсолютно несвободных людей. То, что они делали, когда от них это требовало не государственное руководство в качестве государственных законов, осознавалось ими, как следование божественным заповедям. То есть они были существами, которые только выполняли то, к чему их побуждало божественное.

В мистериях говорили себе так: Однажды придёт время, когда в человеке прекратится этот способ божественного воздействия,

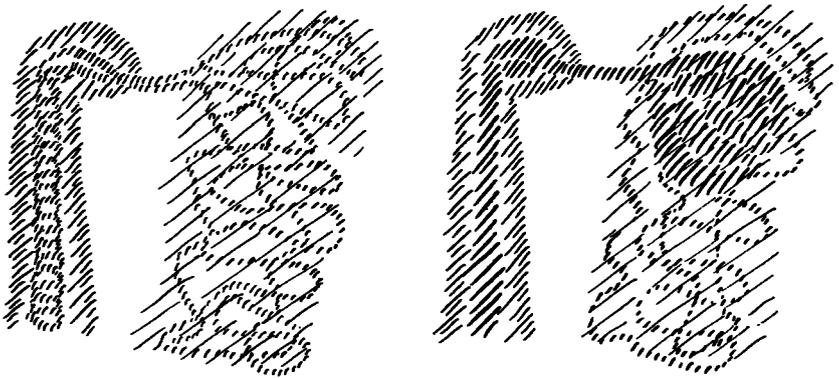
когда человек придёт к тому, чтобы только выглядывать во внешний мир и видеть во внешнем мире то, что уже не имеет никакого отношения к человеческому, и, кроме того, воспринимать в своей душе только внешний мир. Когда человек, познавая и переживая, может уже смотреть не на силы человека, а только на силы, которые живут снаружи в мире и к которым человек не имеет никакого отношения, тогда он является внутренне свободным, тогда он внутренне освобождается, тогда его душу не наполняет ничего другого, кроме того, что не имеет отношения к его собственной организации.

Для человека должна однажды наступить эта фаза развития, когда он, так сказать, будет созерцать природу нечеловечески, так что сможет стать свободным. Это говорилось в древних мистериях. Поэтому в этих древних мистериях говорилось: То, что мы можем сейчас давать людям, которые из своего инстинктивного ясновидения несут нам навстречу свой рассудок, им можно будет давать не всегда, ибо вследствие этого они остались бы несвободными. Через них придёт наука, которая, правда, не возбудит в них никаких импульсов, но которая будет поставлять им идеи о существующем вне них, так что своим познанием они всегда будут придерживаться только внешнего, а значит в отношении своих внутренних импульсов они будут воспитываться к свободе.

Видите ли, перед этим фактом я ведь тоже стоял в самом крайнем смысле, когда я чувствовал себя вынужденным вначале написать готовящиеся сочинения, а затем свою «Философию свободы». Основным вопросом для написания этой «Философии свободы» был следующий: дело в том, что я сказал себе со всей ясностью: „Просто мы находимся в технической эпохе. Если мы не продолжаем дилетантски молоть вздор о том, что из древних инстинктивных мировоззрений ещё сохранено в верованиях и тому подобном, то у нас нет никакой другой возможности, кроме как придерживаться того, что о мире можно мыслить технически, что, следовательно, исчерпывается в механизмах и так далее. Мы находимся в мире, обзревая его как некий великий ме-

ханизм и как некий великий химизм. Просто мы должны, если хотим снова прийти к духовному, радикально прорывать всё то, что как мистика перешло из древних времён, и в этом, я бы сказал, бездуховном, механическом мире, который дал нам современную науку, найти дух”.

Я хотел бы схематично нарисовать вам на доске эту ситуацию, перед которой мы находились, когда я писал свою «Философию свободы». Если это человек (рис. слева, светлое), а это окружающий мир (жёлтое), то для прежних времён дело можно представить так: человек выглядывает в окружающий мир. Но здесь и во внутреннем он переживает то, что ему инстинктивно постав-

////// hell /// gelb ===== rot ///// grün
 светлое жёлтое красное зелёное

ляет сновидчески-ясновидческое представление (красное). Это он связывал с тем, что видел в окружающем мире, и поэтому окружающий мир он видел пронизанным духом (красное в жёлтом). Во всём бытии он видел элементарных или же высших существ благодаря тому, что мог навстречу этому принести предпосылки из своего собственного внутреннего.

Современный человек, тот человек, для которого как для цивилизованного человека конца восьмидесятых, начала девяностых годов я собственно писал свою «Философию свободы»,

представлен на рисунке справа (светлое), окружающий мир (жёлтое). Теперь человек уже ничего не добавляет из себя в окружающий мир, но он лишь наблюдает то, что можно конструировать сейчас технически; он прослеживает закономерности самого окружающего мира. Но здесь снаружи не найдёшь никаких моральных импульсов. Таким способом создашь только законы природы. То, как я нарисовал это здесь (слева), пока древний человек ещё был связан с внешним, ещё могли быть восприняты моральные импульсы во всём, что он видел — в камне, в животном, в растении, поскольку во всём этом содержались божественно-духовные существа. От этого в законах природы уже ничего нет. В законах природы присутствует только то, что переходит в машины или в механизмы.

В чём же, исходя из этого, состояла необходимая задача именно этой «Философии свободы»? Её необходимой задачей было, чтобы говорили: Когда человек, находясь вне природы, уже ничего не может найти из моральных импульсов, поскольку он благодаря своим чувствам получает таким способом только законы природы, тогда человек должен уже выйти из себя, тогда он уже не может оставаться в себе. И я должен был описать первый выход, когда человек покидает свою телесность. И этот первый выход происходит в чистом мышлении, как я изобразил это там в «Философии свободы». Это означает: теперь человек не выступает со своим инстинктивным ясновидением, но теперь он вообще выступает из своего тела, перемещается во внешний мир (зелёное). И что же он здесь получает? Здесь он получает, осуществляя первоначальное самое утончённое ясновидение, моральные интуиции, или, если вы хотите субъективно представить это выражением, которое я тогда использовал, — он получает моральную фантазию. Здесь человек уходит от себя, чтобы теперь внутри технического — ведь духовное всё-таки ради этого находится там — найти это духовное в первой области, в моральной области.

Люди только не знали, что это является первой ступенью современного ясновидения, которая на деле применена в «Фило-

софии свободы», потому что люди ещё думали: „Ну вот, ясновидение, это нечто такое, когда примерно погружаешься в невнятность, когда приходишь к неизвестному”. — Между тем как тут ищут как раз известное, выходя здесь с мышлением, которое теперь уже не держится за материальность, но которое постигается в себе самом, потому что сначала мир постигается в этом мышлении, то есть в чистой духовности, даже в чистойшей духовности.

И «Философия свободы» имела эту участь также потому, что для мистиков она была слишком отвлечённой. Они по своему характеру видели слишком много мыслей. И наоборот, другие, которые были рационалистами и учёными естествознания или философами нового времени, в свою очередь ничего не могли с ней поделаться на основе того, что она вела в область созерцания, куда они не стремились, так как они хотели оставаться при одном лишь внешнем наблюдении, пусть даже они говорили о философии. Следовательно, именно благодаря всей позиции, «Философия свободы» в своём облике была наполнена тем, что было просто возложено на современного человека.

Это было, так сказать, основным из того, что, следуя пророчески возвещаемому, могли говорить в древних мистериях о том, что должно будет прийти. Однако древние посвящённые в мистериях видели вещи ещё подробнее, они видели их ещё больше в связи с человеческой душой и мировым развитием. То есть они видели ещё следующее: они ясно осознавали, что мир, который через более позднее познание однажды, конечно, откроется здесь, этот мир в действительности не только нечеловеческий, но и небожественный, он существует вне области того божественного творения, о котором они, древние посвящённые, собственно говорили: „Мы ищем откровение божественного в том, чего мы достигаем через нашу инициацию; через нашу инициацию мы общаемся с божественными существами”. — Разные языческие народы общались со своими существами, иудеи, например, со своим Ягве или Иеговой. Они общались со своими божественными существами, поскольку были посвящёнными, не только в

мыслях, но и в реальности. Когда говорят о реальном общении в древних мистериях с этими божественными существами — говорят о чём-то абсолютно истинном. Да, посвящённые общались с этими божественными существами; но когда они находились вне мистерий, и когда вне мистерий находились их ученики, то все они снова видели окружающий мир. В этом окружающем мире они, разумеется, заглядывали в то, что давало им их инстинктивное ясновидение. Но главным образом сами посвящённые и ученики этих посвящённых знали: Да, существующее здесь снаружи всё же определённым образом сопротивляется заглядыванию туда, и когда-нибудь просто придёт время, когда это не только будет сопротивляться, но когда будут созерцать лишь то, что можно воспринимать без такого заглядывания.

Современный человек, поскольку его познание поверхностно и неглубоко, вовсе не имеет мужества признать то, что признавали за истину именно эти древние посвящённые. Они говорили себе: „Если мы не видим в мире, который мы созерцаем тут снаружи, только то, что дали нам наши боги — ибо то, что они здесь созерцали, было дано им их богами в начале мирового развития, — то этот мир в таком случае небожественный. Значит, в окружающем мире мы имеем мир, который вовсе не происходит от богов, с которыми мы общаемся в мистериях”.

Это было то, что в особой форме пренебрежения к природе и аскезы продолжало жить в средние века и что до новейшего времени живёт в определённых верованиях, хоть в иных верованиях и живёт довольно ханжески. Это то, что человек, исходя из древних мистерий, собственно должен был сказать себе: „Когда я созерцаю в своём внутреннем, я могу общаться с богами; но богам вовсе не принадлежит мир, который окружает меня. Этот мир вовсе не создан теми богами, к которым я хочу пробиться, когда позволяю себя посвящать”.

Это вообще было основное сознание, в которое реально вживались всё больше и больше, что внешний мир вовсе не происходит от богов, с которыми знакомились через мистерии и посвя-

щения. Эти боги стремились, по сути дела, совсем к другому миру. В этот мир, к которому его боги вовсе не стремились, человек погрузился через особое событие. Вся идея грехопадения — её всю сейчас можно было бы развить, но сегодня для этого недостаточно времени — исходит из того, что люди узнали: мир, который мы знаем тут как окружающий мир, вовсе не тот, который создавали эти боги.

Но пытались постичь, что же собственно эти боги, с которыми они стремились общаться, хотели сделать с этим миром в противовес тому, не созданному ими миру. Это можно было узнать от них. И они узнали от них, что они (боги) в действительности стремились к рассеиванию, к уничтожению этого мира.

Перед этим фактом действительно стояли посвящённые древних времён. Они стояли перед тем фактом, что боги, к которым они стремились, открывали им в качестве своего намерения, по сути дела, уничтожение этого мира. И в свою очередь они всё-таки знали: когда-нибудь, чтобы человек мог стать свободным, человеческое познание (сознание) должно привязаться именно к этому миру, который боги находят готовым к нисхождению и который, по сути, они хотят уничтожить.

В древних греческих мистериях это воспринималось тогда довольно своеобразно. В древнейших греческих мистериях стремились главным образом к художественному изображению мира — о естественнонаучном восприятии, каким мы имеем его сегодня, в древней Греции ещё не имели никакого понятия — в пластическом искусстве, и главным образом в трагедии, короче, в искусстве стремились к тому, чтобы через человека создать нечто, что хотя и опирается на этот мир, но всё-таки этот мир превосходит. И посвящённые Греции получали представление: мир, в котором ты находишься, мир деревьев, который ты созерцаешь, мир родников, который ты воспринимаешь и так далее — этот мир распылится; но то, что из этого мира ты примысливаешь в своей Венере Милосской, в Зевсе, в Афине, в драме Софокла, это действительно перейдёт из видимого царства в невидимое, толь-

ко мысли останутся словно незавершёнными, витающими, но, когда эта Земля распылится, это выйdet и спасёт продолжение земного мира, которое в противном случае могло бы состоять только в том, что этот земной мир однажды полностью бы исчез.

Греки древнейшего времени, пока искусство исходило ещё из мистерий, даже представляли себе: через искусство мы спасём от гибели тот мир, происходящий от богов, но получивший некое включение, которое сами боги хотели уничтожить. — И то, что тогда знали, привело как раз к тому, чтобы сказать себе следующее. Посмотрите, ведь фундаментальные естественнонаучные факты несомненно были известны посвящённым древних мистерий, что можно доказать также исторически. Пожалуй, сверх этого мы принесли в ходе последних столетий много нового, особенно в XIX столетии, в отношении технических конструкций; но определённые фундаментальные вещи, ещё продолжающие сегодня действовать в технике, были несомненно известны древним посвящённым. Им было известно гораздо больше, чем то обнаруженное, о котором они говорили тем людям, которые не были посвящены. Но себе они сказали следующее: „Если мы просто технически соберём нечто такое, что комбинирует силы природы, так что будем иметь перед собой что-то механистическое, то в самом экстремальном (alierextremsten) случае мы ведь сделаем нечто, что распылится вместе с земным существом, гибели чего желают сами боги”. — Ибо ведь каждый посвящённый знал, что те боги, к которым в созерцании восходили в древних мистериях, с которыми общались в древних мистериях, с которыми, разумеется, даже сегодня ещё можно общаться, что эти боги ничего так сильно не ненавидели, как локомотив или автомобиль! Для них это нечто ужасное. Ибо они, эти боги, говорят: „То, что мы должны были позволить Ариману, чтобы он создал для нас Землю этим механическим способом, делают теперь, кроме того, люди, подражая Ариману; они стремятся добавить к этому кое-что ещё. Уже для уничтожения, по меньшей мере, только трудов Аримана от нас потребуеться огромная работа; од-

нако ко всему этому мы получаем ещё эти паровые машины, эти электрические машины и это оборудование; мы должны это уничтожить сверх того”.

Итак, древние посвящённые сказали себе: „Это вовсе не принесёт пользу, если мы в технических машинах или в техническом химизме просто размножим внешние силы природы, в которых уже ничего духовного не увидишь”. — Посвящённые были убеждены, что так оно и есть, это было их основным убеждением. Поэтому они сказали себе: „От этого мира надо спасти как можно больше”. — Как сказано, в Греции это было так, что спасти хотели через искусство; если мы перейдём дальше на Восток, это произошло так, что люди сказали себе: „Что продвигается только к так называемым законам природы, для истинного развития человечества, собственно говоря, не имеет никакой цели, поскольку это однажды будет развеяно богами; поэтому то, что мы делаем, мы облекаем так, чтобы внутри жило спиритуальное”. — И отсюда возник культ в древнем смысле, не формирование механизмов или некоего химизма, но культовый обряд. В том, что делают, видишь нечто сакральное, нечто, где внутри присутствует спиритуальное, где соучаствует дух. В религиозном культе люди как раз хотели насколько это возможно спасти то, что можно спасти из земной эволюции.

Прежде я это не раз высказывал, приводя один образ: Мы должны снова в отношении нашей голой техники прийти к тому, чтобы и лабораторный стол стал для нас алтарём, чтобы мы совершали некий род божественной службы, работая в физической или химической лаборатории, то есть, чтобы лабораторный стол стал алтарём, чтобы мы туда вносили моральное и спиритуальное. — Прежде я высказывал это так; это, собственно говоря, то же самое, что сегодня я высказываю больше исторически.

Вот так возник религиозный культ, к которому сегодня люди снова возвращаются, потому что они не в состоянии добиться некой активности в отношении духовного. Это удивительно, что сегодня именно интеллигентные люди в большом количестве воз-

вращаются в лоно католической церкви на том простом основании, что они хотят в том, что остаётся от Земли, спастись от того, что через самих богов должно бесследно исчезнуть. Это устремление в католицизм именно образованных людей возникает сегодня среди тех, которые не принимают во внимание современность, просто вовсе даже не обращают на неё внимание. Это состоит в том, что люди хотят выйти из того, что будет уничтожено, и войти в нечто такое, что стремится, как например католические церемонии и культовые обряды, которые основываются на очень древних учреждениях, сформировать по крайней мере то, что здесь остаётся, поскольку у людей отсутствует та активность, благодаря которой может реально обнаружиться нечто новое, нечто, что нам необходимо для будущего. У людей отсутствует внутренняя сила. Она пропала у них уже в пределах нашей технической эпохи.

Только в определённый момент надо бы энергично сказать себе: „Итак, мы находимся в негативном мире техники. Здесь уже не найдёшь импульсы в старом роде. Здесь необходимо продвигаться к моральной фантазии, к интуиции”. — Так следовало бы сказать себе. Те, кто проходят мимо этой неизбежности эпохи, возвращаются сейчас к католицизму. Эти вещи вполне объяснимы из слабости эпохи.

И отсюда, поскольку так произошло и поскольку у древних посвящённых это было неким познанием, спрашивается: „Да, и что же теперь будет? Значит боги, о которых мы знаем, с которыми мы общались через мистерии, все эти боги хотят уничтожения Земли. Но люди, если они хотят быть свободными людьми, становятся всё более подобны именно тем, которые существуют на Земле; ибо только благодаря тому, что возникло техническое познание, люди могут стать свободными”. — Так древние посвящённые, когда они могли обзреть только одно это, должны были находиться перед ужасными, пророчески открывающимися перед ними фактами будущего: люди должны, чтобы действительно стать людьми, всецело втянуться в ариманический мир безбо-

жия, и они должны исчезнуть с Землёй, если боги растворят эту Землю. Ибо люди сами постепенно превращаются в механизмы; они всё больше становятся подобны машинам. В своих мыслях они становятся такими, что в этих мыслях действуют только лишь технические импульсы. Астрономия является, по сути дела, ничем иным, как мышлением о великом мировом механизме. Итак, в человеке не существует ничего, кроме мышления о машине; так как, в конце концов, это безразлично, думаешь ли о болтах и колёсах или думаешь о Венере и Меркурии таким же образом, каким должен конструировать чисто технически.

Итак эти посвященные должны были стоять перед ужасным фактом будущего. И им было совершенно ясно: таким образом, их древние боги хотят гибели, поскольку они должны хотеть гибели ариманического, и поскольку дела в настоящее время обсто- яли так, они не могли спасти людей.

Другим, что в свою очередь всё-таки было пророчески проти- вопоставлено в этих древних мистериях, было именно пророче- ство о Мистерии Голгофы, прежде чем она произошла на Земле. После того как она произошла, всё больше и больше могли как- ким-либо способом приходить к её пониманию. Это было именно то, что узнавали в мистериях древние посвященные от богов, с которыми они общались. Боги знали всё; через них они могли достигать всеобъемлющей мудрости. Но одного они никогда не могли узнать от богов: обстоятельств, относящихся к рождению и смерти человека. Особенно о смерти как таковой эти боги ни- чего не знали. Но одновременно в этих древних мистериях знали, что один из богов должен отправиться вниз, тот, кого позже назвали Христом, и что он должен познать смерть на Земле. Так что Мистерия Голгофы заключается в том, что один из бо- гов, который прежде не знал смерти, а вместе с тем и рождения и обстоятельств наследования, узнает эту смерть и благодаря тому, что он узнает её, он соединится с земной эволюцией и сможет создать противовес тому, что должно было с необходимостью произойти благодаря развитию к свободе: становление человека

всё более и более родственным распыляющейся Земле. Человек, с одной стороны, действительно предаётся теперь современному познанию, действительно воспринимает современные естественнаучные познания, но, с другой стороны, тем, что он обращается к Христу, который был тем одним из богов, который узнал смерть, а вместе с тем и рождение, человек в себе самом образует противоположный полюс.

Поэтому, с одной стороны, полностью могли склоняться к тому, что необходимо для свободы, но, с другой стороны, вынуждены были, я бы сказал, положить на чашу весов другую область — найти путь к словам Павла „Не я, но Христос во мне”. — Тогда, пронизывая мир Христом, человек снова найдёт возможность из своей души преобразовать то, что иначе отпало бы от этого божественного мира, к которому собственно принадлежит человек.

И таким образом Христос противопоставляется ариманическим силам, которые в действительности обычно действуют на Земле в том, что отпадает. Благодаря внеземному намерению богов Христос был противопоставлен, чтобы действовать теперь на Земле. Ему не нужно становиться свободным — он Бог, это остаётся, даже когда он прошёл через смерть. Он не становится подобен Земле. Внутри земного существа он живёт как Бог. И следствием этого является теперь то, что человек имеет возможность положить с одной стороны на чашу весов сколько сможет свободы и в таком случае действительно дойти до крайних последствий (Konsequenzen) индивидуализма, ибо только в индивидуальном человеке находятся моральные фантазии. Именно поэтому мою «Философию свободы» называют в самом радикальном смысле философией индивидуализма. Она и должна быть такой, потому что она является самой христианской философией из философий. Отсюда, стало быть, на одну сторону необходимо положить то, что выступает в максимальной полноте чувств, что является внешним познанием природы, в которое входишь только духовным, поднимаясь к чистому свободному

мышлению. Его ещё можно спасти в пределах чисто технического познания. Но на другую чашу весов должно быть положено то, что является истинным познанием Христа, истинным познанием Мистерии Голгофы.

Отсюда было вполне само собой разумеющимся, что, с одной стороны, я стремился, насколько это возможно, писать «Философию свободы» просто и очень естественно, потому что нельзя сделать хорошо всё сразу при первом подъёме. Но, с другой стороны, именно на Мистирию Голгофы необходимо было указать через мою «Мистику в начале духовной жизни нового времени и её отношение к современному мировоззрению» и через мою «Христианство как мистический факт». Эти две вещи просто составляют одно целое. Но те люди, которые теперь поверхностно находят в этом противоречие, считают, что я собственно действую так, как когда имеют на одной чаше весов мясо, а на другой чаше весов гири и теперь говорят: „Что за вздор! Это составляет одно целое; короче, всё должно быть перемешано”. — И вот они убирают гири и добавляют их к мясу. Да, тут конечно нет никакого равновесия. Так это делают современные критики. Они по одну сторону кладут мистику, по другую сторону философию и таким образом обстреливают то, что в мистике, затем что в философии или наоборот. Они, разумеется, находят, что мир ведёт себя ужасно; но это ведь действительно существует за исключением всего того, что требуется для современности, для которой это было совершенно необходимо. И именно это необходимо, если современная душа хочет правильно встроить себя в мировое развитие, чтобы в ней жил, с одной стороны, сильный импульс свободы, а с другой стороны, жил в ней сильный импульс к внутреннему переживанию Мистерии Голгофы.

Но постепенно это должно развиваться как в отдельной человеческой жизни, так и во всём научном. В отдельной человеческой жизни человек должен когда-нибудь прийти к тому, чтобы преодолеть древний инстинктивный род мистического и ясновидческого и полностью стать на точку зрения такого познания, какое

мы имеем, когда, скажем, постигаем паровую машину. В моей «Философии свободы» я предполагал только такие идеи для внешнего познания природы, какие необходимы, чтобы постигать также и паровую машину. Но, чтобы постичь паровую машину, необходимо, правда, отказаться от всего своего человека, но в данное время — не последним является чистое мышление. Его всё-таки ещё необходимо сформировать в человеке и потом выносить. Но это одновременно является тем, что живёт в объектах.

Итак, с одной стороны, можно всецело стоять на почве свободы, но, с другой стороны, необходимо стоять на почве факта Христа. Но и это должно войти в науку. И это должно войти в науку так, чтобы сказать себе: „Существует внешняя природа. По-моему, я описываю её настолько по Геккелю, насколько это возможно. Но тут возникают остатки. Тут возникают остатки, которые с этими идеями никак не понять”. — Простите, если я выражаюсь не очень ясно, но ведь мы серьёзные люди, желающие сообщать что-то понять — и не во время чая между завтраком и обедом. Итак, я хотел бы сказать: необходимо, чтобы две вещи, которые таились там, вошли в нашу цивилизацию правильно. Так в древние времена — причём, тогда через своё инстинктивное ясновидение осознавали привязку человека к спиритуальному внешнему миру — был образован святой ореол. В эти древнейшие времена он был образован совершенно особенно; он просто выступал в самых разных формах, даже во время культа. Но когда из средних веков в чувствах пробудился первый материализм, здесь уж совсем особенно изображалось нечто иное — беременная женщина. Только посмотрите на многие картины средневековья: все женщины на этих картинах беременны. С одной стороны, вы имеете то, что спасает через смерть и что выражается в высочайшем благовещении духовного мира в венце и, с другой стороны, то, что всё снова вносит человека в физический мир — рождение.

Все эти вещи связаны с внутренней духовной движущей силой развития людей. Душа всегда живёт в том, чем являются внут-

ренние движущие силы. Так существует связь между душевным переживанием и мировым развитием даже относительно самых интимных фактов, и наука тоже должна будет приспособливаться и должна будет сказать себе: насколько возможно я познаю мир по Геккелю, но остаются две вещи — рождение и смерть. Их нельзя постичь с помощью идей из химии и механики, то есть из того, что является технически конструируемым. И то и другое являются вратами, которые выводят, и тут надо начинать с некоего другого способа рассмотрения. Пока рассматриваешь свободу, можно оставаться внутри идей, которые в технике изживаются тоже. А когда пишешь «Философию свободы» — так как дети ведь ещё не свободны, здесь в несвободе в них ещё действует божественное — пишешь непосредственно для людей, находящихся в своём среднем возрасте, ибо ведь только тогда собственно и становишься свободным. Когда начинаешь писать другие части, тогда непосредственно приводишься к пониманию, которое человек может иметь в своей душе о смерти. Поэтому древняя мистерия есть переживание смерти, и внутреннее переживание смерти и духовное возрождение является тем, что вы обнаружите в первоначальных главах моих мистических сочинений.

Это нечто такое, что просто проистекает само собой из современного рассмотрения мира, но уже не туманным, но таким образом, который то, что необходимо, действительно стремится постичь насквозь (*durch und durch*). И таким образом необходимо сказать: с тем, что душа переживает в направлении свободы, она имеет в мире границу поближе к ариманическому. С тем, что она переживает в направлении религиозного, даже если это ведёт к Мистерии Голгофы, она очень близко подступает к люциферическому. И тогда, когда она образует одни только религиозные эгоистические инстинкты, как это в настоящее время довольно легко случается даже при религиозных стремлениях, она также очень легко впадает в люциферические наклонности и инстинкты.

Это необходимо принимать во внимание для душевного, исходя из непосредственной современности, а также то, чему учил

Христос своих близких учеников непосредственно после своего воскресения. Эти близкие ученики, которые были продолжателями древнего мистериального посвящения, должны были учить, что он спустился из мира тех богов, которые ещё не знали смерти и поэтому ничего не могли сказать человеку в первоначальный период Земли о смерти; и что Христос спустился, чтобы испытать тайну рождения и смерти. И учения Христа о смерти и рождении остались такими неясными, поскольку люди не нашли путь для объяснения этих вещей. Но сам Христос после своего воскресения несомненно сообщил своим первым посвящённым ученикам эту тайну об учении познания земной смерти через бога в христианских первоначальных мистериях, чей подлинный смысл исчез уже в IV столетии после Р.Х., поскольку сначала следовало сформировать чувство свободы. Но это, разумеется, произошло, после того как древними богами была сообщена людям первоначальная мудрость, которая затем всё дальше и дальше передавалась более поздним поколениям и всё больше и больше выхолащивалась. То, что тогда сообщил Христос после своего воскресения своим интимным ученикам, было самым подлинным первоначальным откровением в земной жизни, это было то, что как фундамент, как духовный фундамент должна нести дальше жизнь души. Ибо, по сути дела, то, чему древние боги учили человека, когда они восходили в древних мистериях, были тайны Сатурна, Солнца и Луны; подлинную земную тайну — ибо только на Земле выступили рождение и смерть в человеческом смысле, прежде имела место только метаморфоза, превращение — должен был испытать бог только через Мистерию Голгофы на самой Земле, чтобы передать это в жизнь человеческой души.

Так что благодаря этому самому фундаментальному откровению был, кроме того, создан после смерти Христа фундамент, который человеческая душа должна была воспринять в себя, чтобы на этом фундаменте осуществить спасение земной жизни.

Так, сверх того, души людей связаны с эволюцией Земли, вообще с эволюцией мира; так связаны они благодаря другим фак-

там, как я это изложил вам в эти дни; так они связаны, при правильном восприятии импульса Мистерии Голгофы. Это и хотел я привести вам в этих докладах.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ
ДУХОВНЫЕ СТРЕМЛЕНИЯ
В СВЯЗИ С ЗЕМНЫМ
РАЗВИТИЕМ

Шестой доклад

Дорнах, пятница, 26 мая 1922 года

Здесь не раз уже разъяснялось, как идёт развитие человека в первый период его жизни. Много лет тому назад я уже обращал внимание на то, что человек примерно до смены детских зубов ведёт себя, так сказать, как подражающее существо. Всё происходящее в его окружении переживается им сильно, до известной степени инстинктивно, тогда как в более позднем возрасте происходящее во внешнем мире переживается только в органах чувств, но без осознания этого человеком.

Например, в нашем глазу на самом деле мы имеем некий процесс, копирующий определённым образом происходящее снаружи так же, как и в фотографической камере копируется то, что находится перед камерой. Человек переживает в таком случае то, что копируется тут в его глазу, и благодаря этому получает сведение о внешнем мире. Точно так же это происходит и с другими органами чувств. То, что этот принцип копирования до известной степени локализован на периферии человеческого существа, имеет место только в более позднем возрасте. В детском возрасте до смены зубов в этом копировании, хоть и в малой степени, участвует однако всё тело. Всё тело существует в определённом отношении в такой связи с внешним миром, как обычно чувства. Человек, так сказать, является копирующим существом. Когда он снаружи копирует внешний вид, то внутри он направляется так, как этот внешний вид внутренне действует на него. Поэтому важно, чтобы в окружении ребёнка в этом возрасте мы не позволяли происходить ничему, что ребёнок не может воспринять и усвоить, вплоть до мыслей и проявления чувств.

Затем со сменой зубов у ребёнка появляется возможность вести себя не как орган чувств, но воспринимать то, что соответ-

ствуется представлению. Ребёнок начинает — и это развивается потом всё больше и больше — то, что ему говорят, принимать за путеводную нить. Раньше за путеводную нить он принимал всё то, что происходило в его окружении, затем он приходит к восприятию того, что ему говорят. Поэтому между сменой зубов и половым созреванием крайне важным для ребёнка становится авторитет. Ребёнок должен само собой разумеется уметь следовать тому, что ему говорят, уметь направлять себя на это. Саму речь ребёнок учит ещё посредством подражания; но то, что можно выразить в речи, что, следовательно, взрослый может сообщить ребёнку с помощью речи, это становится решающим для ребёнка только после смены зубов. И собственная способность суждения, период, когда ребёнок — юноша или девушка, как теперь, пожалуй, говорят — начинает ценить собственную силу суждения, начинается вместе с половым созреванием. Только тогда следует предполагать, что ребёнок начинает образовывать суждение, исходя из собственной души.

Итак, этим дело охарактеризовано прежде всего внешне, охарактеризовано через, я бы сказал, вращение ребёнка в мир, — то, что ведь всегда можно осознать через непосредственное восприятие. Однако всё это связано с довольно примечательными внутренними процессами, и об этих внутренних процессах я хотел бы сегодня говорить. До сих пор я всегда обращал внимание на то, как эфирное тело человека живёт в интимной связи с физическим телом до той поры, когда начинается как раз смена зубов. Поэтому я говорил, что смену зубов мы можем также называть рождением собственного эфирного тела человека. Соответственно при половом созревании мы можем говорить о рождении собственного астрального тела. Но этим, как сказано, процессы охарактеризованы только внешне, а сегодня мы придём к несколько более внутренней характеристике.

Когда мы рассматриваем человека, задолго до того, как он развивает склонность спуститься из духовного мира к физическому воплощению, мы видим его как духовно-душевное суще-

ство в духовно-душевном мире. Ведь все мы были такими, прежде чем спустились, чтобы соединиться с тем, что было подготовлено в материнском организме в качестве физического тела. Затем мы связываем себя с этим физическим телом, чтобы осуществить эпоху нашего бытия на Земле между рождением и смертью. Итак, долгое время до этого, сказал я, мы были духовно-душевными существами в духовно-душевном мире. То, чем мы там являемся и даже то, что мы там переживаем, довольно значительно отличается теперь от того, что мы переживаем здесь на Земле между рождением и смертью. Поэтому так трудно представить себе переживания между смертью и новым рождением, поскольку они, в конце концов, очень отличаются от земных условий, а человек образует свои представления по земным переживаниям и вынужден всегда прибегать к помощи таких представлений. Только пока мы будем меньше вдаваться в то — к этому мы подойдём завтра и послезавтра, — как человек существует в самом духовно-душевном мире, но внимательно рассмотрим теперь, как он подходит к своему нисхождению на Землю, чтобы затем пропитать себя физическим телом.

Вначале, прежде чем человек вступает в своё физическое тело, в эмбриональное, в зародышевое своего физического тела, происходит так, что он привлекает к себе силы эфирного мира. Здесь на Земле мы живём в физическом мире, это происходит в том мире, который охарактеризован через всё то, что мы видим благодаря нашим органам чувств и постигаем благодаря нашему земному рассудку. Но в этом мире нет ничего, что не пронизано эфирным миром. Этот физический мир, который мы видим, который мы слышим и так далее, повсеместно пронизан эфирным миром. В этот эфирный мир человек вжился раньше, чем в физический мир. Прежде чем он получил склонность связать себя через эмбрион с физическим миром, он привлекает силы эфирного мира. И он, привлекая силы из эфирного мира, образует своё эфирное тело.

Чтобы воспринять точнее это представление, изобразим его схематически на доске. Допустим, что через эту фигуру (см. рис. ниже, фиолетовое) я хочу охарактеризовать то духовно-душевное, которое подходит тут из духовного мира. Только это выполнено, конечно, очень схематично. То, что человек вначале вовле-

синее ■■■■■ blau ■■■■■ violett фиолетовое
 оранжевое /// orange ■■■■■ gelb жёлтое

кает в себя, становится его эфирным телом. То есть, нисходя из духовного мира, он до известной степени облачается своим эфирным телом (заштриховано оранжевым). Но тем, что сказано «человек облачается своим эфирным телом», сказано не много; тут уже надо немножко войти в свойство этого эфирного тела. Это эфирное тело, которое подготавливается тут в человеке, для себя является до некоторой степени миром. Разумеется, можно сказать, является для себя миром в образах. Дело обстоит так, что это эфирное тело обнаруживает, например, в своём окружении звёздное (желтые звёзды), и что оно в своей нижней части обнаруживает нечто, что более или менее выделяется как отоб-

Как сказано, это бледнеет уже во время эмбрионального периода, а затем всё больше, но существует ещё отчётливо. Однако со сменой зубов это начинает совсем бледнеть, но зато посылает внутрь лучащееся (красное). Я хотел бы сказать, что звёзды растворяются в человеческом эфирном теле, они становятся лучами, имеющими тенденцию собираться во внутреннем.

Это всё происходит медленно и постепенно во время всего периода жизни от смены зубов до полового созревания. При половом созревании это продвигается так далеко, что эти лучи, когда они здесь слиты, формируют внутри некий род собственного творения, эфирный образ (красное). Можно сказать: то, что было окружающими звёздами, становится совершенно бледным, сначала лучится внутрь, затем позже это прекращается. Эти лучи тоже становятся бледными. Зато то, что определённым образом сконцентрировалось тут в середине, становится особенно живым. И в том, что сконцентрировалось тут в середине, внутри этого в период, когда наступает также половое созревание, продолжается (hängt) физическое сердце. Итак, это происходит в том месте человеческого организма, где висит (darinnenhängt) физическое сердце с сосудами (синее).

Итак, происходит то особенное, что эфирное тело-судьба (звёздное эфирное тело) втягивается внутрь. Конечно, для всего человека оно продолжает оставаться в качестве эфирного тела. Только тут в таком случае оно существует во внешнем пространстве, следовательно на периферии человека, позже оно здесь является недифференцированным, распознать в нём можно не много. Но во время периода от смены зубов до полового созревания оно является очень сильно излучающим извне внутрь.

И это в таком случае концентрируется, и затем тут внутри отчётливо висит физическое сердце. Вы можете усомниться, что человек до этого тоже имеет эфирное сердце; он его уже имеет; но он получает его иначе, чем то, что становится потом эфирным сердцем. Ибо эфирным сердцем становится на самом деле то, что сконцентрировалось тут с полового созревания. До тех пор он

тоже имеет, как сказано, эфирное сердце, но получил он его как наследие, он получил его посредством сил, существующих в эмбрионе. То есть, если человек имеет своё эфирное тело, и со своим эфирным телом отправляется (*begibt sich*) в направлении физического организма, то и некий род эфирного сердца, который до некоторой степени исполняет функции эфирного сердца, стягивается благодаря силам физического тела. Однако это эфирное сердце, которое человек имеет в своём детском возрасте, оно — это выражение несколько неблагоприятно, но оно точно выражает то, о чём идёт речь — оно постепенно загнивает и на его место садится, словно сразу замещая то, что тут эфирно загнивая выпадает, то эфирное сердце, которое является неким ступенем всей мировой сферы; оно действительно есть образ космоса и мы несём его с собой как эфирное творение, когда вступаем в земное бытие через зачатие или рождение.

Итак, можно действительно проследить отчётливое изменение всего эфирного строения тела, которое человек несёт в себе в период от рождения или уже от зачатия до полового созревания. Можно сказать: собственно только с половым созреванием у человека существует собственное, выделенное из своего эфирного тела, а не временно образованное внешними силами, эфирное сердце.

И все эфирные силы, которые деятельны в человеке вплоть до полового созревания, имеют тенденцию к тому, чтобы дать ему такое свежее эфирное сердце. Это действительно нечто такое, что относительно эфирного может сравниться со сменой зубов. Не правда ли, при смене зубов унаследованные зубы выталкиваются и другие зубы, являющиеся уже нашими собственными, заменяют их. И так же унаследованное эфирное сердце, которое мы имеем до полового созревания, выталкивается, и мы получаем своё собственное эфирное сердце. Это существенно, что мы получаем тогда наше собственное эфирное сердце.

Но параллельно с этим происходит нечто другое, что совершается в человеке. Рассматривая человека таким, каким он вступил

в физический мир, то есть, рассматривая совсем маленького ребёнка, мы обнаруживаем, что в его астральном теле можно различить чрезвычайно много отдельных органов. Человек, как я только что разъяснил, составляет себе эфирное тело, являющееся отображением внешнего мира. Но в своём астральном теле он несёт с собой отображение того, что он пережил между последней смертью и этим рождением. В этом астральном теле ребёнка видно исключительно много. Сюда вписаны великие тайны. Здесь действительно видно многое из того, что было пережито между последней смертью и этим рождением. Это астральное тело чрезвычайно дифференцировано и индивидуально. И особенность такова, что сильно дифференцированное астральное тело становится всё менее дифференцированным параллельно с тем, что я описал для эфирного тела. Изначально оно является образованием, о котором, если рассматривают это разумно, говорят: Это образование из другого мира, оно вошло из мира, который не существует ни в физическом мире, ни в мире эфира. Но всё то, что живёт тут в астральном теле в виде чрезвычайно многих отдельных образований, до полового созревания в некоторой степени ускользает в физические органы, и именно только в те органы, которые, пусть я выражусь приблизительно, — это не совсем точно — располагаются до диафрагмы. Удивительные образования, которые сияя существуют в первые дни жизни в астральном теле, постепенно ускользают в организацию головного мозга, а также наполняют органы чувств. Кроме того, другие ускользают в органы дыхания, остальные в сердце и через сердце в артерии. Они не прямо ускользают в желудок, но распространяются далее в органы нижней части живота исключительно через артерии. Но постепенно видишь, как всё астральное тело, которое человек также вносит через рождение в физическое бытие, до известной степени погружается в органы. Оно ускользает в органы. Так что, если хотят это высказать в некотором смысле, вполне подлинном смысле, и, несомненно, тоже выявляющим реальность — однако это, конечно, парадоксально отличается от

представлений, которые сегодня обычно создаются в мире, — то можно сказать: Когда мы выросли, наши органы заперли в себе отдельные образования нашего астрального тела. Это интимное знание человеческих органов, которое только и можно понять, если понимаешь астральное человека, которое он приносит с собой. Необходимо знать, что каждый отдельный орган, как и эфирное сердце вначале тоже является переданным по наследству, несёт определённым образом астральное как доставшееся по наследству, чтобы однако это переданное по наследству астральное постепенно полностью заменилось тем, что человек сам приносит с собой как своё астральное тело и что часть за частью погружает в физические и эфирные органы. Сердце в определённой мере образует исключение. Сюда тоже погружается астральное. В сердце концентрируется эфирное свершение точно так же, как и астральное свершение. Поэтому, стало быть, сердце — это совершенно особый важный орган для человека.

Итак, астральное тело становится всё неопределённое и неопределённое, так как оно посылает вниз в физические органы свои конкретные образования, которые через рождение принесло с собой на Землю из другой жизни, так что они заперты там внутри. Вследствие этого астральное тело всегда становится только более или менее туманным облаком.

Но теперь интересным является вот что: с этой стороны астральное тело становится туманным облаком, но вначале медленно, а с момента половой зрелости уже с полной регулярностью всё больше и больше наступает другое расчленение.

Когда ребёнок дрыгает своими ножками, то от этого дрыганья исключительно мало замечаешь в астральном теле. Действие этого уже существует в астральном теле, но то, что астральное тело принесло с собой расчленённым, настолько сильно, что дело собственно обстоит так: я рисую здесь астральное тело, внутри существуют удивительные образования. Это подразумевается только схематически, но всё-таки заимствовано из действительности. Эти образования постепенно исчезают, они ускользают

вниз в физические органы. Астральное тело всё больше и больше становится неким туманным облаком. Но, как сказано, когда ребёнок только барахтается, уже происходит так, что от движений барахтанья также нечто поднимается в астральное тело, но

////// **gelb** // // // **rot**
жёлтое красное

наталкивается на то, что тут уже присутствует, снова отражается назад (красное) и опять исчезает. Происходит так, как если вы делаете вмятину в эластичном мяче; он тотчас вновь выравнивается. Эти движения барахтанья ребёнка, пусть даже очень сильные, пожалуй, сделают вмятину в его астральном теле, но она не останется. Итак, в той же мере, в какой ребёнок учится говорить и развивает такие представления, которые остаются в воспоминании, то есть в той мере, в какой ребёнок учится говорить и образовывать воспоминания, в той же мере всё больше и больше видишь, что фактически это уже не отражается, но что в астральном теле остаются движения, которые ребёнок совершает, теперь уже не как движения барахтанья, но как разумные движения, как расхаживание и так далее, даже движения рук и тому

подобное. Да, в это астральное тело может быть вписано исключительно много.

Если вам сорок пять лет, то почти все движения в отпечатках вписаны в астральное тело и даже ещё многое другое, как мы сейчас увидим. Астральное тело могло много воспринять из того, что происходило тут во время обучения речи и мышлению и с того времени оно растворяло свою собственную конфигурацию. Так что удивительные образования, представляющие собой астральное тело ребёнка, постепенно становятся недифференцированными, потому что всё это постепенно исчезает в органах. Астральное тело становится недифференцированным образованием, конечно не полностью, но относительно недифференцированным. В это недифференцированное образование теперь вписывается всё то, что мы осуществляем в движениях рук и ног. Но вписывается также и то, что мы совершаем посредством рук и

/// gelb " " " " rot
жёлтое красное

ног: когда, например, водим пером, вписывается всё, что мы осуществили здесь во внешнем мире. Когда мы колем дрова, когда даём кому-то пощёчину, всё это вписывается. Даже если мы

что-либо делаем не сами, а поручаем слуге и он потом это осуществляет, то это тоже вписывается через отношение содержания наших слов к тому, что сделал слуга. Короче, теперь в это астральное тело вписывается (красное в жёлтом) вся деятельность человека, которая проявляется во внешнем мире. Так, стало быть, астральное тело принимает самые разные конфигурации в зависимости от того, как человек действует.

Это начинается, когда ребёнок учится говорить, когда ребёнок учится воплощать мысли в речь. Это не касается представлений, которые ребёнок воспринимает, но о которых позже он уже не помнит, происходит это только с того времени, до которого позже обычным сознанием возвращаешься в воспоминании. Но в этом случае всё, что человек совершает, тут, так сказать, записывается.

Кроме того, есть та особенность, что всё, что сюда вписывается, имеет тенденцию собираться здесь во внутреннем подобно тому, как и лучи эфирного тела встречаются в эфирном сердце.

////// gelb """" rot
жёлтое красное

И здесь собираются все человеческие действия. И то, что собирается, имеет, по сути дела, теперь также некий род внешнего побуждения. Мы должны просто вследствие того, что являемся людьми, с детства вступать в определённую деятельность. Эта деятельность проявляется так, как я только что указал, — насквозь через всё астральное тело. Но на другой стороне существует непрерывное сопротивление. Воздействия, оказываемые здесь на организм, не всегда, я бы сказал, могут развиваться сюда вверх (вверх на рисунке). Тут повсюду существует противодействие; они отталкиваются книзу. Совершаемое нами таким образом, когда мы удерживаемся в физических органах, устремляется в голову; но человеческая организация не позволяет подниматься туда, останавливает это. И благодаря этому определённым образом это и накапливается здесь (красное) и образует здесь тоже некий род астрального центра. Так что мы имеем — и снова в период полового созревания, здесь это очень отчётливо сформировано — на том же месте, где образовалось это эфирное сердце, являющееся теперь нашим собственным, также астральное образование, которое централизует весь образ нашего действия. И благодаря тому, что это происходит со времени полового созревания, благодаря этому создан центральный орган, в котором централизуется весь образ нашего действия, вся наша человеческая деятельность. Происходит так, что в той же области, где человек имеет сердце, централизуется не физически, не эфирно, но астрально вся его деятельность. И важно то, что в то время, когда наступает половое созревание — астральные события конечно совпадают не полностью, но только приблизительно с физическими событиями, — это эфирное сердце настолько подготовлено, что оно может воспринимать силы, которые развиваются здесь из функционирования внешнего мира. То есть можно сказать, и этим несомненно постигаешь истинное событие во внутреннем человека: „С половым созреванием на кружном пути через астральное тело вся человеческая деятельность включается в эфирное

сердце, в тот орган, который возник из отображений звёзд, из отображений космоса”. Всё это включается здесь.

Это чрезвычайно значительное явление, ибо когда вы рассматриваете всё это, тогда вы получаете слияние с космическим того, что человек совершает в мире. В сердце, поскольку вы принимаете во внимание эфирный мир, вы имеете стянутый космос; но одновременно также, поскольку принимаете во внимание астральный мир, слияние того, что совершает человек. Здесь соединяются вместе космос со своим событием и карма человека. Такая интимная корреспонденция астрального тела и эфирного тела со всем человеческим организмом существует только в области сердца. Тут фактически происходит так, что весь мир, отображение которого через рождение человек внёс в своём эфирном теле, что весь этот мир, который существует здесь как в некоем экстракте, воспринимает в себя всё совершаемое человеком и пронизывается этим. И теперь через это слияние, через это соединение есть возможность, чтобы человеческое поведение во время всей человеческой жизни постоянно включалось в этот экстракт отображения космоса.

Когда человек проходит потом через врата смерти, тогда в этом эфирно-астральном образовании, в котором, я бы сказал, плавают сердце, существует всё то, что человек, оставив физическое тело и то эфирное образование, берёт с собой в свою дальнейшую духовно-душевную жизнь. И теперь становясь духовно всё больше и больше, он может — поскольку ведь субстанция всего космоса присутствует внутри, только это стянуто в сердце в эфирном теле — передать всю свою карму космосу. То, что пришло из космоса и стало эфирным образованием, что сконцентрировалось в сердце и стало экстрактом, снова устремляется в космос. Человек простирается в целом космосе и затем принимается в душевный мир и переживает то, что я описал в своей «Теософии» как прохождение через душевный мир и через страну духа. Но фактически происходит так, что при рассмотрении человеческой организации в её становлении мы можем сказать:

„В области сердца имеет место слияние космического с земным, и именно так, что космическое приносится в эфирное в своей космической конфигурации и там готовится принять наши поступки — всё, что мы совершили”. И с тем, что образовалось тут через интимное пронизание эфирного человеческим поведением, мы выходим и, пройдя через врата смерти, снова вступаем в новое космическое бытие.

Этим действительно описываешь во всём конкретном формировании способ, каким человек вживается в своё физическое тело и как он снова может вытянуть себя из этого физического тела, поскольку его поступки дают ему силу удерживать то, что он сформировал из космоса только как экстракт.

Физическое тело ведь формируется внутри физически-земного мира через силы наследования, то есть через силы эмбрионального формирования, формирования зародыша. С ними соединяется то, что человек приносит из духовного мира, после того как он прежде всего привлёк своё эфирное тело. С одной стороны, человек соединяется с эфирным телом. В астральном, которое он принёс с собой как некое удивительное образование, теперь же здесь внутри живёт его «Я», которое прошло через многие земные жизни и вообще имеет позади себя некое развитие. И это «Я» живёт в определённом соединении симпатии — используя это слово, я указываю снова на нечто реальное — со всем тем, что тут существует в астральном теле как образования. И в то время как эти образования ускользают в органы физического тела, как я описал это, «Я» сохраняет симпатию и развивает также эту внутреннюю симпатию к органам, и всё больше и больше распространяется в органах и овладевает ими. Конечно, «Я» уже и прежде, начиная с детского возраста, существует в определённом отношении к органам. Но здесь присутствуют именно эти унаследованные отношения, о которых я говорил раньше, здесь существует отношение «Я» к внешнему. Однако «Я» постепенно уже со своим астральным телом ускользает в органы физического тела, и в то время как оно туда ускользает,

происходит следующее: тогда как прежде «Я» существовало у ребёнка вдоль тока крови, я бы сказал, снаружи, теперь внутри оно всё сильнее соединяется с кровообращением, пока в полном смысле не наступило половое созревание. И в то время как вокруг эфирного, вокруг физического сердца вы имеете здесь астральное образование, в то время как здесь, стало быть, вы имеете астральное образование (см. рис. на с. 113, оранжевое), «Я» проходит другой путь: оно ускользает, скажем, в органы лёгкого; с кровеносными сосудами, выходящими из лёгкого к сердцу — «Я» всё больше приближается к сердцу. Глубоко связав себя с кровообращением, «Я» всё больше и больше следует путём этого кровообращения. Так что снова на круговом пути через эти силы «Я», текущие с кровообращением, «Я» вмешивается в то, что образовано из слияния эфирного и астрального сердца, причём эфирное из космоса вообще сливается с астральным из нас самих. До этого я сказал: Это астральное тело мало-помалу сохраняет чрезвычайно многое, так как все поступки вписываются в него. И в то время как «Я» симпатизирует всему тому, что делает астральное тело, вписываются также намерения и идеи, исходя из которых, человек совершает свои поступки. Так что фактически здесь имеет место полное слияние кармы с закономерностями космоса.

Обо всём, что происходит тут внутри в человеке, когда существуют такие отношения, сегодня собственно известно, хотелось бы применить сильное выражение — «очень мало» («herzlich wenig»); ибо всё то, что не известно, относится к сердцу. Сегодня об этом известно «очень мало». Известно то, что происходит в физическом мире, и это рассматривается по законам природы; и известно то, что человек совершает морально, и это рассматривается по моральным законам. Но всё происходящее в человеческой жизни морально и, с другой стороны, происходящее физически, собирается как раз в человеческом сердце; так что эти две вещи, так независимо протекающие сегодня в человеке рядом друг с другом, моральное событие и физическое

событие, обнаруживаешь в их слиянии, когда реально учишься понимать общую конфигурацию человеческого сердца, то есть, когда учишься понимать, что происходит тут в этом сердце, конечно, гораздо более скрытно, чем это открыто совершается при смене зубов. Мы наследуем зубы, а потом образуем зубы, исходя из нашего организма. Первые выпадают, вторые остаются в нас. Первые должны иметь определённую тенденцию к разрушению, они не могли бы сохраняться сами по себе, если бы не выпали. Остающиеся зубы разрушаются преимущественно через внешние условия, к чему принадлежат естественно и внешние условия в самом организме. Невидимо с половым созреванием наше эфирное сердце предаётся распаду, и мы получаем некий род постоянного сердца, род эфирного сердца. Однако этому постоянному эфирному сердцу уже всецело свойственно полностью воспринимать нашу деятельность. Поэтому в действительности — это нечто совсем иное, умирает ли человек до половой зрелости или уже после половой зрелости. Когда человек умирает до половой зрелости, тогда в нём существует только тенденция кармически передавать по наследству то, что он совершил здесь на Земле. Отдельное, даже если ребёнок умер до половой зрелости, может включаться в карму, но это всегда нечто смутное и зыбкое. Настоящие образы кармы возникают именно с того момента, когда астральное сердце полностью захвачено эфирным сердцем, когда они соединяются вместе. Но организм образования кармы, если я могу так сказать, так и возникает. Ибо со смертью то, что сконцентрировано в человеке, что соединилось здесь, становится всё более космическим и потом позже, исходя из космоса, при последующей земной жизни снова включается в человека, так что всё совершаемое нами входит не только в нас самих. Но происходит так, что в нас включается нечто, что приходит из космоса и сохраняет, кроме того, тенденцию передавать после смерти наши поступки космосу, из которого и обнаруживаются действующие кармические законы для формирования нашей кар-

мы, так что то, что космос делает из наших поступков, мы вносим потом в его воздействию снова в земную жизнь во время начала следующей земной жизни.

Седьмой доклад

Дорнах, суббота, 27 мая 1922 года

Сегодня я хочу указать на способ, каким в различные эпохи люди приходили к тому, чтобы добывать познания, подобные изложенным здесь вчера относительно развития человеческого эфирного тела и человеческого астрального тела. Из описания того, как приходят к таким воззрениям, можно всё-таки несколько прояснить сущность человека, отношение человека к миру и так далее. Абсолютно нет необходимости, чтобы каждый мог до известной степени повторять такие вещи, но из описаний, как они тут или там представляли вам или ещё предстанут, уже получаешь кое-что, вновь бросающее свет на последствия, которые так важны для каждого человека. Способ, каким в очень древние времена люди приходили к своим сверхчувственным познаниям, и способ, каким сегодня получают такие познания, абсолютно отличаются друг от друга. Ведь я часто обращал внимание на то, что в древние времена человечество обладало определённым инстинктивным ясновидением, что потом это ясновидение постепенно через различные промежуточные фазы развилось до созерцания мира, которое сегодня человек должен называть своим собственным, и что из этого общего сознания может затем развиться определённое высшее сознание. Как человек, если он правильно понимает своё время и своё отношение к этому времени, может в настоящее время прийти к высшим познаниям, описано во второй части моего «Очерка тайноведения», в книге «Как достигнуть познания высших миров?» и в других трудах. Но сегодня я хотел бы дать вам с определённой точки зрения одно описание, принимая во внимание именно то, что я привёл здесь вчера.

Если мы возвращаемся в очень древние времена развития человечества и рассматриваем духовные стремления тех времён, то среди прочего мы обнаруживаем духовное устремление, существовавшее на древнем Востоке в той культуре, которая в более поздние времена будет известна как индийская культура, и к которой сегодня возвращаются многие люди, так как они не могут решиться осознать, что каждое время, чтобы проникнуть в сверхчувственные миры, должно идти как раз своим собственным путём.

Однажды я уже отмечал здесь, что отдельные личности из общей массы людей, живших в тот период времени, который в своём «Очерке тайноведения» я назвал древнеиндийским периодом, развивали внутренние силы человеческого существа, способные привести затем в сверхчувственные миры, так, как это соответствовало тому времени. Один из таких путей, который я уже упоминал здесь в другой связи, обозначали как путь философской системы йоги.

Путь йоги можно понять лучше, если вначале взглянуть на остальных людей, на тех, из которых выдвигался йог, то есть тот, кто хотел стать на путь высших познаний. В те древние времена развития человечества всеобщее сознание было совсем иным, чем сегодня. Мы, современные люди, выглядываем в мир, воспринимаем посредством наших чувств, например цвета, воспринимаем звуки и так далее. Мы ищем в этом чувственном мире закономерности, но мы осознаём, что если мы идём дальше, если до определённой степени вживаемся во внешние вещи духовно-душевно, тогда мы творим, исходя из нашей фантазии. Это было иначе в те древние эпохи. Тогда во внешнем мире люди видели, как мы знаем, больше, чем видит сегодня обычный человек. В молнии и в громах, во всех отдельных созвездиях, в существах различных природных царств древние люди видели одновременно духовно-душевное. Они воспринимали духовных существ, пусть даже низшего рода, во всём твёрдом, во всём текучем и воздушном и так далее. Интеллектуальная учёность сегодня го-

ворит: эти древние люди в своё окружение, которое они, грезя, созерцали, вносили именно через свою фантазию всякого рода духовно-душевное. Это называют анимизмом (Animismus).

Теперь человеческую природу и прежде всего человеческую природу тех древних времён знают плохо, если верят, что эти люди придумывали, исходя из своей фантазии, всяких существ, внося их в молнию и гром, в источник и реку, в ветер и грозу. Нет, это не так. Они их видели. Как мы видим красное и синее или слышим «до диез» и «соль», так эти древние люди видели духовно-душевное в вещах внешнего мира. Для них *видеть* это духовно-душевное было так же естественно, как для нас естественно видеть синее и красное. Но с этим было связано нечто другое. С этим было связано то, что люди не имели отчётливого самосознания.

Отчётливое самосознание, которым мы сегодня пронизаны как обычные люди, отсутствовало в те древние времена. До известной степени человек не отличал себя от внешнего мира. Имей моя рука сознание, она бы чувствовала, что она не самостоятельна, что она является только членом моего организма; так чувствовали, пусть и не говорили этого, те древние люди. Они чувствовали себя членами всего универсума. Они своё собственное человеческое существо не очень сильно отделяли от окружения. Такой древний человек идёт, допустим, вдоль реки. Если мы сегодня идём вдоль реки в направлении её течения, то, само собой разумеется, как нынешние разумные люди чувствуем, что мы шагаем своими ногами и движемся вниз, что к реке это не имеет отношения. — Древний человек в общем так не чувствовал. Если он шёл по берегу реки вниз по течению, то он чувствовал — для него это было вполне естественно — духовных существ, которые были связаны с течением реки вниз, чувствовал примерно так, как сегодня чувствует себя пловец, несомый водой, то есть вещественным. Так он чувствовал себя ведомым вниз духовным. Это только первый попавшийся пример. Всё, что человек переживал во внешнем мире, он представлял и ощущал так, что чувствовал се-

бя, можно сказать, несомым и ведомым богами ветра, потока — всего, что существует тут снаружи. Он ощущал в себе элементы природы. Это чувство себя внутри природы у человека пропало. Но зато постепенно он завоевал себе своё сильное чувство самостоятельности, чувство «Я».

Из общей массы людей, которые так чувствовали, выделялся учёный философской системы йогов, йог. Он делал определённые упражнения, и тут я *должен сказать* о тех упражнениях, которые в более позднее время сильно пришли к упадку, которые, пока они были приспособлены к древней природе человека, выступали как нечто доброе, позже они стали применяться, я бы сказал, почти только с вредными целями. Это те упражнения, о которых я уже не раз здесь говорил — дыхательные упражнения йогии. Итак, то, что я сейчас опишу, ценно, так сказать, в качестве законного пути для восхождения в высшие миры только для людей очень древней восточной культуры.

Ведь в обычной жизни дыхание у человека протекает бессознательно. Человек вдыхает, задерживает дыхание, выдыхает, и осознаёт он это дыхание, только когда он не вполне здоров. В обычной жизни чаще всего оно остаётся бессознательным процессом. Однако йог через определённый период тренировки превращал дыхание во внутренне осознанный процесс благодаря тому, что он задерживал дыхание на протяжении всего цикла так, чтобы таким образом изменить весь ритм процесса дыхания. Он дольше вдыхал, дольше задерживал дыхание, выдыхал опять иначе, за другой период, короче, он создавал для себя другой ритм дыхания, нежели обычный. Благодаря этому весь процесс дыхания становился у него сознательным. Он, так сказать, переживал себя в своём дыхании. Чувство, которое он получал сам из себя, постоянно сопровождалось вдохом, распространением дыхания в теле и снова выдохом. Благодаря этому человек всем своим душевным существом втягивался в дыхание.

Если мы осознаем, чего собственно достигали благодаря этому, то сможем сказать: когда мы, например, вдыхаем, дыхание

входит в наш организм, затем оно идёт через канал спинного мозга в головной мозг и там распространяется внутри тех процессов, которые осуществляются в нервном организме и в организме чувств. Следовательно, когда мы мыслим как человек, в качестве инструмента мышления мы никогда не имеем только организм чувств и организм нервов, но процесс дыхания, ритм дыхания непрерывно делает организм чувств и организм нервов ритмичным, пробивает их, течёт насквозь и вздымает волны. Мы не мыслим без того, чтобы этот ритм дыхания ритмично не пронизывал наш нервно-чувственный процесс. Только поэтому у современного нормального человека весь дыхательный процесс остаётся неосознанным, и остаётся естественно неосознанным.

У йога это изменённое дыхание сознательно втягивается в нервно-чувственный процесс. Благодаря этому йог переживал внутренний процесс, который состоял из того, что следовало через нервно-чувственный процесс, и того, что благодаря изменённому ритму дыхания вихрилось и волнами проходило сквозь головной мозг, а также сквозь органы чувств. Но благодаря этому он переживал и душевное своего мышления вплоть до ритма дыхания.

Вследствие этого к такому йогу приближалось нечто весьма особенное. Он определённым образом в весь свой организм излучал мышление, которое обычно едва ощущалось как головной процесс. Он не только мыслил, но он чувствовал, как мысль проходит, я бы сказал, как некий зверёк, через процесс дыхания, который он вызвал в качестве искусственного процесса.

То есть, он чувствовал мышление не только как нечто, логически протекающее и теневое, но он чувствовал, как мышление проходит вместе с процессом дыхания. Когда он вдыхал, он чувствовал, что он вносит нечто из внешнего мира; теперь он процессу дыхания позволял втекать в своё мышление. Тут он своими мыслями определённым образом захватывал то, что впитал с вдыхаемым воздухом и теперь распространяет через весь организм. Но благодаря этому йогом овладевает повышенное чувство «Я», повышенное чувство собственной личности (Selbstgefühl).

Он соответственно чувству распространяет своё мышление через всё своё внутреннее существо. Вследствие этого он осознаёт своё мышление в воздухе, а именно в закономерном воздушном процессе, происходящим в его внутреннем.

Итак, для него это имело совершенно особое последствие. Когда сегодня человек ощущает себя в чувственном мире, это ведь совершенно нормально, что он имеет в своём мышлении что-то, на что он едва ли обращает внимание. Его чувства уже информируют его о том, что существует во внешнем мире, и когда он оглядывается на себя, то видит самую малую часть себя самого. Этим он имеет некий образ способа, каким человек встроен во внешний мир между рождением и смертью. Но йог до известной степени изучал своё душевно-мыслительное через дыхательный процесс. Он ещё вгонял в себя всё это душевное мышление. И следствием этого было, что из его души всплывало чувство собственной личности, особое чувство «Я». Однако он не ощущал тогда это так, как ощущает нынешний человек в природном окружении между рождением и смертью, но вследствие того, что он своё душевно-мыслительное изучал в процесс дыхания, он чувствовал, что вспоминает себя в том периоде, который предшествовал его схождению на Землю, в том периоде, когда он был духовно-душевым существом в духовно-душевном мире. Как современный человек в нормальном сознании, когда он, например, имеет особенно живое воспоминание о чём-то, что произошло десять лет тому назад, может тогда чувством погрузиться не только в то событие, но, пожалуй, и в тот лес, в котором он пережил это событие, во всё тогдашнее настроение, так же йог через этот изменённый процесс дыхания погружал себя чувством во всё настроение, во всё окружение, в котором он как духовно-душевное существо находился внутри духовно-душевного мира. Там относительно мира он чувствовал совсем иначе, чем он как человек чувствует здесь. И из того, что охватывало его, из отношения этой пробуждённой теперь самостоятельной личности ко всему универсуму, возникли затем те уди-

вительные древние поэмы, прекрасным итогом которых является, например, Бхагавадгита.

Когда вы читаете в Бхагавадгите эти удивительные описания человеческой личности (Selbst), как она сопереживает со всем вместе, как она погружается во все процессы природы, во все отдельные тайны мира, как она во всём присутствует, то это как раз воспроизведение тех, вызванных дыхательным процессом йоги воспоминаний такого рода, как душа, будучи ещё только душой, жила в духовном универсуме. И когда Бхагавадгиту вы читаете с сознанием, что в действительности существовала перемещённая в духовный мир душа с повышенным чувством личности, которая говорит всё то, что выдохнули (aushauchten) Кришна или другие древние посвящённые, пришедшие к такому чувству личности, тогда только вы правильно читаете эти древние поэмы.

Итак, можно сказать, что те древние мудрецы выдвинулись из общей массы тогдашнего населения и строго изолировали свою личность от внешнего мира. Они её отделили. Но отделили они её, конечно, не посредством эгоистических мыслей, но посредством преобразованного процесса дыхания, который погружался определённым образом во внутренний ритм воздуха. Это был тот способ, которым в древние эпохи искали путь в духовные миры.

В более поздние эпохи этот путь изменился. Итак, в древние эпохи перемещались в такое другое дыхание. Чувствовали, как через потоки дыхания проходят мысли, и с этим погружением мыслей, которые тут, я бы сказал, как змеи, проходят через потоки дыхания, чувствовали свою личность во всём ткании мира, и потом высказывали определёнными словами и изречениями то, что могло выявиться из этих ощущений. Замечали, что говорят иначе, когда то, что таким образом пережили, проявляется через речь. И постепенно отказались от того, чтобы переживать так сильно, так интенсивно то, что я описал, когда переживание вставлено в сам дыхательный процесс. Постепенно переживали, как выдыхались слова, как сами собой слова скандировались в изречениях, сами собой входили в рецитацию.

И таким образом из изменённого дыхательного процесса складывались мантрические изречения, мантры, в то время как определённым образом слетали слова, несомые этим дыхательным процессом. И между тем как в более древние эпохи существенным был процесс дыхания и его переживание, позже возникли эти изречения. Это вошло в традицию и перешло в историческое сознание людей, а отсюда, по существу, возник затем позднейший ритм, такт поэзии и так далее.

Но когда мы идём назад от того, что в древние греческие времена было, например, уже вполне закономерным, было хорошо уловленной закономерностью языка, что стало уже гекзаметром, пентаметром, когда идём от этого, то обнаруживаем древнее переживание дыхания. Но это составляло характерную особенность — выносить человека из мира, в котором он живёт между рождением и смертью, и вносить в духовно-душевный мир.

Не может быть задачей современного человека искать свой путь в духовный мир тем же способом, каким это происходило в древние эпохи. Современный человек должен сам поднимать себя вверх в духовный мир на душевном пути, скорее на пути мысли, но не кружным путём через дыхание. Поэтому сегодня правильно, если человек в медитации, в концентрации своих мыслей и образов преобразует в пределах самой мысли то, чем обычно является голая логическая связь, в некую, я бы сказал, музыкальную связь. Но современная медитация всегда является прежде всего переживанием в мыслях, переходом одной мысли в другую, переходом одного представления в другое.

В то время как древний индийский йог переходил от одного вида дыхания к другому, современный человек должен пытаться живо, всей своей душой вживаться, например, в красное. Таким образом он остаётся в мыслительном. Затем он вживается в синее. Он переживает ритм: красное, синее, синее, красное; красное, синее — что является мыслительным ритмом, однако не так, как он протекает в логическом мышлении, но как гораздо более живое мышление.

Если человек достаточно долго делает такие упражнения — древний йог тоже достаточно долго должен был делать свои упражнения — если он до определённой степени переживает воодушевление, ритм, внутреннее качественное изменение: красное, синее; светлое, тёмное; тёмное, светлое — короче, если он следует таким указаниям, какие вы найдёте в частности в моей книге «Как достигнуть познания высших миров?», и если человек, останавливаясь таким образом на мышлении, не вгоняет теперь определённым образом дыхание в нервно-чувственный процесс, но начинает (пристывает) сразу во время нервно-чувственного процесса и сам нервно-чувственный процесс вносит во внутреннее воодушевление и ритм и в некое изменение качества, тогда он достигает как раз противоположности того, чего достигал древний йог. Древний йог определённым образом соединял мыслительный процесс с процессом дыхания; из процесса мышления и процесса дыхания он делал единое. Сегодня мы пытаемся всё-таки ослабить последнюю связь между процессом дыхания и процессом мышления, которая и так ведь уже совсем не осознаваема. Когда вы находитесь в обычном состоянии сознания, когда в обычном состоянии сознания вы размышляете о природном окружении вокруг вас, вы никогда не имеете в своих представлениях один только нервно-чувственный процесс, но сюда всегда входит ещё и дыхание. Вы мыслите, между тем как ваше дыхание постоянно пронизывает и вздымает волнами ваш нервно-чувственный процесс.

Все упражнения медитации настоящего времени стремятся к тому, чтобы полностью отделить мышление от процесса дыхания. Однако благодаря этому оно не то чтобы отучается от ритма, но оно отучается только от одного ритма, который является внутренним ритмом. Но затем постепенно мышление связывают с внешним ритмом. Отделяя мышление от ритма дыхания — к этому и стремятся наши современные медитации, — мышление определённым образом направляют в ритм внешнего мира. Йог возвращается к своему собственному ритму. Современный чело-

век возвращается к ритму внешнего мира. Прочтите сейчас первые упражнения, которые я дал в «Как достигнуть познания высших миров?», где я показываю, как следует, скажем, проследивать зарождение и рост растения. Медитация стремится к тому, чтобы отделить представление, мышление от дыхания и дать погрузиться в силы роста самого растения.

Мышление должно распространиться в ритме, который наполняет внешний мир. И в тот момент, когда мышление таким образом действительно освобождается от телесных функций, когда оно отрывается от дыхания, когда оно постепенно соединяется с внешним ритмом, тогда оно погружается теперь уже не в чувственные восприятия, не в чувственные свойства вещей, но тогда оно погружается в духовное отдельной вещи.

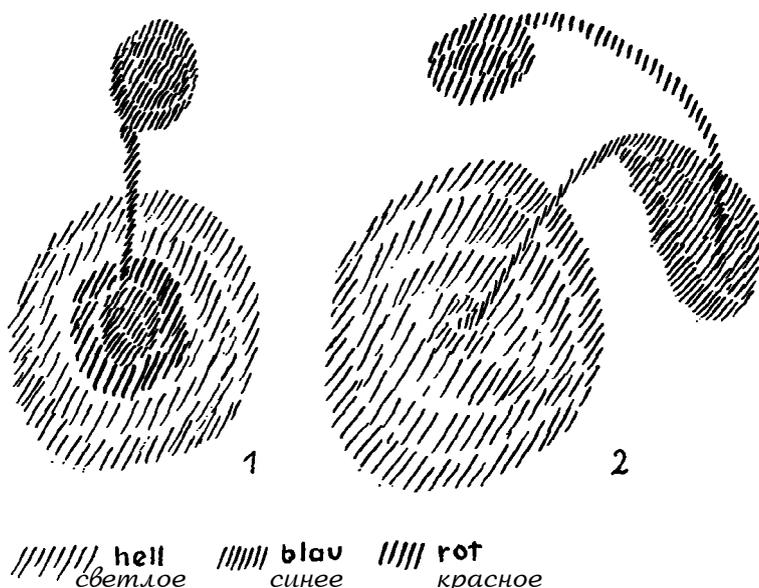
Пусть вы рассматриваете растение — оно зелёное, в цветке оно красное. Это вам говорят ваши глаза. Об этом потом размышляет ваш рассудок. Этим живёт наше обычное сознание. Мы развиваем другое сознание, когда отделяем мышление от дыхания, когда соединяем его с тем, что существует снаружи. Это мышление, которое учится вибрировать вместе с растением: как оно подрастает, как оно расцветает, как оно, например у розы, переходит из зелёного в красное. Оно (мышление) вибрирует наружу в духовное, которое лежит в основе всех отдельных вещей внешнего мира.

Вы видите, этим отличается современное медитирование от упражнений йоги очень древнего периода. Между ними существует, конечно, многое, но я упоминаю об этих двух крайностях. И благодаря тому, что человек постепенно вживается в этот внешний ритм, происходит следующее.

Йог погружается в свой собственный дыхательный процесс. Он погружается сам в себя. Благодаря этому он получает собственную личность, как некое воспоминание. Он до известной степени вспоминает о том, чем он был раньше, прежде чем спустился на Землю. Мы со своей душой выходим из своего тела. Мы связываем себя с тем, что тут снаружи живёт в ритме, сле-

довательно духовно. Благодаря этому мы созерцаем теперь то, чем мы были, прежде чем спустились на Землю.

Посмотрите, в этом есть разница. Я хочу нарисовать схематически: если это был йог (изображение 1, светлое), то он развил очень сильное чувство «Я» (красное). С этим чувством «Я» он вспоминает о том, чем он был, прежде чем спустился на Землю, когда находился в духовно-душевном окружении (синее). Возвращается поток воспоминания.

Если же здесь находится современный сверхчувственно познающий (изображение 2, светлое), то он развивает такой процесс, что благодаря жизни в ритме внешнего мира, выходит из своего тела (синее) и рассматривает теперь как внешний объект то (красное), чем он был прежде, до того как спустился на Землю.

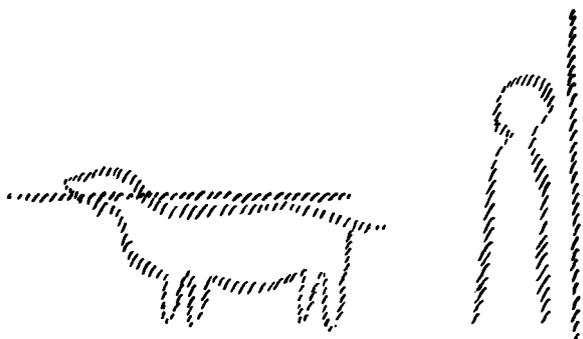
Так для древних эпох познание дорождённого состояния было чем-то вроде воспоминания. Так в современную эпоху познание дорождённого состояния, если оно правильно развивается, является созерцанием того, каким был (красное). В этом состоит отличие. Итак, то был один способ, благодаря которому йог вос-

ходил в духовный мир. Другой способ был таким, что йог придавал своему телу определённое положение, скрещивая ноги и сидя на своих собственных ногах, и так далее. Чего он этим достигал?

Благодаря этому он достигал возможности воспринимать то, что воспринимают те чувства, которые сегодня едва ли принимают во внимание. Мы ведь знаем, что человек имеет не только пять, но двенадцать чувств. Он, если мы не принимаем во внимание обычные чувства, имеет, например, чувство равновесия — я об этом не раз говорил, — благодаря которому он воспринимает, как он удерживается в равновесии: не падает ни влево, ни вправо, ни назад, ни вперёд. Как воспринимаешь цвета, так же должен воспринимать и своё равновесие, иначе качался бы во все стороны и не держался бы на ногах. Пьяный или обессиленный именно его не воспринимает, поэтому он и шатается. Итак, чтобы привести себя к осознанию этого чувства равновесия, йог принимает определённую позу. Благодаря этому он развивает тонкое, сильное чувство для направлений. Мы говорим о направлениях вверх и вниз, вправо и влево, вперёд и назад так, словно это всё абсолютно одинаково. Для йога постепенно возникает нечто, что он ощущает очень сильно и тонко благодаря тому, что он очень долго придавал своему телу определённые положения. Именно благодаря этому он развивал тонкое ощущение для тех других чувств, которые я приводил сверх пяти обычных чувств. Но когда переживаются эти другие чувства, они имеют гораздо более духовный характер, чем обычные чувства. И йог благодаря этому с другой стороны вживался в некое восприятие направлений пространства.

Мы должны снова этого добиваться, но другим способом. Мы не можем, по причинам, которые я при другой возможности ещё приведу, упражняться таким способом, как это происходило в древней йоге. Но предпринимая в мышлении такие упражнения, какие я только что описал, которые могут отделяться от дыхания и вживаться во внешний ритм, мы таким способом переживаем разницу в направлениях. Мы переживаем, что же это означает,

что животное в течение всей жизни имеет свой позвоночник горизонтальным, а человек свой позвоночник имеет вертикальным.

Для обычной неорганической природы люди знают, что магнитная стрелка указывает только в направлении север-юг, что это направление север-юг в земном означает нечто особенное для развития магнетических сил, так как магнитная стрелка, которая иначе вела бы себя нейтрально, мирится с этим положением; что это, следовательно, является особым направлением. Осваиваясь своими мыслями во внешнем ритме, мы учимся познавать, что удерживать позвоночником горизонтальные линии надо иначе, нежели вертикальные линии. Всему этому мы учимся в самих мыслях, оставаясь в мыслях. Индийский йог тоже учится этому, скрещивая свои ноги, сидя на собственных ногах и притом держа дыхание на высоком уровне. То есть, исходя из телесного, он изучает исполненное глубокого смысла невидимое пространственных направлений. Пространство не является одновременным наличием безразличных направлений, но по всем направлениям организовано так, что эти направления имеют разную ценность. Следовательно, такие упражнения, которые вводят человека в высший мир, как я сейчас изобразил, являются скорее упражнениями, которые подходят к мыслительной стороне.

Но есть также упражнения, которые подходят к другой стороне, и тут среди разных упражнений, существующих на этом поле, мы находим упражнения аскетической жизни, когда функции физического тела расстраиваются, когда физическому телу

добавляются как раз всякие лишения, полнота страданий. Благодаря этому физическое тело до некоторой степени выведывает нечто от своих нормальных функций. О том, чего достигали древние аскеты в этом направлении, современный человек не имеет ни малейшего представления, ибо современный человек устремляется в свой организм как можно основательнее. Каждый раз, когда древний аскет подавлял, исполнив болью, ту или иную телесную функцию, из организма выделялось его духовно-душевное.

Не правда ли, когда вы живёте так, как живут именно в нормальной жизни, тогда духовно-душевное связано с физическим организмом так, как это присуще человеческому организму именно между рождением и смертью. Когда вы аскетически подавляете телесные функции, тогда происходит нечто подобное тому, что сегодня в менее значительной степени происходит у людей, которые что-либо себе поранили.

Теперь, когда знаешь, каков сегодняшний человек, если ему лишь чуть-чуть причинить боль, тогда понимаешь, насколько отличается то, что иногда выдерживали древние аскеты, чтобы только освободить свой душевный организм. Но тогда они своим душевным организмом, который посредством аскезы выгоняли из тела, переживали в духовном мире. Собственно на этом пути добыты в основном все древние религиозные представления.

Современные комментаторы религиозного сознания несколько облегчают себе эти вещи. Они толкуют религиозные представления лишь в аспекте поэзии, поскольку они прежде всего придерживаются положения: то, что человек в таких познаниях должен узнавать о мире, не может причинять боль. Древние религиозные искатели как раз не стояли на этой точке зрения, но им было ясно: когда человек полностью вставлен в свой физический организм — что, само собой разумеется, является правильным для его земной работы; не следует изображать ложное, чуждое миру бытие как правильное — он ничего не может переживать в духовном мире. Именно это переживание в духовном мире искали

древние аскеты благодаря тому, что притупляли физическое тело, даже добавляя ему боль. Ибо всякий раз, когда они из некоего члена посредством боли выгоняли духовно-душевное, эта часть духовно-душевного переживала в духовном мире. И великие религии были как раз достигнуты не без боли, но овладевали ими через основательное страдание.

Сообщаемое в них в качестве результатов человеческого развития сегодня воспринимается через веру. Сегодня сильно отделяют друг от друга: по одну сторону знание, которое должно быть естествознанием внешнего мира. — Таким образом, его приобретают через голову. Голова твердолоба, ей это не причиняет боль, в особенности потому, что познания добываются через чрезвычайно тонкие понятия. По другую сторону то, что сохранилось как достойные уважения традиционные представления, которые, как сказано, принимают на веру. Но в действительности с определённой точки зрения следовало бы сказать: разница между знанием и верой такова, что сегодня имеют волю признавать в качестве знания только то, что не причиняет боли при его достижении, и что через веру, которая тоже не причиняет боли, ищут достижения того, что когда-то как знание, которое, разумеется, не принадлежит чувственному миру, было достигнуто исполненным боли и страдания способом.

Итак, аскетический путь тоже не может быть путём человека современности, несмотря на всё то, что я сказал. Почему, это мы рассмотрим при другой возможности. Но сегодня вполне возможно через внутреннюю самодисциплину, через воспитание воли вмешаться в силы волевого роста (*Willenswachstumskräfte*) в собственной личности благодаря тому, что берёшь в собственные руки своё развитие, которое обычно осуществляют жизнь и воспитание. Если, например, говоришь себе, что ты должен приучить себя к чему-то за пять лет и стремишься эти пять лет все силы своей воли направлять на то, чтобы приучить себя к этому; если в направлении внутреннего совершенствования так занимаешься развитием воли, то в таком случае уже без аскезы ты тоже

отделяешь духовно-душевное от телесного и тогда чувствуешь прежде всего то, что необходимо предпринять в этом самосовершенствовании как нечто такое, что должно происходить при постоянной собственной деятельности.

Каждый день необходимо что-либо внутренне исполнять. Порой действия являются маленькими, но вы должны упражняться с величайшим усердием и с непреодолимым терпением. Да, чаще можно встретить, что люди полны усердия выполнять упражнения, которые им советуют, как например такое: ты должен каждое утро иметь одну совершенно определённую мысль, — они полны усердия осуществлять это. Но продолжается это недолго, всё снова ослабевает, и тогда дело должно идти само собой. Затем они замечают, что это становится машинальным, потому что уже не хотят применять интенсивные силы, которые должны всё больше возрастать. Во-первых, надо таким образом преодолевать это сопротивление собственной инерции; но затем приходит другое сопротивление, происходящее от объективного. Происходит так, как будто надо пробиваться сквозь что-то плотное, и тогда действительно приходит внутреннее переживание того, что мышление, которое постепенно развилось и стало живым и которое теперь воспринимает пространственные направления и вообще живое и осваивается с ритмом внешнего мира, что оно причиняет боль, и что каждое достигаемое познание причиняет боль.

Я могу довольно хорошо представить себе современных людей, которые стремятся стать на путь в высшие миры. Они начинают. Приходит самое первое едва заметное познание. Это причиняет боль. Стало быть, я болен, говорят они. Это само собой разумеется: если что-либо причиняет боль, значит болеешь. Но когда достигаешь высших познаний, тогда это порой может причинять очень много боли, и всё-таки не являешься больным. Это конечно удобнее и легче вместо того, чтобы продолжать продвигаться по пути, который высшее познание делает необходимым, вместо того чтобы стремиться преодолеть всё возрастающие душевные страдания, лечиться. Позволяешь что-то прописывать

себе, вместо того чтобы продвигаться на этом пути. Само собой разумеется, это удобнее. Но этим в познании дальше не пойдёшь. Для современного человека происходит так, что внутренний душевный путь тоже становится этим погружением в боль, в это страдание, так что происходит это чисто душевно, и что тело в этом пока собственно не участвует, поскольку оно как тело остаётся таким крепким и сильным и справляющимся с внешним миром, каким оно обычно является сегодня у человека. Но страдание имеет значение вследствие того, что человек постепенно перестаёт приближаться к своим познаниям как к чему-то в себе, благодаря ему он снова входит сегодня в те регионы духовной жизни, из которых когда-то были получены великие религиозные истины. Великие религиозные истины, то есть истины, религиозно соответствующие впечатлению, которое производит высший мир, сверхчувственный мир, мир, в котором коренится, например, наше бессмертие, — эти истины не могут добываться без болезненных (*schmerzliche*) внутренних переживаний.

Если они достигнуты таким образом, они затем снова могут быть переданы всеобщему человеческому сознанию. Сегодня люди противятся таким истинам по той простой причине, что они чувствуют, что вещи являются не такими, как им хотелось бы.

Только представьте себе, что для иных могло бы быть уже довольно фатально, что я говорил вчера: В это преобразующееся астральное тело, которое затем в сердце вмещивается в эфирное тело, вписывается всё совершаемое человеком, вписывается даже то, что он поручает другому. Уже эта мысль иного делает трепещущим в глубине души. И великие истины в определённом смысле требуют даже внутреннего мужества души, которая решается сказать себе: „Если ты переживаешь эти вещи, то ты должна быть готова достичь познания через лишения и боль”.

Это высказывается не для того, чтобы лишать мужества, хотя сегодня многих людей это лишает мужества, но это сказано как раз просто исходя из истины. К чему это говорить людям, что они могут благополучно вступать в самые высшие миры, если

всё-таки это неправда, если проникновение в высшие миры требует, чтобы происходили преодоления, чтобы преодолевалось мучительное (Liedvolles).

Итак, мои дорогие друзья, я попытался сегодня изложить, как пробиваются к человеческому. Ведь это человеческое духовно-душевное в человеке скрыто глубоко внутри. К нему нужно вначале пробиться. Но человек, если он сам не пробивается, должен знать, что в нём существует сокровенное, и он должен, исходя из требований настоящего времени, знакомиться, как в действительности протекают такие вещи, какие я изобразил вчера.

Я сегодня вновь показал, что эти вещи можно обнаружить только на таком пути познания и что они по разному входят в старую и новую эпохи.

Завтра мы, кроме того, соединим вчерашнее и сегодняшнее рассмотрения в одно такое, которое должно повести нас дальше в духовные миры, как мы пытались осуществлять это и сегодня.

Восьмой доклад

Дорнах, воскресенье, 28 мая 1922 года

Сегодня, прежде всего в связи с разъяснением вчерашнего и позавчерашнего, я хотел бы кое-что сообщить о развитии человечества в будущем, поскольку это развитие человечества зависит от определённого отношения, в которое сам человек вступит с определёнными духовными силами (Mächten) в ходе будущего Земли. Позавчера мы увидели, как выглядит при определённом точном рассмотрении внутреннее человека; как таким точным рассмотрением фактически можно получить воззрения о том, как в человеке, в физически-душевно-духовном человеке объединяется то, что до известной степени принадлежит внешнему миру, в особенности поскольку этот внешний мир рассматривается как мир эфирных сил и существ, привлекаемых человеком для своего собственного эфирного тела при нисхождении в земной мир. И мы увидели, как с этим больше принадлежащим внешнему миру и уживающимся с человеком бытием затем соединяется то, что сам человек совершает на Земле, его поступки, другими словами — его карма.

Затем мы увидели вчера, как в разные эпохи развития человечества человек может и должен по-разному добиваться связи, познающей связи с духовным миром.

Итак, я уже не раз упоминал, что нынешнее время является таким, что новый поток духовной жизни просто стремится сюда в человеческое земное бытие. Теперь в развитии человечества наступает время, которое должно создать переход между, так сказать, интеллектуалистической эпохой, наступившей в первой трети XV столетия и, по сути дела, в основном истекшей в настоящее время, и будущим, принадлежащим духовному. В эту интеллектуалистическую эпоху задача заключалась в том, чтобы

человечество развило рассудок, развило сам рассудок как таковой в опоре на внешнее наблюдение природы и технический опыт.

Да, в этом отношении в последние столетия совершено нечто грандиозное и величественное. Но всё то, что было совершено, совершено, по сути дела, так, что главным в развитии человечества был рассудок, — интеллектуальный элемент. И наследие этого интеллектуального элемента сегодня ещё живёт в нас. Но, я бы сказал, это наследие интеллектуального элемента больше не является творческим.

В высшей степени творческим этот интеллектуальный элемент был во время Коперника, Галилея, Джордано Бруно, и потом до середины XIX столетия. В пределах западноевропейской цивилизации главным образом в последние столетия из творческого интеллекта проистекают великие дела человечества.

Обладающий непредвзятым разумом уже внешне может заметить, что творческое начало интеллекта существенно пошло на убыль уже в последние десятилетия. Человечество уже не собирается связывать таким же образом, я бы сказал, воодушевление с этим интеллектом, с рассудком. То, что в течение столетий упражняли в рассудочной душевности, продолжает жить дальше, я бы сказал, благодаря определённой инерции культуры. Люди мыслят на старых путях, а интеллект уже не порождает ничего нового. Это особенно сильно заметно по нашей молодёжи. Как говорится, если только быть для этого достаточно непредвзятым, то это можно заметить. Оглядываясь на то, какой примерно была наша студенческая молодёжь ещё в восьмидесятые годы — и это относится, пожалуй, ко всей цивилизации Запада; это было, конечно, не во всех случаях, но в тех, которыми это определяется, — тогда можно было сказать: если молодой человек, изучающий что-либо, начинал говорить, то получали определённую радость и жаждали, чтобы он продолжал. Сегодня уже не происходит так. Можно совершенно точно увидеть поворот в последние десятилетия. Если же сегодня молодой человек, который, скажем, только что пришёл из лекционного зала, начинает гово-

ритель, то не интересуются, что же он скажет дальше, так как это знают заранее. Это прекращается автоматически. Человек, когда он развивает свой интеллект, уже не проявляется так, как если бы весь его мозг был живым. Получаешь впечатление, что его разумная деятельность несколько сползла из головы в глубокие регионы. Это то, что сегодня уже непосредственно через внешнее восприятие может вполне разузнавать тот, кто рассматривает мир. Человеческий интеллект получил нечто машинное, и этот интеллект пробивается наружу из регионов человеческой организации, которые собственно уже по-настоящему не являются головой. Итак, это происходит так именно по той причине, что, как сказано, интеллект изначально был стихийным, и ещё потому, что во всём, во всей мировой закономерности так учреждено, что человечество должно было, так сказать, сформировать интеллект через эти эпохи от XV столетия вплоть до XIX.

Но теперь из высших регионов мирового бытия сюда в земную жизнь людей устремляется духовный поток. Теперь то, что не должно дальше развиваться как рассудок, будет оплодотворено этим духовным, этим спиритуальным течением. И от людей будет зависеть, откроются ли они своими сердцами, своими душами тому, что устремляется сюда, я бы сказал, через многие врата из духовного мира в земной мир. Однако это необходимо сделать, чтобы люди снова получили восприимчивость для наблюдения духовного во всей природе.

Обратите внимание, как вчера при возвращении в древние культуры человечества мы должны были упомянуть, что всё человечество воспринимало духовно-душевное в вещах внешнего мира, в каждой звезде, в каждом плывущем облаке, в молнии и громе, в существах природного царства.

Именно отсюда появились древние упражнения йоги. Йог стремился, как я вчера изложил, пробиться к самостоятельной личности. Он посредством внутренних упражнений определённым образом стремился получить то, что для нас сегодня является само собой разумеющимся, ибо мы с этим родились и воспи-

тывались в этом направлении, — определённое чувство личности, сознание «Я». Йог же должен был воспитать это в себе. Только не думайте, мои дорогие друзья, что теперь вы с обычным сознанием «Я» настоящего времени сразу можете придерживаться какой-то йоги! Это было бы большой ошибкой. Разница именно в том, пробиваются ли к чему-то через собственное человеческое усилие или же имеют это как само собой разумеющееся. Только пробиваясь к самосознанию так, как йог, имели тогда благодаря этой внутренней тренировке восприятия в великих, мощных мировых процессах и в мировых закономерностях. Если тебя просто ставят в сферу самосознания, то этого не происходит. Стоять на ступени человеческого развития совсем не то же самое, что достигать этой ступени внутренними упражнениями.

И из вчерашнего изложения вам может стать понятным, как человечество должно постепенно приходить к познаниям, которые проистекают, например, из освобождения всей мыслительной системы от процесса дыхания, потому что мыслительная система — как я вчера изложил — вживается тогда во внешний ритм космоса, поскольку в ритмы космоса мыслительная система погружается благодаря тому, что она отделяется от субъективности. Итак, в то время как йог через стыковку — если я могу так выразиться — своей мыслительной системы с дыхательной системой вползал сам в себя и идентифицировал себя с тем, что в человеке может изживать духовно-душевное на волнах внутреннего дыхательного ритма, сегодня мы должны своим мышлением вырываться в мир, отдаваться миру, чтобы участвовать во всех ритмах, которые проходят через минеральный, растительный, животный и человеческий мир вплоть до мира иерархий. Мы должны вживаться во внешние ритмы бытия. Но благодаря вживанию в эти внешние ритмы бытия мы и придём к познаниям, которые с другой стороны дают человечеству нечто о том, что лежит в основе внешних природных познаний.

Сегодня мы занимаемся физикой, химией, биологией, и люди благодаря тысячам и тысячам популярных изложений, доходя-

щих сегодня уже до крайних сёл, получают сообщения о том, как мир выглядит для чувственного наблюдения в связи с интеллектом. Но должна начаться эпоха, когда человечество вновь узнает о стоящем за всем тем, что может быть тут дано через внешнее наблюдение и через интеллект.

Если мы говорим исключительно физически, то безразлично, говорим ли мы по-старому о четырёх элементах: земле, воде, огне и воздухе, или по-новому — о твёрдых телах, о жидких телах, о газообразных телах и о тепловом состоянии, безразлично, какие имена мы даём вещам для той цели, которую мы сегодня преследуем. Ибо если сегодня говоришь о внешнем мире, о твёрдом, жидком и газообразном, то говоришь как раз в смысле соединения веществ, расслоения веществ, разделения веществ и тому подобном. Однако надо придерживаться того, что в основе всего твёрдого земного лежит элементарное духовное. Современный просвещённый человек, пожалуй, смеётся, когда вспоминают о том, что древнее человечество во всей Земле находило нечто похожее на гномов. Только когда мы снова добываем познания именно на пути переживания в ритмах мира, а не только в логически-абстрактной мыслительной связи, мы вновь открываем в твёрдо-земном тех элементарных существ, которые содержатся во всём твёрдом. У этих элементарных существ, которые содержатся во всём твёрдом, земном, у них самым примечательным элементом является как раз смышленость, ловкость, хитрость, одностороннее развитие интеллекта. Можно сказать: в твёрдом, в земном живут духовно-элементарные существа, которые умнее, чем люди, гораздо умнее. Самые умные в интеллектуальном смысле люди не так умны, как те существа, которые в качестве сверхчувственного населяют твёрдое земное, — твёрдое земное царство. Можно сказать: эти существа состоят только из разумности. Как человек состоит из плоти и крови, так и эти существа состоят только из разумности, из сверхразумности. И эти существа обладают ещё одной особенностью — у них царит преимущественно множественность. Если мы в состоянии проверить

именно подходящий земной элемент, скажем, в отношении того, что же там происходит в таких элементарных умных существах, то: этих существ, я бы сказал, можно выжимать, подразумевая духовно-душевно, как некую губку, тогда они выходят. Им нет конца. Там неслыханное изобилие.

Можно сказать, что в отношении этих существ, живущих в земно-твёрдом элементе, даже со счётом возникает затруднение, ибо считаешь этих гномообразных существ: один, два, три, четыре, пять — и тут замечаешь, что так — один, два, три, четыре, пять — можно считать, собственно, вишни и яйца, но этих существ так посчитать нельзя. Ибо посчитал до трёх, здесь присутствует не больше трёх, затем присутствует уже гораздо больше трёх. Так что подсчётом, с которым знакомишься на физическом плане, не обойдёшься в отношении этих существ. И если бы применили просто обычные способы исчисления, то эти существа обманули бы самым необычным способом. Воспринимаешь на одной стороне двух существ и двух существ — на другой стороне, и говоришь: дважды два — четыре. Но это было бы совсем неправильно, так как этих существ благодаря их сверхразумности предстало бы семь или восемь, так что вынуждены были бы сказать: дважды два — восемь или нечто подобное.

И, следовательно, к странностям этих существ относится даже сопротивление подсчёту. Это уже то, с чем надо непременно ознакомиться: интеллект, как он развился в человечестве в новое время, является чем-то прекрасным; но сами эти существа, являющиеся сверхинтеллектуальными, в отношении интеллекта проявляют ещё определённое господство. Они сами господствуют в интеллекте там, где он предаётся одному только подсчёту.

Если же мы переходим к жидкому элементу, к воде, то её существа преимущественно образовали то, что человек сформировал в своём чувстве, в своём ощущении. Мы, люди, с нашими ощущениями, собственно, очень отстаём относительно этих существ, которые населяют водный, жидкий элемент. Мы представляем себе — нам нравится красная роза. Мы получаем опре-

делённое чувство, когда на деревьях шелестит листва. Но эти существа продвигаются вместе с жидким в соках растений, в розе они поднимаются до цветка розы, здесь они переживают вместе с розой. Они эмоционально гораздо интимнее участвуют в процессах мира. Своими ощущениями мы стоим вне вещи. Но они находятся внутри происходящего и участвуют в этом.

Воздушные существа являются преимущественно существами, развившими до высшей способности то, что мы имеем в своём желании. Это ведь прекрасно, когда химик отыскивает, какой атомный вес имеют водород, кислород, азот, как соединяются водород и кислород, как их снова разделяют, как, например, разлагают воду или хлорную известь и тому подобное. Всё это прекрасно, но позади этого живут как раз духовно-элементарные существа. И человек должен овладеть знанием странностей именно этого элементарного мира. Ибо в то время, когда человек развивал интеллект, эти элементарные существа до определённой степени были слегка посажены на голодный паёк (*ein wenig aufs Trockene gesetzt*). Человечество, как сказано, развивало интеллект со времени первой трети XV столетия до конца XIX столетия, и пока внутри человеческой культуры интеллект играл творческую роль, эти существа, живущие тут в элементах, не могли много осуществлять. Вследствие того, что элементарные существа твёрдого вынуждены были держаться в стороне и должны были уступить человеку интеллект, этим они удерживали и других элементарных существ, существ жидкого и воздушного. Но если теперь в то время, когда интеллект приходит к деградации, а он приходит к деградации, и мы уже живём в эпоху, когда в цивилизованном мире начинается разрушение интеллекта, если теперь человечество не откроется спиритуальному течению, входящему из духовного, то из-за этой тупости человечества в отношении спиритуального течения может возникнуть то, что сегодня уже отчётливо заметно: эти элементарные существа заключат некий род союза — объединятся и поставят себя под

руководство уже преимущественно интеллектуальной власти, под руководство Аримана.

Но, если эти элементарные существа станут под руководство Аримана с отчётливым намерением поставить себя против человеческого развития, тогда человечество не сможет развивать дальше свой прогресс. Тогда может случиться, что ариманические власти в соединении с элементарными существами стихий сделают из Земли нечто совсем другое, чем то, для чего она с самого начала была предопределена. Земля не станет в опоре на периоды Сатурна, Солнца, Луны и Земли такой, как я изложил в моём «Очерке тайноведения». Ибо Земля станет тем, чем она должна стать по изначальному намерению, только в том случае, если человек в каждую эпоху правильно постигает свои задачи.

Уже сегодня можно воспринять, как, собственно, обстоят дела. Посмотрите, те, кто достиг сегодня уже определённого возраста, знают, что в прежнее время повсюду с человеком ещё беседовали так, что, когда хотели знать, что присутствует в глубине его души, ждали, что он сообщит об этом посредством обычной речи, посредством обычного речевого сообщения. Рассчитывали именно на то, что рассудок, интеллект находится здесь в башке, и что находящееся в башке сообщается другому посредством языка.

Сегодня есть люди, которые уже вовсе не предполагают, что у иного из их современников здесь в башке существует рассудок, но они даже допускают, что рассудок сполз глубже вниз, и в таком случае они анализируют, вместо того чтобы выслушать их. Пусть, я бы сказал, когда людей вместо того, чтобы позволить им говорить, подвергают психоанализу, исходят именно только из допускающей ложное толкование позиции, что рассудок несколько сполз вниз. Ибо подвергать психоанализу нужно только то, что уже сползло вниз в глубокие регионы человеческой природы. И вот, поскольку считают, что это сдвинулось вниз, хотят снова поднять это вверх. И в эту эпоху разрушения интеллекта происходит уже даже так, что люди, по крайней мере отдельные, по сути дела, уже совсем не любят,

уже совсем перестают любить обращаться к своему интеллекту. Они охотно позволяют себя анализировать, поскольку они не хотят своей головой участвовать в том, что, собственно, обнаруживает их душа.

Рассматривая так эти вещи, ставя себя к ним, я бы сказал, лишь внешне, поверхностно, вообще ни к чему не придёшь. Получишь немного, если рассматриваешь такие вещи внешне, поверхностно. Рассматривать их надо так, как мы сделали это только что, встраивая их в связь со всем миром. Только тогда они станут ясными. Психианализ ведь может быть несколько полезен с точки зрения, которую я изложил вчера. Некоторые вещи, которые прежде люди принимали как само собой разумеющиеся, уже не хотят понимать, следовательно позволяют себя лечить. И уже совсем не могут найти многие курсы лечения, в которых сегодня нуждается человек. То есть, когда уже недостаточны внешние материальные курсы лечения, придумывают психические курсы, не правда ли! Однако всё это необходимо рассматривать в одной большой взаимосвязи.

При внешнем рассмотрении вовсе не стоит тягаться со всеми добрыми мотивами, со всем располагающим к себе, чем обладает психианалитик. Это нетрудно понять, нетрудно понять даже перед оправданным, более значительным рассмотрением миров, которого сегодня ещё очень избегают, перед рассмотрением миров, которое ведёт к признанию того, что спиритуальный поток устремляется сегодня в нашу современную цивилизацию, чтобы поставить себя на место приходящего к разрушению рассудка, разрушающегося интеллекта.

Осознать это, по сути дела, является задачей человечества, а люди сегодня определённо избегают этого. Но только тогда откроется именно то, о чём идёт речь в таких вещах, внешнее оправдание которых очень легко может быть доказано именно в эпоху разрушающегося рассудка. Постепенно очень многое можно будет доказать, так как именно интеллект приходит к разрушению и разрушающийся интеллект мало по малу чрезвы-

чайно многое сможет доказывать как оправданное. Но то, что действительно является оправданным, всё больше и больше можно будет осознавать, исходя только из того познания, которое придёт к человечеству через духовное начало.

Взгляните, это одна сторона, благодаря которой мы можем указывать на то, что угрожает развитию человечества в будущем Земли. С другой стороны, мы должны указывать и на то, что как низшие стихии — земля, вода, воздух, — так и более высокие стихии, эфирные стихии — свет, химический эфир, жизненный эфир — определённым образом населены элементарными существами. Только эти элементарные существа (высших стихий) очень сильно отличаются от элементарных существ низших стихий. Существа света, а в особенности существа жизни как раз не стремятся к многочисленности. Сильнее всего к многочисленности стремятся именно существа земной стихии. Существа эфирных стихий стремятся к единству. Их в действительности совсем не отличишь друг от друга. Индивидуальные своеобразия здесь не проявлены. Эти существа стремятся соединиться одно с другим.

Древняя сила посвящения некоторых посвящённых или посвящаемых, от которых и произошли потом глубокие наставления Ветхого Завета, обращала сознание главным образом к этой эфирной стихии. И в соответствии с этим совместным устремлением эфирного элемента в одно сформировалось впечатление, которое потом изживало себя в монотеизме, в строгом монотеизме иудаизма.

Ведь сперва эта религия Ягве возникла преимущественно через духовное созерцание эфирного региона. Но в эфирном регионе живут духовные существа, которые теперь не стремятся друг от друга так, чтобы стать многими индивидуальностями, но которые хотят исчезать друг в друге, срастаться, которые хотят сформироваться в единство.

Так вот, если люди снова не будут замечать этих существ, если люди не повернутся к духовности и не скажут себе: „Здесь

наверху существует не просто Солнце, но с солнечным теплом и солнечным светом из эфира на Землю проникают вниз существа”, — если люди останутся на внешнем восприятии материального, тогда эти существа найдут возможность соединиться с люциферическим. Так что, если человечество по одну сторону не воспримет опасность, которая угрожает со стороны ариманического через соединение ариманического с теми существами, которые живут в низших стихиях, и ту опасность, которая угрожает со стороны люциферического через соединение люциферического с существами, стремящимися к единству эфирных стихий, то может возникнуть угроза, что в будущем Земли из неё возникнет нечто совсем иное, чем то, что должно было бы возникнуть из Земли по изначальному намерению.

Совсем недостаточно, мои дорогие друзья, всё снова и снова указывать на то, что понимание спиритуального имеет значение для судьбы земного человечества, что с Землёй может произойти нечто совсем иное, чем должно происходить, если люди не снизойдут до спиритуального. Ибо уже случилось так, что мы вокруг имеем мир материального. Но как бы мы сегодня с нашими развитыми химией и физикой ни исследовали этот мир материального, мы ведь исследуем всё-таки лишь то, что должно исчезнуть вместе с земным бытием. Какую всё-таки другую ценность, по сути дела, имеет вся эта химия, вся эта физика, например до конца земного бытия? Ибо до конца земного бытия должны раствориться в мире именно минерально рассеянные вещества, и лишь растительное, животное и человеческое должно перейти в бытие Юпитера. Следовательно, всё то, чего достигаешь именно с помощью такой грандиозной, мощной науки, касается только лишь преходящего. Но человечеству нужно познание, которое относится не к этому земно-преходящему, но которое имеет дело с тем, что превышает земно-преходящее.

Сегодня ещё очень любят исследовать, как говорится, атомные веса отдельных элементов, нравится устанавливать химические формулы, физические законы, которые ведь занимаются только

тем, что имеет преходящее значение для земного бытия. Человек должен перерасти это земное бытие с помощью такого познания, о котором я только что рассказал. Это чрезвычайно важный и существенный вопрос.

МИРОВАЯ
ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЬ
ВОСТОКА И ЗАПАДА

Девятый доклад

Дорнах, суббота, 17 июня 1922 года

Сегодня мне надлежит изложить кое-что из области антропософии, близко лежащее к человеку. Кроме того, завтра я сообщу вам кое-что как раз в связи с проходящим венским конгрессом Запад-Восток. Однако сегодня я хочу обсудить кое-что из антропософии.

Не правда ли, мы как люди находимся в связи с миром прежде всего через наши чувства, а именно, когда полностью открыты для всего от пробуждения до засыпания. Через разные чувства мы воспринимаем разные области бытия и благодаря этому посредством определённой душевной деятельности составляем себе образ мира. Я хочу это только обозначить. Через такое обозначение внимание каждого направляется на то, как он может рассматривать само бодрствующее протекание жизни и то, что содержится в нём.

Но однако, мы как люди встроены в мир не только бодрствуя, но и когда спим. И во время сна мы вне своего тела встроены нашим «Я» и нашим душевным существом в мировое окружение, которое в настоящее время не знакомо обычному сознанию человека.

Всё, сказанное мной сейчас, имеет значение прежде всего для человека современности, то есть для человека, каким он сформировался в своей душевной жизни с того момента времени, который мы часто обозначаем как чрезвычайно важный для нового развития человечества, с XV столетия.

Но теперь мы должны всё-таки спросить: „В какой связи, будучи спящим человеком, мы находимся с миром, который, разумеется, скрыт от обычного сознания?“ Описать как раз этот период времени развития человечества, в котором мы сегодня жи-

вём, конечно, затруднительно, если не принимать во внимание, что человечество именно развивалось и в своей душевной жизни испытало самые разные состояния.

Рассматривая душевную жизнь человека, мы обнаруживаем, что человек нашего современного, как мы говорим, цивилизованного мира должен прикладывать самые разнообразные старания для образования своих представлений, своих понятий. Мы довольно часто механически смотрим назад на ранние периоды человечества, в которые не существовала такая система воспитания, какая необходима для человека сегодня. Мы до определённой степени механически смотрим на те древние культуры человечества, которые развились по ту сторону на Востоке и удерживали своё состояние, не осуществляя воспитание человека с детства так, как это происходит сегодня. В самой Европе сегодня почти невозможно создать себе хоть какое-то представление о том, насколько иначе представлялось воспитание в прежние восточные эпохи, в которые, однако, душа и дух человека были созданы так мощно и возвышенно, как и восточная письменность, как веды, как всё то, что сохранила восточная мудрость. Вот только обо всём, что осуществляется в духе, сегодня судят сообразно с тем, как вырастает сегодняшний человек с детства, как он должен воспитываться и обучаться, и каким он становится дальше, исходя из этого воспитания, этого обучения, благодаря жизни в нашем современном внешнем мире. И тут прежде всего для жизни представлений выявляется, что нас необходимо воспитывать и обучать, потому что мы сами должны создавать свои мысли о жизни. Сегодня мы были бы в мире беспомощны, если бы не были в состоянии сами себе создавать мысли о жизни. В искусстве создавать мысли человек, собственно, сегодня, я бы сказал, не так далеко ушёл. И именно в существовании воспитания и обучения надо видеть то, что мы, исходя из нашего собственного усилия, всё дальше продвигаемся в искусстве создавать мысли о вещах мира.

Это подготавливалось уже во времена Греции. Греческая жизнь была первой культурной жизнью в пределах Европы, но в

определённом отношении находилась ещё всецело под влиянием Востока и поэтому развивала такой способ воспитания, который к развитию сил представления подходил только на самых первых стадиях. В эту греческую культурную жизнь ещё устремлялся восточный способ, который не заставлял людей мыслительно напрягаться, чтобы, тривиально выражаясь, теперь самому создавать представления о вещи.

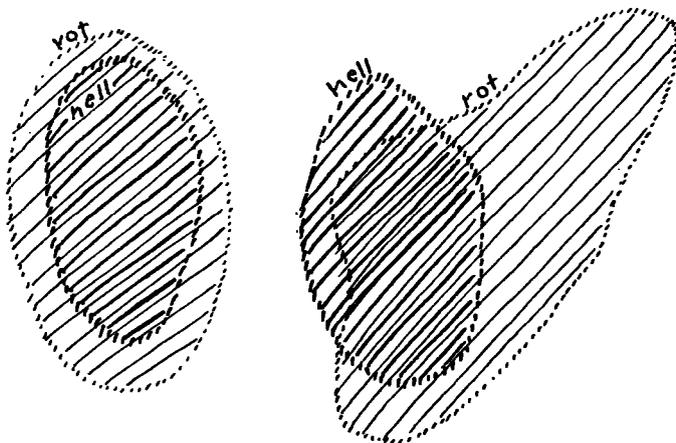
Сегодня внутри западноевропейской духовной жизни с определённым правом восхищаются Сократом как одним из первых, кто побуждал людей самим создавать себе представления о вещи. Но было бы абсолютно неверно, если бы из этого теперь сделали примерно такой вывод, что Восток не имел никакой мыслительной жизни, раз Европа была принуждена сама из человеческих усилий создавать представления о вещах. Восток обладал очень мощной мыслительной жизнью, и мы находим эту мыслительную жизнь сформированной тем мощнее, чем дальше мы идём назад в восточную культурную жизнь. И мы возвращаемся в эпохи, в которых ещё не существовали ни веды, ни философия веданты — ибо веды и философия веданты, как я не раз упоминал, обнаруживают не самые первые ступени восточной духовной жизни; те никогда не были записаны, — однако в то древнее время там на Востоке уже существовала мощная духовная жизнь. Всё это на самом Востоке, начиная уже со второго и по третье тысячелетие, пришло к полному разрушению и уже полностью находится в упадке. Житель Востока восхищается сегодня, я бы сказал, последними остатками когда-то совершенно удивительной духовной жизни. Но эта духовная жизнь была не такая, как наша, при которой — простите это материалистическое выражение, оно подразумевается только как образ — при которой мы должны внутренне потеть для осуществления этого, при которой мы должны напрягаться, чтобы это возникало. Восточная мыслительная жизнь была инспирирована. Востоку мысли давались в их совокупном соединении сами собой. Свой образ мира он получал так, что этот образ мира непременно соответ-

ствовал некой интуиции. Кроме того, он всегда имел чувство: то, что я мыслю, мне дано. — Он не был знаком с напряжением, с внутренним душевным напряжением для составления мыслей. От пробуждения до засыпания он чувствовал, что мысли ему дарятся. Даже его собственная душевная жизнь получала соответствующую окраску. Когда он мог иметь мысли, он был благодарен Богам, потому что они дарят ему мысли. Он чувствовал это как втекание божественно-духовных сил, когда мог сказать себе: „Во мне как человеку живут мысли”. — Это было совсем другое положение мыслительной жизни.

Поэтому восточная мыслительная жизнь древней эпохи и не была так отделена от чувствования и ощущения, от душевных вопросов человечества, как это имеет место сегодня для нормального сознания. Именно поэтому человек чувствовал, что ему дарили мысли, при каждой мысли он также чувствовал себя поднявшимся человеком, и с каждой мыслью одновременно было связано религиозное ощущение. Человек чувствовал, что он должен с неким религиозным смирением идти навстречу силам, посылающим ему готовые мысли, отнюдь не такие отдельные мысли, а напротив — совокупность мыслей.

Но что же было объективной, внешней причиной того, что так происходило для восточного человека? Внешняя, объективная причина заключалась в том, что человек в эти древние времена спал иначе, чем спим мы сегодня. Ведь мы в качестве «Я» и душевного человека во время сна покидаем преимущественно верхнюю часть, голову. Не так сильно отделены от человека самые главные органы обмена веществ и конечности. В тело конечностей и обмена веществ, когда человек спит, ещё вдаются душевное и «Я». Собственно, не следует представлять, что во сне весь человек покинут душевным и «Я», но следует представлять себе, что главным образом это происходит с головой, которая в это время покинута. Я излагал это неоднократно и хотел бы ещё раз схематически представить вам это. Допустим, что это бодрствующий человек (см. рис. на стр. 163 слева) и что «Я» и душевное

существо, которых я рисую красным, пронизывают физическое тело и эфирное тело. Было бы неверно, если бы я нарисовал теперь спящего человека так, что здесь имел бы физическое тело и эфирное тело, которые остаются в постели, и теперь просто ря-

hell – светлое
rot – красное

дом нарисовал бы «Я» и астральное тело или душевное. Я хотел бы это нарисовать так, что если здесь (светлое) находятся физические органы, находятся конечности — однако руки, по сути дела, принадлежат к ним — то я в действительности только в голове рисую, что «Я» и душевное человека пребывают вне человека, ибо, совсем строго говоря, только в отношении головы человек во сне отделён от своего физического тела и от своего эфирного тела (красное).

Если же мы возвращаемся в те древние времена, о которых я только что говорил, то это происходило так, что тогда во время человеческого состояния сна органы головы человека, то есть по существу нервно-чувственная система и часть системы дыхания, пронизывающая голову, были ареной, на которой божественно-духовные существа, имевшие какие-либо отношения с Землёй, осуществляли свои дела.

Когда совершенно серьёзно указываешь на реальности, говоря необразно, вполне можно сказать: „В самые древние времена развития человечества божественно-духовные существа действовали на Земле так, что они удалялись от людей, когда те бодрствовали”. Но когда люди спали, Боги занимали жилище в головах людей. Человеческое «Я» и человеческое душевное существо покидали голову; божественно-духовные существа там приводили в порядок свои дела. И когда человек потом утром вновь пробуждался, когда он, следовательно, вновь погружался в свою голову, то он обнаруживал там результаты того, что осталось под влиянием действий божественно-духовных существ, которые от засыпания до пробуждения были так деятельны в его голове, что упорядочили его нервные процессы в соответствии со своими законами и осуществили воздействие на происходящее в циркуляции крови, на органически происходящее в эфирном теле и в физическом теле. Но человек уже не сознавал отчётливо тот факт, который я сейчас описал, — его понимали те, кто обучался в мистериях, — большие массы человечества не осознавали этот факт, но они его переживали. Итак, человек при пробуждении обнаруживал в своей голове действия Богов. И когда потом, бодрствуя, он жил и воспринимал мысли в их соединении, то это наступало благодаря тому, что во время сна Боги были деятельны в его голове. До известной степени древневосточный человек каждое утро обнаруживал наследие того, что проделали Боги в качестве своих дел во время его сна. И потом он это воспринимал с мыслями как инспирацию. То есть это происходило не так, что во время бодрствования божественно-духовные существа его инспирировали непосредственно, но они инспирировали его во время его сна, осуществляя в это время свои собственные дела. И всё, что приводило к тому, чтобы в те древние времена человек вёл себя так или иначе социально, было, собственно говоря, инспирацией. Можно сказать: божественно-духовные существа тогда вполне имели возможность приводить в порядок земные дела так, что из состояния сна они упорядочивали взаимное до-

верие людей друг к другу, упорядочивали повиновение, которое огромные массы несли навстречу свои вождям, и тому подобное. Таким образом, в ту древнюю восточную эпоху именно таким способом осуществлялось взаимодействие божественно-духовных существ с земным миром. Но это было возможно только потому, что вся человеческая организация в то время была ещё другой.

Я часто упоминал, что сегодня человек представляет себе, что у него в действительности всё всегда, то есть пока человек исторически живёт на Земле, было таким, как и сегодня — физическое физического организма, душевное души, духовное «Я». Когда сегодня историк начинает писать о древнем Египте и разгадывает его документы, то он представляет себе, что хотя люди ещё не были такими умными, как он, но что они всё-таки в основном мыслили, чувствовали и имели желания так же, как и он сам. Существует воззрение: когда удаляешься назад очень далеко, тогда люди становятся в некотором роде высшими обезьянами и потом от той стадии они переходят к этой — ну конечно, только неизвестно, как представляет себе это историк. Но когда начинается эпоха, которая может кого-либо интересовать исторически, то существует мнение, что тут должны воспринимать людей такими, какими они и сегодня являются в своём мышлении, чувствовании и желании по характеру и образу своей сегодняшней эфирно-физической организации.

Только это не так. Даже в исторические эпохи люди довольно существенно изменялись. Стоит вам только вспомнить, например, то, что я уже раньше приводил в качестве детали, как грек чисто физически рассматривал окружающий мир. Кроме того, грек не видел синий цвет так, как мы видим его сегодня; он собственно видел только красноватые оттенки. И если сегодня человек представляет себе, что грек, поскольку он жил в прекрасном, должен бы преимущественно созерцать голубое небо — голубое небо ведь так прекрасно, — то этот человек заблуждается. Грек созерцал как раз тёплые, красноватые, жёлтые цвета, а зелёный

и синий он по существу уже не отличал друг от друга. Поэтому небо он видел совсем иначе, чем сегодня видит его нормальное сознание. Даже сами глаза в ходе развития человечества совсем изменились, пусть это и произошло только в интимных и тонких чертах. В ходе исторического времени вся организация чувств вообще стала иной. И в те древние восточные периоды, о которых я только что говорил, организация чувств фактически была такой, что она не сбивала человека с толку и не было препятствий отдаваться тому, что тут во время его бодрствования исходило из его организации от действий Богов и оставалось ему от его состояния сна.

Постепенно организация чувств человечества стала такой, что человек так живо связал себя через свои чувства с внешним миром, что эта живая связь, как только он пробуждался, мешала ему быть внимательным и к тому, что могло быть наследием сна. Даже если бы Боги ещё приводили в порядок свои дела в его голове во время сна — они больше не делают этого, так как человек как раз реорганизован, и для развития человечества это уже не имеет дальнейшего значения, — то человек уже совсем ничего не получал бы от этого для своего прогресса и для своего дальнейшего развития. Напротив, поскольку при пробуждении он сразу же через свои теперь уже развитые чувства мощно отдаётся внешнему миру, он совсем не может обращать внимание на то, что он мог бы заимствовать из сна как наследие. И вследствие этого оно возвратилось бы в голову, вместо того чтобы быть воспринятым сознанием. Сегодня через инспирацию человек не смог бы почувствовать в себе, что делают Боги во сне на арене его головной организации. Это в нём возвращалось бы назад и рано бы состарило его организацию.

В древние времена человек именно в бодрствующем состоянии воспринимал то, что он переживал засыпая, потому что его органы чувств не были ориентированы на внешний мир так, как это происходит сегодня; и таким образом человек мог в те времена жить в соединении с миром Богов. Созерцать Богов органами

чувств всё равно не могли, и древний человек был предрасположен к тому, чтобы, по крайней мере, переживать дела Богов вследствие того, что его чувства ещё не были так ориентированы на внешний мир, как сегодняшние.

Но позже приходит время — по существу это было тысячелетие до Мистерии Голгофы, — когда даже в восточном мире чувства, главным образом глаза людей, начали становиться восприимчивыми к впечатлениям внешнего мира так, как это и произошло позже. Человек подходил всё больше и больше к принятию более поздней организации чувств и к дополнению её тем, что было в нём оставлено внутри от прежних времён, от его нервной организации, которая ещё могла создавать для него возможность переживать божественно-духовные деяния. В древние времена он переживал, не смешивая с чувственным, чисто божественно-духовные деяния. Хотя теперь люди ещё кое-что и переживают, потому что Боги ещё не совсем ушли от них, но сейчас это внесла в себя организация чувств, и последствием этого был приход через большую часть человечества той особенности, что Боги, духовные существа, до известной степени были внесены в чувственную организацию. Я могу это выразить, если скажу: из прежнего чисто духовного созерцания божественно-духовных существ возникла вера в призраки.

Вера в призраки не является чем-то древнейшим в человечестве. Древнейшим является созерцание божественно-духовных существ. Вера в призраки возникла только через примешивание чувственного восприятия в созерцание божественного. И когда в Европу перешла мистериальная культура Востока и была воспринята, например, удивительной греческой духовной жизнью в искусстве и в философии, тогда в огромном количестве перешло и созерцание призраков.

Можно сказать: в этом последнем тысячелетии до Мистерии Голгофы чисто восточное созерцание уже пришло к упадку, и у многих поколений широких масс существовал как раз некий род созерцания призраков. Сюда в Европу переместилась вера в

призраки, чисто духовное созерцание Востока, преобразованное в чувственное. Так что можно сказать: вера в призраки есть последний отпрыск, конец высокого, хоть и сновидческого духовного созерцания, которое когда-то означало высокий расцвет культуры в развитии человечества.

Видите ли, то, что я здесь описал, как древний восточный человек в состоянии сна ощущал свою голову в качестве земной арены божественного мира, — это переживали именно простые люди; но посвящённый мистерий это знал. Уже сегодня это получает теперь свою противоположность в появлении новой культуры.

Эта новая культура находится ещё в начале, и она проявляется тем сильнее, чем дальше мы переходим на Запад. Для древнего восточного человека не имело бы никакого смысла говорить: „Человеческие мысли не наполняют человеческую волю”. — Ибо он знал, что живёт в его воле и даже в его крови, это приходило к нему от Богов. Боги создавали его мысли, и в состоянии его сна Боги развивали некую мощную силу. Он это ощущал как инспирацию.

Сегодня же, когда мы смотрим на Восток, на последние остатки того, что существует как философия, например в Соловьёве, то нечто такое, существующее именно у этого Соловьёва, показывает, что он совсем не понимает, и вовсе не понял бы, если бы сказали примерно следующее: „Мысли в человеке существуют не побуждая — они не несут волю”.

Однако это всецело является мнением сегодняшнего западного человека, а именно американца. Американец в этом смысле описывает то, что ему даётся, вплоть до черт (Züge) его физиологии, его биологии. Наука Америки в этом отношении, если вступишь в её более интимные основные черты, является чем-то совсем иным, чем европейская или тем более наука Востока.

Западный человек, собственно, описывает, как мало значения имеют мысли для воли человека. Он только очень крепко усвоил, что существует человек, который вырабатывает мысли. Однако

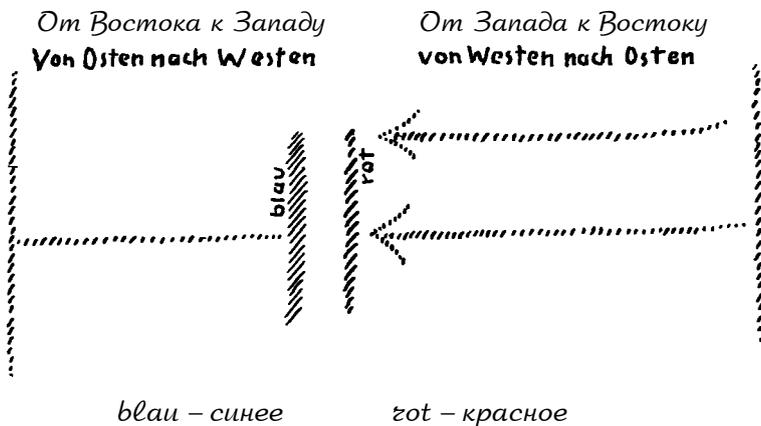
он всё-таки не может создать мысли, исходя из неизвестного, из неба. Поэтому сегодняшний американец, например, говорит себе: „Гораздо важнее, чем воспринятое человеком в мыслях, тот способ, каким он врос в определённую семью, в партийное направление благодаря своим социальным жизненным отношениям, как он врос в некую секту. Всё это влияет на его эмоции, всё это определяет его волю. И, собственно, вовсе нельзя определять волю из мысли. Воля определяется из таких подоснов жизни, как семья, партийное направление, страна, секта и так далее”. — И американец, вообще западный человек, говорит: „Мысли, по сути дела, не государь в человеке; они в действительности только первый министр государя, а государь есть человеческая организация, воля, стремления, инстинкты — что повторяет потом Карлайл (Carlyle), — хоть они являются и дорогим министром, эти мысли, но они только исполнительный орган”.

И мы в действительности должны сказать, что сегодня те широкие массы людей, которые стремятся в выгодном свете выставить в мире своё собственное воззрение относительно традиционного, думают по сути так же. Поэтому и получается, что сегодня так охотно изучают, как жил примитивный человек, поскольку полагают, что он жил инстинктами и влечениями, и его мысли были якобы только родом отражения его инстинктов и влечений.

Так сегодня, заглядывает в человека западный человек, и говорит, что его (этого человека) понуждают инстинкты и влечения. Почему так? Потому что он ещё не организован воспринимать духовное в этих инстинктах и влечениях. Для него нет ничего, кроме влечения, кроме инстинкта, за которым не стоит духовное. Но если в человеке проявляются инстинкт и влечение, то это, пожалуй, может быть очень злым духовным, дающим здесь о себе знать у одного или у другого человека, но даже если это жестокое побуждение — это есть дух, который скрывается. Только сегодня человек ещё не воспринимает этот дух. Человеческий род находится сейчас в состоянии развития. Вначале надо

продвинуться к такой духовности, чтобы человек, заглядывая в себя и воспринимая свои порывы, инстинкты и вожделения, повсюду воспринимал бы в них духовное. Однажды в будущем он это осуществит. Притом нет вовсе никакой разницы, имеет ли человек злые или добрые инстинкты; в том случае, если это злые инстинкты, присутствует вдвигающаяся в него ариманическая и люциферическая духовность, но это является духовностью.

То есть с такой отговоркой, что влечения и инстинкты мы имеем в человеке в качестве движущей силы, происходит не иначе, чем это происходило раньше с призраками относительно духовности. Посмотрите, здесь в созерцании Востока когда-то присутствовала древняя духовность (см. рис.). Это продолжало развиваться и в качестве конечного продукта, то есть, как сказано, в последнем тысячелетии до Мистерии Голгофы, превратилось в веру в призраки, в созерцание призраков (см. рис. синее).

Теперь внутри мирового развития мы стоим так, что на одной стороне созерцаем, как из древней духовности появилась вера в призраки; но одновременно мы созерцаем перспективу в будущее: тут мы снова однажды придём к чистому созерцанию. Но пока ещё присутствует вера в призраки, внутренняя вера в призраки. Так как верующий в призраки подразумевает, что при-

зраки являются чувственными и выглядят так, как видишь глазами, то сегодняшний человек, западный человек, когда смотрит сам в себя, не видит пока духовность, но воспринимает призрачное. Все влечения, инстинкты, вожделения — это призраки, которые предшествуют сегодня духовности (красное); между тем как древние призраки следовали за прежней духовностью (синее). Итак, можно сказать: с Востока в направлении Запада развивалась древняя чистая духовность; вера в призраки продолжается в ходе времён, и остатки этого всё ещё существуют среди нас. С Запада сюда по направлению к Востоку, приближаясь к нам и реализуясь в далёком будущем, развивается более поздняя духовность, которая проявляется в своей начальной стадии через нечто, являющееся таким же призрачным, как и древние призраки, а именно через влечения, инстинкты, вожделения и тому подобное, так, как их видит сегодняшний человек. Современный учёный, исходя из воззрения, которое он имеет, приписывает людям порывы, инстинкты, вожделения и с презрением смотрит сверху вниз на веру в призраки огромных масс народа. Он не знает, что эта вера больших масс народа в призраки имеет точно такую же познавательную ценность и познавательную сущность, как и его вера в вожделения, в порывы и инстинкты. Он верит в призраков начала так же, как большие массы народа верят в призраков конца. И наша европейская цивилизация стала такой хаотической потому, что в ней сталкиваются древние призраки с новыми призраками.

Я это кратко охарактеризовал в одном афоризме в «Афоризмах Запада и Востока», представленных вам на этой неделе в номере «Гётеанума»: как, с одной стороны, уже долгое время нового человечества фактически касается древняя унаследованная восточная духовность, которая запечатлела себя в душе в вере в призраков, и, с другой стороны, касается нечто, ныне возникающее, прорастающее, что входит ещё не лишённым чувственного из веры в призраков — в порывы, инстинкты и вожделения. Призраки, как их обычно называют, являются духами, ставшими

ощутимыми через человеческую организацию, а порывы, инстинкты, вождения и страсти являются ещё не доведёнными до духовности, ещё не лишёнными чувственного, современными призраками, указывающими на будущее.

Внутренняя душевная жизнь именно европейского человека живёт в этой особой хаотичной форме взаимодействия древних и новых призраков, и должно быть найдено духовное воззрение, которое по поводу обоих придёт к полной ясности. Не правда ли, с этими вещами связана жизнь человеческого мировоззрения, но и всеобщая человеческая жизнь на Земле связана с этим. И с этим связаны не только духовная жизнь, но и правовая, юридическая жизнь, государственная жизнь и экономическая, хозяйственная жизнь, так как всё это ведь происходит из особого свойства человека. Но откуда же приходит всё это развитие? — Об этом мы должны себя спросить. Я говорил, что Боги, божественно-духовные существа имели в человеческой голове свои земные дела. Мы конечно различаем тройственного человека: нервно-чувственного человека, преимущественно в голове, ритмического человека, живущего в середине, и человека конечностей и обмена веществ, который содержится в конечностях и в продолжении внутрь, в собственно органах обмена веществ (см. рис.). Мы различаем этого трёхчленного человека, и мы теперь,

следовательно, знаем, что на Земле Боги через древнее человечество во время состояния сна приводили в порядок свои земные дела так, что они, в то время как человек находился в состоянии сна, определённым образом открывали в голове человека свою мастерскую. Что же происходит у сегодняшнего человека?

У сегодняшнего человека во время состояния сна Боги тоже открывают свою мастерскую, но уже не в голове, а в организме конечностей и обмена веществ. Но организм конечностей и обмена веществ — теперь это является существенным, имеющим большое значение — и во время бодрствования человека остаётся бессознательным. Подумайте, как часто я это говорил: „Представления, в которых человек бодрствует”. Но что происходит тогда, когда я имею представление: я подниму свою руку, я буду двигать своей рукой; что же происходит в таком случае внизу, для того чтобы мышца реально осуществила это движение — этого не знает современный человек и нормальное сознание. Для него остаётся тёмным всё это действие жизни его представления внутри в его организме. Это приводит к бессознательной жизни и во время состояния бодрствования. Значит, сегодня Боги имеют арену своего действия на Земле так, что человек вследствие собственного природного развития в настоящее время не может принимать наследие в состоянии бодрствования, пробуждаясь.

Сегодня тоже происходит так, что божественно-духовное свершение в человеке происходит от засыпания до пробуждения, но через своё собственное естественное положение человек не в состоянии при пробуждении получать впечатление о том, что совершили Боги. Древний человек просто благодаря своей организации был создан так, что чувствовал себя инспирированным своими мыслями. Современный человек свои мысли создаёт. Но на эту деятельность пока не воздействуют божественно-духовные деяния. Это только должно развиваться в человечестве. И это является задачей, которую должна поставить себе, я бы сказал, как космическую задачу именно духовная наука. Она должна привести человека к такому развитию. И даже сущность

воспитания должна быть включена в такое развитие, чтобы человек мог с полным сознанием из себя познавать божественно-духовные деяния. Одновременно с этим произойдёт так, что он уже не будет видеть нечто, подобное этим внутренним призракам, ибо как сегодня представляют себе влечения и инстинкты, то относительно реального человеческого внутреннего именно призраки являются такими, какими их (призраки) видят снаружи. Они ведь также являются не просто фантазиями, но божественно-духовными силами, которые лишь органы чувств делают наглядными и изображают неверно, неистинно.

Но и божественно-духовные силы, действующие в человеке, представляются неистинными, когда они представляются в смысле сегодняшних влечений и инстинктов. То, к чему сегодня относятся с презрением, является внешними призраками. То, что сегодня рассматривают как науку, тоже является ничем иным, как призраком, только внутренним призраком, и человек должен во что бы то ни стало, я бы сказал, пережить это преобразование, предначертанное ему космическим развитием. Вся наша культура должна быть пронизана импульсами, которые идут в этом направлении. В этом заключена возможность выйти из нисходящих сил — или из хаотического взаимодействия нисходящих сил с силами восхождения, от которых человечество сегодня ещё отбивается, — и, будучи инспирированными и побуждаемыми духовным, идти навстречу возможной будущей стадии развития человечества и преуспеть в направлении этой возможной будущей стадии развития человечества. Всё зависит от этого.

То, что я хотел дать вам сегодня, я высказал также как некий род рассмотрения Востока-Запада, только, можно сказать, со стороны эзотерического. Уже сегодня эти рассмотрения Востока-Запада являются вполне «своевременными», причём, я употребляю слово не так тривиально, как его применяют многократно, ибо только благодаря тому, что осуществляются такие рассмотрения, человечество приходит к определённом сознанию.

Итак, можно сказать: когда-то, в древние времена земного развития, человек и во сне — ибо ведь он является человеком и во время сна, когда он не носит с собой снаружи своё тело — был в такой связи с Богами, что он мог даже душевным взором, духовным взором видеть, как Боги обретают жилище в его голове. Тогда после этого при пробуждении более или менее оставалось чувство. Человек всё более и более выходил из божественно-духовного мира, который он воспринимал, разумеется, сновидчески, оглядываясь после выныривания из тела. Это было раньше, позже он воспринимал его только как инспирацию уже при погружении в тело.

Но теперь, когда Боги до некоторой степени дальше спустились в его физическую форму, человек включён в такую связь с Богами, что они для земного существования подыскили себе свою мастерскую в его организме конечностей и обмена веществ. Однако это земное бытие человек во сне полностью не покидает. И поскольку он не покидает это полностью во время сна, человек вновь может переживать импульс для своей воли из божественного мира, для своего социального существа, но переживать его он должен не во сне, а как действительно целый человек во время бодрствования. То есть, человек должен всё больше и больше осознанно склоняться к познанию духовного мира. Это то, на что мы должны держать курс. Сегодня я хотел бы дать вам это к вопросу рассмотрения Востока-Запада. Завтра я вам, кроме того, сообщу об этом конгрессе Восток-Запад так, как он мне представляется.

Примечания

Основу для текста этого тома образовали записи докладов по стенограмме фрау Хелены Финк (von Frau Helene Finckh) (1883-1960). Для проверки отдельных мест были привлечены оригиналы стенограмм.

Следующие доклады были опубликованы в журналах:

С 29 апреля по 7 мая 1922 года:

«Гётеанум» 7-ой год издания 1928, №№ 44-51 и 8-ой год издания 1929, №№ 1-3, 5-11, а также в «Blätter für Anthroposophie» 8-ой год издания, 1956, №№ 7-11 и 9-ый год издания, 1957, №№ 1 и 2.

26 мая 1922:

«Nachrichtenblatt» 5-ый год издания, 1928, №№ 32-35.

27 и 28 мая 1922:

«Das Goetheanum» 11-ый год издания 1932, №№ 7-10.

17 июня 1922:

«Das Goetheanum» 20-ый год издания, 1941, №№ 28-30.

Оглавление

ДУШЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА В СВЯЗИ С МИРОВЫМ РАЗВИТИЕМ

- Первый доклад 7
Дорнах, 29 апреля 1922 года
Связь человека с миром как душевный вопрос. Неудовлетворённое бытие с заключённой в себе сущностью души. Представления как образное бодрствующее сознание, воля как непросматриваемая реальность. Обе стороны чувства. Интимное и внешнее переживание мира представления и мира воли. Независимость органов чувств. Воздействие света на нашу душевную жизнь. Лёгкие как орган жизни и как будущий орган чувств. Сущность антропософских истин.
- Второй доклад 26
Дорнах, 30 апреля 1922 года
Изменение органов жизни в органы чувств. Невидимое становление физического и видимое становление движений во время смерти. Смерть как рождение воли. Будущие лёгкие как орган чувств. Органы чувств как духовные существа и их связь с представлениями воспоминания. Душа как активная сущность. Судьба сверхчувственного переживания в душе. Различие высшей и обычной душевной жизни. Греческая и современная драма. Представление как только образ и как живое содержание души. Живая душа и развитие мира.
- Третий доклад 46
Дорнах, 5 мая 1922 года
Душевные способности и сознание. Возникновение бодрствующего сознания из сновидческого сознания при возникновении всасывания астрального тела в физическое тело. Связь сновидения с чувством (кошмарные сны) через процесс дыхания. Эфирное тело и астральное тело как водный и воздушный организмы. Тепловой организм. Физическое как отражение всего человека. Процесс дыхания. Мозг как фотография дорождённого. Сущность человека дыхания и человека сердца. Водное, воздушное и тепловое в конечностях как посредник душевного с физическим. Отложение солей как отражение в осознании душевного. Душевная односторонность и болезнь. Связь кислотности и душевных качеств. Твёрдый организм как рефлектор осознания душевного. Организм как образ душевного.

Четвёртый доклад 65

Дорнах, 6 мая 1922 года

Стояние вне вещей относительно внешнего и внутреннего мира. Переживание духовного внешнего мира в имажинации. Сердечное познание в инспирации. Безразличие мысли по отношению к личной сущности. Отправление чувствования в мыслительную жизнь. Верхняя варка человеческих стремлений и инстинктов. Сердце как орган чувств. Отражение инстинктов и переживание дородового человека. Головной мозг как мёртвое тело души. О переживании Солнца и выход через солнечное в жизни между смертью и новым рождением. Тело как препятствие в переживании вселенной. Лунное в способности размножения. Луна как «нижнее» солнце действует на тело, «верхнее» солнце – на душевное человека. Сущность ореола святости. Противоположность наследования и душевно-духовного. Чувственное и душевно-духовное тепло в изложении книги «Мировоззрение Гёте».

Пятый доклад 85

Дорнах, 7 мая 1922 года

Современное образование понятий и недостаточный интерес к внутреннему миру. О кино. Вера в авторитеты в современном мировоззрении. Прежнее переживание идей и точное наблюдение сегодня как феноменализм. Техника как единственно подлинная основа современного мировоззрения. Древние мистерии и их пророчество относительно технической эпохи. «Философия свободы» как последствие технической эпохи. Чистое мышление. Воззрение о небожественности внешнего мира. Аскеза в эпоху средневековья. Идея о грехопадении. Спасение мира через искусство в воззрении греков. Мир машин и мир культа. Гибель ариманического мира и восхождение христианской сущности. Полярность в антропологическом мировоззрении. Рождение и смерть в средневековье. Святой ореол и беременная женщина. Свобода и ариманическое, религия и люциферическое. Древние христианские мистерии. Весть о Христе как божестве, который претерпевает земную смерть.

**ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ДУХОВНЫЕ СТРЕМЛЕНИЯ В СВЯЗИ
С ЗЕМНЫМ РАЗВИТИЕМ**

Шестой доклад 109

Дорнах, 26 мая 1922 года

Возраст человека. Процесс инкарнации. Слияние и образование эфирного тела до соединения с физическим телом. Свойство эфирного тела (звёзды, солнце, луна и земля). Побледне-

ние эфирного тела во втором семилетнем возрасте при возникновении сил, лучащихся внутрь. Образование эфирного сердца после полового созревания как сгущение сил, внутри которых находится физическое сердце. «Загнивание» унаследованного эфирного сердца и замена собственным, космически сформированным эфирным сердцем. Полнота астрального тела и его становление недифференцированным при ускользании в телесные органы. Возникновение вновь дифференцирования через осознанную человеческую деятельность. Централизация этой деятельности, её включение в космическое эфирное сердце как основы действительности кармы. Разница кармического действия при умирании до и после полового созревания.

Седьмой доклад 127

Дорнах, 27 мая 1922 года

Путь йоги в древнюю индийскую эпоху. Тогдашнее ясновидение как духовная жизнь без самостоятельного самосознания. О сути дыхательных упражнений йоги. Возникновение особого самочувствия как воспоминание о времени до рождения в духовном мире. Бхагавадгита как плод этого переживания. О возникновении мантрических изречений, из которых проистекли более поздние ритмы поэзии. Йога и современные медитативные упражнения. Отделение последних от дыхательного процесса и переход к переживанию ритма внешнего мира. «Я» как воспоминание (йога) и «Я» как непосредственное духовное переживание. Упражнения йоги движений физического тела и их современный коррелят в мыслительных упражнениях относительно пространства. Аскеза и древние великие религии. Современное ощущение и путь воспитания воли. Страдание как побудитель познания.

Восьмой доклад 145

Дорнах, 28 мая 1922 года

Движение к концу и нетворческое становление рассудка. Оплодотворение интеллекта через духовное течение. Самосознание йога и современный человек. Освобождение современного мышления от дыхательного процесса и его излияние во внешний мир. Познание элементарного мира. Мир гномов и число. Водные существа и эмоциональное переживание мира. Воздушные существа и желание. Разрушение интеллекта и предоставление воздушных существ Ариману. «Сползание» рассудка. Психоанализ. Высокие элементарные существа света и жизни. О сущности Ветхого завета. Недостаток духовного начала и обращение высоких элементарных существ к Люциферу. Бренность современной науки.

ЗАПАДНАЯ И ВОСТОЧНАЯ МИРОВАЯ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЬ

Девятый доклад 159

Дорнах, 17 июня 1922 года

Бодствующий и спящий человек. Образование понятий современного человека и мыслительная жизнь древневосточных культур. Инспирированное мышление и собственное образование понятия. Греческое мышление (Сократ) как начало современного мышления. Изображение спящего человека на Востоке (Ближнем и Среднем). Особенности восприятия цвета греками. Отделение современного человека от богов вследствие его сильной связи с миром чувств. Возникновение веры в призраки. Человеческие мысли не наполняют новой энергией волю (Carlyle). Соловьёв как восточный мыслитель. Сущность западного человека и его воззрение о примитивном человеке. Влечение как единственный определяющий фактор. Восточная призрачная мысль и западный призрак стремлений и инстинктов. Действия богов в голове (Восток) и в конечностях (Запад). Развитие духовных мыслей как задача будущего.

Примечания 177

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ТИТУРЕЛЬ»

Издательство «Титурель» основано в 2003 году группой энтузиастов духовного познания. В основе работы коллектива лежит издание трудов основоположника духовной науки (антропософии) Рудольфа Штейнера (Штайнера). Первоначально в планах издательства стоят те из трудов Р. Штейнера, в которых он уделяет особое внимание естественным и точным наукам, а также психологии и медицине. Помимо этого основного направления мы рассматриваем возможности публикаций редких или не издававшихся на русском языке книг естествонаучного, поэтического, религиозного содержания, памятников древней мудрости, всего, что так или иначе соответствует основному направлению.

Сведения об имени Титурель можно найти в литературе, посвящённой Святому Граалю, в том числе в трудах Рудольфа Штейнера, а также в «Энциклопедии Духовной Науки» (ANTHROPOS. Сост. Г. А. Бондарев — М.: ИНСТИТУТ ОБЩЕ-ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ, 1999)

Издано:

Переводы томов Наследия (Полного собрания трудов) Рудольфа Штейнера:

Книга, в которую вошли том GA 322 «Границы естественного познания и их преодоление» и цикл, объединяющий четыре доклада «Поиск новой Изиды, Божественной Софии», из тома GA202. М.: Титурель, 2003. — 272 с.

Том GA 45 «Антропософия. Фрагмент». М.: Титурель, 2005. — 504 с.

Том GA 323 «Связь различных естественнонаучных областей с астрономией». Третий естественнонаучный курс. *Астрономия в отношении к человеку и к антропософии. 18 докладов, Штутгарт, с 01.01.21 по 18.01.21*. М.: Титурель, 2006. — 488 с.

Том GA 324 «Наблюдение природы, эксперимент, математика и ступени познания духовного исследования». *8 докладов и один вступительный доклад в рамках «Свободной антропософской высшей школы», Штутгарт, с 16.03.21 по 23.03.21*. М.: Титурель, 2006. — 160 с.

Том GA 324a «Четвёртое измерение. Математика и действительность». *Записки слушателей докладов о многомерном пространстве и ответов на вопросы на математические темы. 6 непосредственно связанных докладов, Берлин, с 24.03.05 по 07.06.05; 2 отдельных доклада, Берлин, 07.11.05 и 22.10.08. Ответы на вопросы от 1904 по 1922 гг.* М.: Титурель, 2007. — 320 с.

Книга «Демонократия» (литературное прочтение тома GA 177), М.: Титурель, 2008 — 320 с.

Том GA 207/208 «Антропософия как космософия». *Характерные черты человека в земной и космической сферах. Формирование человека как результат космических действий. Двадцать две лекции, Дорнах, 23 сентября — 13 ноября 1921 года*. М.: Титурель, 2010 — 384 с.

Том GA 325 «Естествознание и история». *I. Европейская духовная жизнь в XIX столетии со ссылкой на её исходный пункт в IV столетии. II. Естествознание и всемирно-историческое развитие человечества со времён древности. 6 открытых докладов, Дорнах 15 и 16 мая и Штутгарт с 21 по 24 мая 1921 года*. М.: Титурель, 2011. — 184 с.

Том GA 326 «Исторический путь естествознания». 9 докладов, Дорнах с 24 по 28 декабря 1922 года и с 1 по 6 января 1923 года. М.: Титуфель, 2011. — 200 с.

Том GA 212 «Душевная жизнь и духовные стремления человека в связи с развитием мира и Земли». 9 докладов, Дорнах с 29 апреля по 17 июня 1922 года

Переводы Дополнений к Наследию (Полному собранию трудов) Рудольфа Штейнера:

Тетрадь 114/115 «Рудольф Штайнер и многомерное пространство»
М.: Титуфель, 2010 — 128 с.

Издания других авторов:

Григорий Елин «КОЛОКОЛ ГЕРЦЕЛОЙДЫ. Венок венков сонетов». М.: Титуфель, 2011. — 288 с.

Илья Зильберберг «АНТРОПОСОФИЯ И ЖИЗНЬ. Личный опыт». М.: Титуфель, 2012. — 800 с.

Готовятся:

Переводы томов Наследия (Полного собрания трудов) Рудольфа Штейнера:

Том GA 159 «Тайна смерти. Сущность и значение Средней Европы и европейские Народные Духи». 15 лекций, прочитанных в 1915 году в разных городах. М.: Титуфель, 2012. — 384 с.

Переводы Дополнений к Наследию (Полному собранию трудов) Рудольфа Штейнера:

Тетрадь 107 «Рудольф Штайнер и аппарат Штрадгера»

Издания других авторов:

Константин Бальмонт «ЗОВЫ ДРЕВНОСТИ. ГИМНЫ, ПЕСНИ И ЗАМЫСЛЫ ДРЕВНИХ. Египет, Мексика, Майя, Перу, Халдея, Ассирия, Индия, Иран, Китай, Океания, Скандинавия, Эллада, Бретань. КОСТРЫ МИРОВОГО СЛОВА». — Репринт издания 1908-го года.

РУДОЛЬФ ШТАЙНЕР

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ТРУДОВ.

Том № 212.

Душевная жизнь и духовные стремления человека
в связи с развитием мира и Земли. – М.: Титурель. – 184 с.

ISBN 978-5-902490-13-5

Автор перевода: Памфилова Л. Б.

Редактор перевода: Памфилов В. Н.

Оформление, вёрстка: Елин Г. Я.

Издательство «Титурель»,

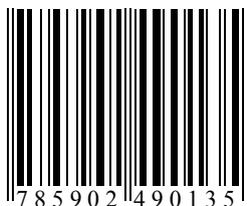
г. Москва

<http://titurel.ru> или <http://www.titurel.ru>

E-mail: titurel@land.ru

По вопросам заказов и покупки книг издательства обращаться
к Махрачёвой Нине Иосифовне по телефонам
8 (916) 967-48-40 и (495) 695-09-64

ISBN 978-5-902490-13-5

Формат 60x90/16. Объём 11,5 печ. л.

Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано по технологии CtP

в ППП «Типография «Наука»

121099, Москва, Шубинский пер., 6